

ИЗЪ БИБЛИОТЕКИ
Дмитрія Петровича
СЫРЕЙЩИКОВА.

A 271

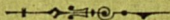
166

МК 3/6 вое рязь

Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

ПИСЬМА

ВОЕННАГО

КОРРЕСПОНДЕНТА.

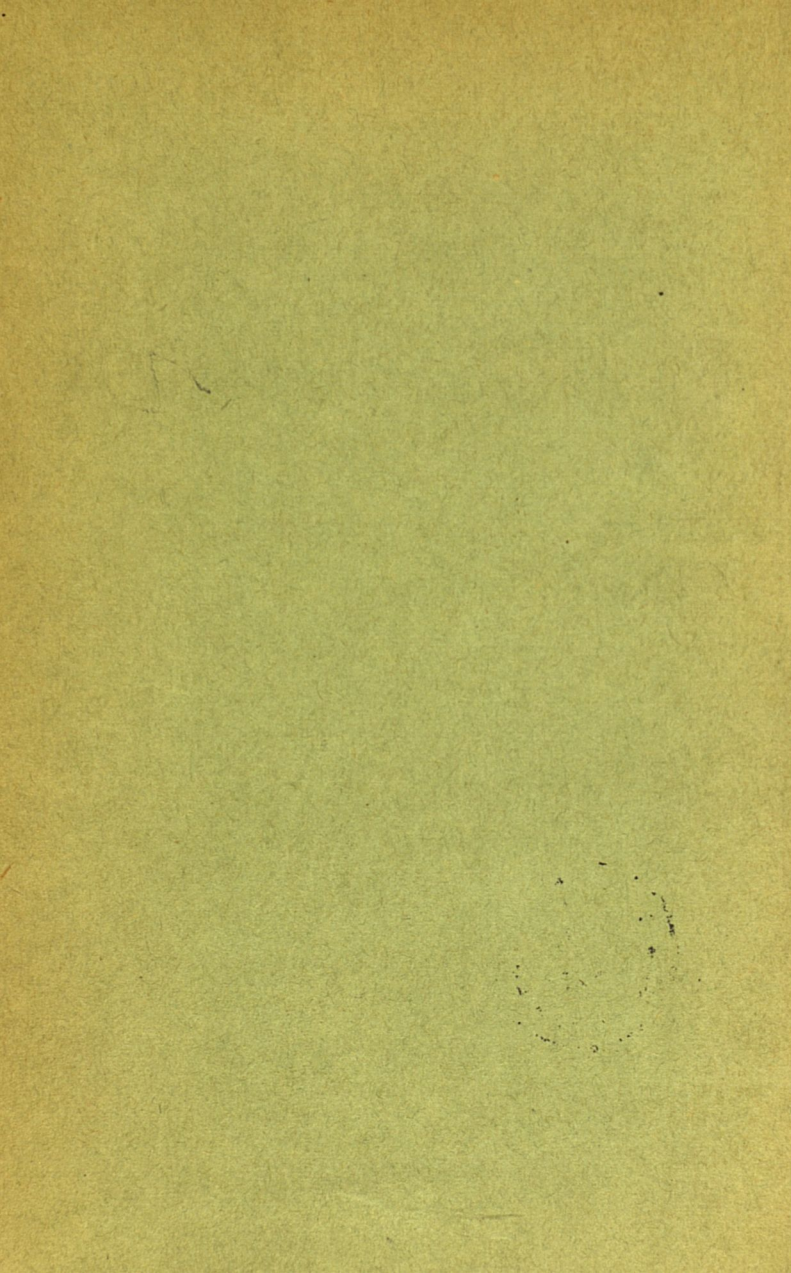

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергия“,

Загородный пр., 17.

1904.

Н. Э. ГЕЙНЦЕ.

ВЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

ПИСЬМА ВОЕННАГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія“,
Загородный пр., 17.

1904.

6870-0

2007082384

Предисловіе автора.

Быть или не быть?

Этотъ вопросъ Гамлета возстаетъ передъ японскимъ народомъ при мысли объ исходѣ настоящей войны.

Для Японіи онъ вопросъ политической жизни и смерти.

Въ теченіи десяти лѣтъ всѣ экономическія и умственныя силы страны были направлены на приготовленія къ войнѣ съ Россіей, на подогрѣваніе относительно этой войны общественнаго мнѣнія, на электризацію народнаго патріотизма и шовинизма.

Теперь ни для кого ни тайна, что это было такъ и что упорный десятилѣтній трудъ военныхъ приготовленій далъ соотвѣтствующіе результаты.

Всѣ иностранные военные агенты единогласно признаютъ, что японская армія не уступаетъ европейской, отличаясь, кромѣ того, азіатскою хитростью, восточнымъ презрѣніемъ къ смерти и даже пожалуй звѣрствомъ недавнихъ дикарей.

Эти послѣднія свойства — нельзя назвать ихъ качествами — дѣлаютъ этого сильнаго врага особенно упорнымъ.

И на долю Россіи выпало встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, быть можетъ вторично спасая Европу.

Почти сто лѣтъ тому назадъ она спасала ее отъ западныхъ завоевателей, теперь ей, какъ кажется, выпало на долю спасти отъ восточныхъ.

И спасеніе это совершится!

Не смотря на вступленіе войны въ затяжной фазисъ, въ результатѣ, конечно, будетъ побѣда надъ японцами, какою бы цѣной жизнью ея сыновъ и денежныхъ затратъ ни пришлось Россіи купить эту побѣду надъ сильнымъ, напрягшимъ всѣ свои силы врагомъ.

Иначе не можетъ думать ни одинъ истинно русскій человѣкъ.

Это сознаютъ и японцы и этимъ объясняется ихъ ожесточеніе въ этой войнѣ.

Они не жалѣютъ ни средствъ, почти послѣднихъ, засыпая наши войска снарядами, приготовленными ими въ громадномъ количествѣ, ни людей, которыхъ они приводятъ „ханшиномъ“ и возбуждающими средствами въ озвѣрѣлое состояніе.

Всѣ раненые японцы, захваченные нами въ плѣнъ, оказывались пьяными.

Если офицеры, воодушевленные любовью къ родинѣ, избрали своимъ девизомъ „побѣда или смерть“ и этотъ девизъ находили вытатуированнымъ у нихъ на тѣлѣ, то солдаты лѣзутъ на эту смерть подъ наркозомъ, хотя и въ нихъ нельзя отрицать сознанія необходимости побѣдить, чтобы не погибнуть.

Этимъ объясняется кровопролитность этой войны и продолжительность сраженій, длящихся по нѣсколько дней.

Этимъ объясняется и звѣрство ихъ надъ на-

шими ранеными и даже плѣнными солдатами, факты котораго констатированы оффиціальными актами и не могутъ быть отнесены къ плодамъ досужей фантазіи корреспондентовъ.

Быть или не быть?

Этотъ вопросъ читается между строкъ всѣхъ японскихъ сообщеній и приказовъ по арміи.

Одинъ изъ этихъ приказовъ говоритъ, что „лучше смерть, нежели плѣнъ“, что „плѣнъ позоръ а смерть слава“.

Оттого-то японцы предпочитаютъ сдѣлать надъ собой „харакири“, т. е. распоротъ себѣ животъ или же разбить себѣ голову о камень, нежели отдаться въ плѣнъ.

По словамъ плѣнныхъ японцевъ, возвращеніе на родину для нихъ невысказано.

Тамъ ихъ ожидаетъ смертная казнь.

Тяжело положеніе и ихъ семействъ въ Японіи—ихъ окружаетъ общее презрѣніе.

При такихъ условіяхъ понятно то остервенѣніе, съ которымъ они дерутся, не обращая вниманія на потери въ людяхъ, лишь бы добиться хотя временнаго успѣха.

И пока что они добиваются его страшно дорогою цѣною.

Это борьба отчаянія!

Не трудно предвидѣть, каковъ будетъ конецъ ея.

Гамлетовскій вопросъ Японіи разрѣшится отрицательно.

Это единственный исходъ войны въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Н. Э. Гейнце.

Рано!.. *)

Японецъ ликуеть, гордится успѣхомъ
«На русскихъ навель де я страхъ»!
Но эхо на это презрительнымъ смѣхомъ
Ему отвѣчаетъ въ горахъ:

«Постой, желтолицый, не очень ли рано
«Побѣду ты видишь въ мечтахъ?»
«Забрался въ средину ты русскаго стана,
«Забывъ о своихъ островкахъ»!»

То эхо невольно смущаетъ японца,
Назадъ оглянулся со страхомъ въ очахъ
И видитъ «страну восходящаго солнца»
Въ кровавыхъ и мрачныхъ лучахъ.

Надъ ней надвигается туча за тучей,
И слышится грома раскатъ:
То—медленный, вѣрный, какъ буря могучій,
Шагъ русскихъ «желѣзныхъ солдатъ».

Имъ вторять, какъ эхо, плескъ волнъ океана
И клики побѣды на русскихъ судахъ,
И шепчетъ японецъ: «дѣйствительно рано»!
«Банзай» замираетъ на робкихъ устахъ...
Ляоянь, 2 іюля.

Н. Д. Тейнце.

*) Напечатано въ № 17 „Вѣстника Манчжурской Арміи“.

I.

Отъ Петербурга до Москвы.

Казалось-бы что писать отъѣхавъ всего шесть-сотъ съ чѣмъ-то верстъ отъ Петербурга до Москвы, употребивъ на эту поѣздку менѣе полсутокъ, добрыя три четверти которыхъ посвящено было сну.

Однако мнѣ посчастливилось.

Первое, что мнѣ бросилось въ глаза въ вагонѣ—это стоявшій на сѣткѣ чемоданъ одного изъ моихъ *vis-a-vis*—въ купѣ мы ѣхали втроемъ.

Изящно сдѣланный, плоскій, желтой кожи чемоданъ, съ висѣвшей у замка таблеткой, на которой напечатано „The Miyako. Hotel Kyoto. Japan“.

Я тотчасъ-же понялъ, что ужъ и тутъ пахнетъ Дальнимъ Востокомъ, тѣми мѣстами, гдѣ льется русская кровь, куда стремлюсь я, а ранѣе меня уже унеслись туда мои мысли.

И дѣйствительно, по счастливой случайности, моими *vis-a-vis* оказались д. с. с. таможенный ревизоръ при департаментѣ таможенныхъ сборовъ Б. О. Вильчинскій и инженеръ путей сообщенія К. К. Юкишъ.

Оба были въ Манджуріи, Портъ-Артурѣ и Япо-

ни, а послѣдній, выѣхалъ изъ Харбина 7 февраля нынѣшняго года.

Заинтриговавшій меня чемоданъ оказался принадлежащимъ ему.

К. К. Юкишъ—одинъ изъ строителей китайской дороги—занять теперь изданіемъ большого альбома съ видами этой дороги, постепеннымъ ходомъ работъ на ней, начиная съ производившихся развѣдокъ, построекъ, временныхъ рельсовыхъ путей и строеній.

Альбомъ будетъ изданъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и едва-ли поступить въ общую продажу.

Это очень жаль, такъ какъ по рассказамъ К. К. Юкиша въ немъ много интереснаго и поучительнаго.

По дѣлу этого изданія онъ и ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву.

Все это выяснилось изъ бесѣды, которая, не успѣли мы отъѣхать отъ петербургскаго вокзала, быстро завязалась между мною и моими vis-a-vis по купѣ, когда я сказалъ, что ѣду на театръ войны.

— Кто разъ поѣхалъ на Дальній Востокъ, то оттуда не вернется,—замѣтилъ К. К. Юкишъ.

Въ этомъ слышалось для меня что-то устрашающее.

Я попросилъ объясненіе.

Оказалось, что смыслъ этихъ словъ былъ совершенно иной.

По словамъ К. К. край этотъ представляетъ такое широкое поприще для дѣятельности энер-

гичныхъ русскихъ людей, что кто разъ туда поѣхалъ, не пожелаетъ оттуда вернуться—его потянетъ туда снова, если онъ пріѣдетъ назадъ въ Россію.

— Это именно поприще для дѣятельности совершенно честной, а между тѣмъ, страшно выгодной. Такъ, на примѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двѣнадцать инженеровъ сложились по пяти тысячъ рублей и построили мукомольную мельницу. Теперь она даетъ доходу 144,000 рублей въ годъ.

Самъ К. К. Юкишъ приобрѣлъ за безцѣнокъ береговую полосу на рѣкѣ Сунгари въ Харбинѣ и владѣеть 52 десятинами и второй приставью, первая казенная. Платилъ онъ по копѣйкѣ за квадратную сажень, часть перепродалъ за 10 рублей, теперь эта земля стоитъ по 100 рублей кв. сажень. Купилъ онъ на занятые деньги, уплатилъ долгъ и остался большимъ собственникомъ. У него уже хотятъ арендовать эту землю подъ мукомольную мельницу и между прочимъ, въ числѣ претендентовъ на нее есть нѣкто М., нажившій въ короткое время 15.000,000. Вся бѣда въ томъ, что край былъ до сихъ поръ наводненъ разнаго рода русскими отбросами и авантюристами, которые любятъ жать тамъ, гдѣ не сѣяли; они то и испортили наше отношеніе съ китайцами, которые привыкли вести дѣла „на вѣру“—они довѣрчивы, но наученные рядомъ обмановъ становятся болѣе чѣмъ осторожными.

— Вы давно изъ Манджуріи?

Я выѣхалъ изъ Харбина 7 февраля. Во время внезапной атаки порть-артурскаго флота въ ночь

на 27 января я былъ въ Харбинѣ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ Портъ-Артура впечатлѣніе этой атаки было потрясающее. Кстати я имѣю и самыя послѣднія извѣстія изъ Портъ-Артура отъ „послѣдней портъ - артурской дамы“. Это жена штабсъ-капитана Шилкина. Она была послѣдней русской женщиной, выѣхавшей оттуда и прибывшей недавно въ Петербургъ. Живутъ тамъ въ казематахъ и погребахъ и для женщинъ представляется опасность болѣе отъ наглаго и грубаго ухаживанія китайцевъ, простыхъ „боевъ“, рабочихъ, чѣмъ отъ японскихъ снарядовъ.

— Каково расположеніе Ляояна?

— Ляоянъ лежитъ въ котловинѣ, а отъ него въ Харбинъ идетъ равнина. До Ляояна вы не увидите живописныхъ мѣстъ. Развѣ изрѣдка рощицы, это непременно китайскія кладбища—культъ предковъ вѣдь развитъ въ Китаѣ въ высокой степени.

— Говорятъ, при постройкѣ китайской дороги много было разрушено китайскихъ кладбищъ и отсюда ихъ озлобленіе.

— Это неправда. Не смотря на „культъ предковъ“, китайцы охотно соглашались переносить своихъ покойниковъ на другое мѣсто, если дорога по изысканіямъ должна была пересѣчь кладбище, по восьми рублей за cadaго покойника—деньги эти имъ уплачивали и они откапывали кости и переносили. Нерадивые изъ нихъ часто по дорогѣ эти кости теряли или просто разбрасывали нарочно—а отсюда и сложилась эта сказка о разрушенныхъ китайскихъ кладбищахъ и поруганныхъ останкахъ предковъ.

Разговоръ перешелъ на пути сообщенія въ Манджуріи.

— Вы испытаете прелести „арбы“—этого китайскаго прямо инквизиціоннаго экипажа, особенно во время дождей по невылазной грязи. Наши колеса съ плоскимъ ободомъ рассчитаны, чтобы катиться по поверхности хотя-бы грязи, тогда какъ колеса арбы рѣжутъ грязь, отыскивая твердую почву; если наши проваливаются и образуютъ колеи, то можете себѣ представить, что дѣлается съ колесами арбы и какой ея ходъ по грязи... Болѣе четверти часа выдержать этой пытки нельзя... Какое мученье для раненыхъ если ихъ повезутъ на этихъ высокихъ огромно-колесныхъ катафалкахъ. Лучше всего ѣздить верхомъ...

— А по желѣзной дорогѣ?

— Со станціи Манджуріи вагоны для пассажи-ровъ будутъ прицѣплять къ воинскимъ поѣздамъ, по мѣрѣ возможности. На станціяхъ придется ждать подолгу.

— На станціи Манджурія найду я мѣсто, гдѣ отпереть чемоданъ и переодѣться... Я сдалъ багажъ до Манджуріи...—спросилъ я.

— Едва-ли, такъ какъ зданіе станціи рассчитано на 30 человекъ, а собираются сотни... Впрочемъ, теперь вы все это можете продѣлать на открытомъ воздухѣ...—отвѣтилъ К. К.

— Я могу вамъ, быть можетъ, помочь въ этомъ—любезно сказалъ Б. О. Вильчинскій.—Хотя теперь на станціи „Манджурія“ снята таможенная черта, но вѣроятно еще остались нѣкоторые знакомые мнѣ таможенные чиновники, къ которымъ вы можете обратиться отъ меня.

И, Б. О. далъ мнѣ свою визитную карточку.

И такъ у меня ужъ есть нѣкоторыя личная рекомендація.

Освѣдомился у моихъ любезныхъ, но къ сожалѣнiю, недолгихъ попутчиковъ о дороговизнѣ тамошней жизни.

— Дорого, все страшно дорого. Берите съ собой консервы, ветчины... Тамъ можно, особенно по дорогѣ до Ляояна, рисковать не достать ничего даже на вѣсь золота. Запасовъ вообще мало и все съ каждымъ днемъ дорожаетъ. Что есть въ большомъ количествѣ это смирновская водка. Въ Портъ-Артурѣ ея цѣлая гора, которая такъ и называется „гора Смирнова“— 6.000,000 ящиковъ.

Кстати могу сообщить изъ полученнаго сегодня однимъ изъ моихъ знакомыхъ москвичей письма изъ Иркутска, что отъ него до станціи „Манджурія“ начали ходить, въ виду опасности отъ хунхузовъ, блиндированные поѣзда. Статскихъ людей пускаютъ съ трудомъ. Въ Иркутскѣ сидятъ восемь газетныхъ корреспондентовъ среди которыхъ нѣсколько отъ московскихъ газетъ.

II.

Въ сибирскомъ поѣздѣ.

Ѣду пока со всѣми удобствами и полнымъ комфортомъ въ отдѣльномъ купѣ сибирскаго поѣзда, проѣхали Моршанскъ, вечеромъ будемъ въ Пензѣ.

Со мной въ одномъ поѣздѣ ѣдутъ десять офицеровъ одесской желѣзной стрѣлковой бригады во

главѣ съ полковникомъ Лешъ и подполковникомъ Томашевичемъ.

Они отправляются, по собственному желанію, вслѣдствіе вызова для пополненія убыли офицеровъ въ 11 и 12 восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ, такъ геройски ведшихъ себя при сраженія на Тюренченскихъ высотахъ.

Теперь офицеры этой бригады ѣдутъ замѣстить выбывшихъ изъ строя и павшихъ славною смертію на полѣ брани своихъ товарищей.

Всѣ они явятся моими попутчиками до самаго Ляояна, такъ какъ отправляются въ распоряженіе командующаго манджурской арміей.

Полковникъ Лешъ и подполковникъ Томашевичъ не первый разъ уже ѣдутъ на Дальній Востокъ—оба они участвовали при усмиреніи безпорядковъ въ Китаѣ въ 1900 году, а послѣдній былъ на Шипкѣ въ русско-турецкую кампанію.

Собираемся въ салонъ-вагонъ и разговоръ, конечно, идетъ только о войнѣ.

Никакихъ другихъ интересовъ!

Читаются и перечитываются газеты, захваченныя изъ Москвы и Петербурга.

— Ужели у насъ не будетъ свѣжихъ газетъ слышится возгласъ.

— Мы уѣзжаемъ отъ газетъ, онѣ насъ не догонятъ...

— Однако мѣстныя, напримѣръ въ Пензѣ...

— Мѣстныя, конечно...

— Все-таки прочтемъ телеграммы...

И въ этомъ ужъ нѣкоторое облегченіе.

Обсуждается горячо бой при Цзинчжоу

По мнѣнію моихъ военныхъ собесѣдниковъ занятіе японцами цзинчжоускихъ укрѣпленій, которыя мы имъ отдали, и которыя стоили имъ вѣроятно въ четверо или въ пятеро болѣе жертвъ, нежели это ими опубликовано, не представляетъ никакого значенія въ ходѣ осады Портъ-Артура.

— Это передовыя укрѣпленія, временныя, несомнѣнно очень сильныя, что доказывается множествомъ жертвъ, которыми они куплены, но за ними есть еще нѣсколько такихъ-же укрѣпленій, для взятіи которыхъ потребуется столько-же, если не болѣе жертвъ, прежде нежели японцы очутятся подъ стѣнами Портъ-Артура, противъ его фортовъ, многіе изъ которыхъ вродѣ Электрической батареи, Золотой горы, Орлиной горы, Тигроваго хвоста представляютъ изъ себя огражденные крѣпости, совершенно неприступныя. Для успѣшнаго штурма Портъ-Артура надо положить сотню тысячъ людей. Но допустимъ невозможное, что японцы ворвутся въ Портъ-Артуръ—вѣдь орудія на батареяхъ могутъ быть повергнуты внутрь крѣпости, и тогда японцы очутятся подъ нашими выстрѣлами, какъ мухи въ полоскательной чашкѣ.

— Значить Портъ-Артуръ взять нельзя?

— Нѣтъ крѣпости, которую нельзя было бы взять, при отчаянной храбрости войска и при колоссальной жертвѣ людьми, но Портъ-Артуръ построенъ по послѣднему слову фортификаціонной науки и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно можетъ быть названъ неприступнымъ. Это подтвердилъ такой военный авторитетъ, какъ генераль Куропаткинъ, который осматривалъ его еще задолго

до войны и въ честь котораго названъ одинъ изъ построенныхъ тамъ люцетовъ.

По поводу телеграммы изъ Парижа о томъ, что будто бы графъ Келлеръ съ большимъ количествомъ войска идетъ на выручку Портъ-Артура мои собесѣдники выразили сильное сомнѣніе въ вѣрности этого извѣстія.

— Портъ-Артуръ можетъ выдержать осаду въ теченіе цѣлаго года.

Разговоръ перешелъ на хунхузовъ и образъ дѣйствія китайцевъ.

— Несомнѣнно—сказалъ полковникъ Лешъ— что среди такъ называемыхъ хунхузовъ есть китайскіе солдаты, которые дѣйствуютъ съ разрѣшенія начальства... Это старая пѣсня, вѣдь этотъ генераль Ма былъ помощникомъ генерала Шу, съ которымъ мы дрались въ 1900 году. Онъ умеръ въ плѣну въ Иркутскѣ. Вѣдь когда мы прибыли тогда въ Китай, всѣ эти такъ называемые „боксеры“ или „большіе кулаки“ разбѣжались и намъ пришлось имѣть дѣло съ китайскими регулярными войсками, которыя именовались „мятежными“. Такъ мы и писали, а между тѣмъ, находили въ захваченныхъ обозахъ „императорскіе манифесты“, въ которыхъ „сынъ неба“ объявлялъ войну всѣмъ европейцамъ. Таковъ китайскій мятежь „по императорскому манифесту“. Эта-же исторія, видимо, повторяется и теперь съ яко-бы хунхузами.

Утромъ 18 мая, переѣхали величественный мостъ, черезъ не менѣе величественную Волгу въ Саратовской губерніи.

У моста карауль, состоящій изъ роты мѣстнаго полка, съ офицеромъ во главѣ.

На Волгѣ у моста цѣлая флотилія лодокъ съ солдатами,—они осматриваютъ приближающіеся къ мосту баржи и пароходы и пропускаютъ ихъ подъ мостъ только послѣ тщательнаго осмотра.

Такіе же, но не столь многочисленныя караулы съ унтеръ-офицерами во главѣ стоятъ и дальше у каждаго, даже маленькаго мостика.

Построены для этого караульныя домики и разбиты палатки.

Вдемъ дальше по Самарской и Уфимской губерніи, мѣстность гористая, пустынная, кое-гдѣ попадаются татарскія селенія съ мечетями, татары толкуются на станціяхъ въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ.

Они осматриваютъ нашъ поѣздъ и всѣхъ насъ, широко улыбаясь.

Татарскія деревни очень неказисты, но попадающіеся изрѣдка по пути русскіе поселки еще хуже: — развалившіяся мазанки, полуприкрытыя крышами изъ прогнившей соломы.

То и дѣло обгоняемъ воинскіе поѣзда.

Видь у солдатъ бодрый, здоровый, попадаютъ бородачи въ лѣтахъ—это запасные.

Слышится веселый говоръ, смѣхъ, вызванный удачно сказаннымъ мѣткимъ словомъ, или прибауткою, вотъ разносится по степи, эхомъ откликается въ горахъ, бравая русская, или спеціально солдатская пѣсня.

Съ какою-то особою силою укрѣпляется въ душѣ вѣра въ мощь русскаго народа, сыны котораго съ

такимъ, не только спокойнымъ, но прямо радостнымъ настроеніемъ идутъ помѣряться силами съ врагами своего отечества, положить если нужно за послѣднее свои головы.

Въ этой естественной удали русскаго солдата, нѣтъ ни малѣйшей рисовки, это простое обычное настроеніе людей, не знающихъ страха и презирающихъ опасность, а это настроеніе—залогъ побѣды.

— Нашъ солдатъ—золотой солдатъ!—сказалъ мнѣ подполковникъ Томашевскій, о которомъ я уже упоминалъ. — Надо только умѣть съ нимъ обращаться... Его надо беречь, такъ какъ самъ себя онъ не бережетъ...

Трогательная сцена разыгралась при остановкѣ въ Пензѣ, гдѣ мы настигли первый воинскій поѣздъ.

Полковника Лешъ радостно привѣтствовалъ одинъ изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу.

Онъ былъ, какъ оказалось, фельдфебелемъ въ ротѣ, когда полковникъ Лешъ былъ штабсъ-капитаномъ.

Ихъ полкъ стоялъ въ Закаспійской области.

Полковникъ Лешъ тоже сразу узналъ своего бывшаго фельдфебеля и сердечно поздоровался съ нимъ.

Солдатика искренно порадовала эта память начальства.

— Значить опять послужимъ...

— Радъ стараться, ваше высококородіе!

Полковникъ далъ своему бывшему фельдфебелю два рубля.

— Напрасно беспокоитесь, ваше высокородіе, не затѣмъ я подошелъ... —отказывался солдатикъ

— Знаю, знаю, а даютъ такъ бери.

— Слушаю-сь, ваше высокородіе...

И солдатикъ опустилъ рубли въ карманъ ши-
нели.

Что-то теплое, сердечное сказалось въ этой сценѣ, въ этихъ отношеніяхъ солдата къ офицеру.

Не могу не привести маленькой бесѣды съ однимъ изъ моихъ спутниковъ-офицеровъ, касавшейся такъ сказать литературной, если можно такъ выразиться, стороны войны.

Для многихъ штатскихъ людей это будетъ новостью.

Мой собесѣдникъ во время китайскаго похода 1900 года былъ полковымъ адъютантомъ.

— Мнѣ пришлось тоже много писать...—сказалъ мнѣ онъ.

— Писать?—удивился я.—На войнѣ? Во время похода?

— Да именно! Вѣдь на обязанности полкового адъютанта лежитъ вести „Журналъ военныхъ дѣйствій“, гдѣ записываютъ всѣ переходы полка, переправы, дѣйствія полка во время сраженій, причемъ въ журналъ-же заносятся кроки пройденныхъ мѣстностей... Работа тяжелая, кропотливая и отвѣтственная...

— Для чего-же служить этотъ „журналъ?“

— Прежде всего для исторіи полка, какъ матеріаль, затѣмъ для соображеній начальствующихъ лицъ, по поводу наградъ, а въ общемъ всѣ жур-

налы представляют изъ себя драгоцѣнный матеріаль для исторіи той или другой войны.

Это, дѣйствительно, матеріаль драгоцѣнный!

III.

Жизнь въ поѣздѣ.

Четвертый день въ дорогѣ, живемъ, такъ сказать, въ поѣздѣ.

Всего человѣкъ около сорока пассажировъ, изъ которыхъ тридцать два ѣдутъ въ Манджурію, тридцать военныхъ,—среди нихъ два врача, полякъ и еврей, и одинъ интендантскій чиновникъ да двое штатскихъ; С. Соколовъ, у котораго своя мукомольная мельница въ Харбинѣ, работающая теперь исключительно для продовольствія войскъ, и я.

Всѣ, конечно, перезнакомились между собой и за чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ въ вагонѣ-ресторанѣ идетъ оживленная бесѣда.

Ни одной дамы, что повергаетъ въ нѣкоторую печаль молодыхъ офицеровъ.

— Знаете, женщины, они все-таки оживляютъ!—говорилъ мнѣ молоденькій, симпатичный подпоручикъ.

Лица его молодыхъ товарищей доказываютъ, что они согласны съ этимъ мнѣніемъ.

На станціяхъ больше, какъ онъ выражается, „пейзанки“, появленіе изрѣдка мѣстныхъ дамъ производитъ сенсацію, хотя пока фізіономіи этихъ дамъ, какъ говорится „для не курящихъ“.

Выдѣлилась на одной изъ станцій молоденькая, видимо интеллигентная татарка, которую юный и пылкій подпоручикъ хотѣлъ угостить шеколадомъ, но побоялся ея папаши.

Погода стоитъ теплая и дождливая, но дождей здѣсь ждали давно—это были первые на Уралѣ, гдѣ была до сихъ поръ жара.

Воздухъ дивный.

Мы вышли на станціи Шафраново и пришли прямо въ восторгъ.

Это было позднимъ вечеромъ—насъ очароваль какой-то чудный ароматъ, который оказался запахомъ цвѣтущей липы и волоцкаго орѣха.

Чудная ночь и въ кустарникахъ заливаются соловьи.

Всю ночь почти не спали: ждали ранняго утра, чтобы не пропустить уральскихъ горъ и перевала изъ Европы въ Азію.

Величественная картина природы!

Поѣздъ несется со скоростью 50 верстъ въ часъ мимо отвѣсныхъ скалъ огромной высоты, вдругъ открывается восхитительная панорама горъ, покрытыхъ лѣсомъ, ущелій, по которымъ серебряной лентой пробѣгаютъ быстрыя рѣчки.

И почти нигдѣ не видать человѣческаго жилья.

Точно человѣкъ, сознавая свое ничтожество, убѣжалъ отъ этого спокойнаго величія природы, боясь нарушить ея торжественный покой.

Только поѣздъ, этотъ представитель человѣческой культуры, быстро несется мимо, отравляя чудный смолистый воздухъ ѣдкимъ дымомъ нефти.

Но вотъ Уралъ остался позади, подъѣзжаемъ къ Челябинску, откуда уже ѣдемъ по военному графику, т. е. росписанію.

Въ Челябинскѣ простояли пятьдесятъ минутъ и, наконецъ, получили телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и нѣкоторыя мѣстныя газеты.

Нѣтъ дамъ—это еще съ полгоря, но нѣтъ газетъ—это уже цѣлое горе.

Это лишеніе чувствуется всѣми, въ комъ даже не бушуетъ кипучая кровь молодости.

Телеграмма изъ Мукдена подтвердила общее мнѣніе моихъ военныхъ спутниковъ, что японцы принесшіе столько жертвъ для взятія Цзинчжоу не выиграли почти ничего въ смыслѣ шансовъ относительно Портъ-Артура.

Запахъ нефти смѣнился еще болѣе отвратительнымъ запахомъ—оказывается, что отъ Челябинска паровозъ топится мѣстнымъ каменнымъ углемъ, добытымъ на Оби.

На станціи Чумлякъ должны были встрѣтиться со скорымъ сибирскимъ поѣздомъ, идущимъ изъ Иркутска, но онъ, оказалось, опоздалъ на восемь часовъ.

Какая причина—неизвѣстно!

Предполагаютъ, что задержка произошла близъ Иркутска.

Не смотря на отсутствіе дамъ и газетъ, ѣдемъ весело, то и дѣло обгоняемъ войска, производящія своимъ видомъ какое-то бодрящее впечатлѣніе.

Даже запасные нижніе чины всѣ молодецъ къ молодцу.

По словамъ полковника Леша, запасные нижніе чины ѣдутъ для поступленія въ запасъ дѣйствующей арміи, изъ котораго будутъ пополнять убыль въ той или другой части, такъ что всѣ кадры дѣйствующихъ войскъ будутъ всегда въ полномъ комплектѣ.

— Это очень хорошо!—сказаль онъ мнѣ.—Въ русско-турецкую войну у насъ не было запасныхъ войскъ и это дѣлало большія затрудненія.

Ѣдемъ отъ Челябинска, какъ я уже писалъ, не только по военному росписанію, но и такъ сказать, на военномъ положеніи.

Всѣ мосты, охраняются часовыми въ папахахъ и съ винтовками.

При проѣздѣ по большимъ мостамъ двери и окна вагоновъ затворяются наглухо.

— А если окно будетъ отворено?—спросилъ я завѣдующаго нашимъ поѣздомъ.

— Поѣздъ будетъ остановленъ часовыми отвѣчалъ онъ.

— Какимъ образомъ?

— Выстрѣломъ.

— Не было такого случая?

— Нѣтъ, пока не было.

Часовые также охраняютъ и всѣ водосточныя трубы, идущія подъ желѣзнодорожной насыпью.

Послѣ Петропавловска начались степи — однообразная, унылая картина.

Кое гдѣ виднѣются жиденскія рощицы и мелкій кустарникъ.

Всюду на станціяхъ войска и войска.

Въ Омскѣ у насъ прибавились пассажиры.

Въ поѣздъ сѣло 4 офицера и полковникъ Рыковскій, извѣстный тѣмъ, что въ китайскую войну 1900 года, пришелъ на выручку отряда есаула Ельца и освободилъ иностранныхъ миссіи.

За это онъ былъ награжденъ орденами св. Владимира, Станислава съ мечами, почетнаго легіона, бельгійскимъ и папскими орденами, въ виду того, что католическія миссіи принадлежали къ этимъ національностямъ.

Всѣ мои спутники-офицеры бодры и веселы, точно мы совершаемъ увеселительную прогулку, и ѣдемъ не на театръ войны.

Иногда только послышится фраза:

— Если придется вернуться...

Но она производитъ какое-то мимолетное впечатлѣніе.

Снова слышатся смѣхъ, рассказы, остроты, льется оживленная бесѣда, поднимаются тосты.

Вчера на мой тостъ за нашу доблестную армію, полковникъ Лешъ любезно отвѣтилъ тостомъ за другую тоже сильную армію—русскую печать.

Нечего и говорить, что всѣ предлагаемые тосты сопровождаются восторженнымъ „ура“, которое оглашаетъ стѣны вагона-ресторана.

Запоздавшій скорый поѣздъ изъ Иркутска на конецъ встрѣтили.

Съ нимъ ничего не случилось — онъ просто сбился съ распisanія и принужденъ былъ выжидать на станціяхъ.

Кстати объ сибирскихъ скорыхъ поѣздахъ.

Они далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ описаніямъ, которые появились въ печати.

Кухня въ ресторанѣ отвратительна и безумно дорога.

Добраться бы хоть до Мукдена!

IV.

По Сибири.

Ѓдемъ, все удемъ!

Несмотря на комфортъ „сибирскаго поузда“, становится утомительно.

Всѣ какъ-то осовѣли и ослабли.

Къ тому-же наступили жары—въ вагонахъ душно, а на станціяхъ цѣлыя тучи комаровъ, жальщихъ немилосердно.

А впереди еще очень далекій и очень трудный путь.

Предполагается, что мы пріудемъ въ Ляоянь не раньше пятаго іюня, если не будетъ задержки въ поуздахъ, такъ какъ отъ станціи Манджурія поудемъ съ воинскими поуздами, единственными, которые тамъ ходятъ.

Прибыли въ Омскъ, гдѣ я неожиданно встрѣтился съ петербуржцемъ, капитаномъ Шлейферомъ, временно командированнымъ сюда въ управленіе по передвиженію войскъ.

Въ Омскѣ прибавились пассажиры,—сѣло нѣсколько офицеровъ и два военныхъ доктора и нѣсколько штатскихъ.

Послѣдніе удутъ до станціи Тайга, откуда идетъ вѣтвь на Томскъ, или до Иркутска.

Между Омскомъ и Обью лежитъ станціа Каинскъ, названная по городу.

Подъѣзжая къ ст. Обь, намъ бросился въ глаза пубраный съ прошлаго года на поляхъ хлѣбъ въ снопахъ.

Но вотъ и станція Кривошеково, названная такъ по имени раскинушагося по берегу многоводной Оби огромнаго села, переименованнаго теперь въ уѣздный городъ Ново-Николаевскъ.

У этого города навѣрное есть блестящая будущность.

Въ немъ теперь насчитывается свыше 30,000 жителей.

Желѣзнодорожный мостъ черезъ рѣку Обь грандіозное сооруженіе.

Надъ нимъ работало 40,000 человѣкъ.

Большинство изъ нихъ и поселилось въ Ново-Николаевскѣ.

Въ молодомъ городѣ двѣ церкви, полицейское управленіе и нѣсколько каменныхъ лавокъ.

Проѣхавъ еще шестьдесятъ верстъ, остановились у станціи Паламошинное.

Станція эта замѣчательна тѣмъ, что при земляныхъ работахъ здѣсь былъ найденъ полный скелетъ мамонта.

Скелетъ этотъ въ настоящее время находится въ зоологическомъ музеѣ въ Петербургѣ.

Движеніе по Сибирской дорогѣ, теперь преимущественно воинскихъ поѣздовъ, огромное.

Понастроено для этого множество новыхъ разѣздовъ, которые, такъ сказать, являются слѣдомъ проѣзда въ Манджурію и обратно министра путей сообщенія князя Хилкова.

Въ будущемъ, конечно, будетъ построенъ вто-

рой путь:—всѣ большіе моста приспособлены въ этомъ смыслѣ.

На станціи Паламошинное, мы обогнали санитарный отрядъ харьковскаго губернскаго земства.

Онъ состоитъ изъ сто двадцати человекъ,— 12 врачей, 28 фельдшерицъ и 12 сестеръ милосердія и санитаровъ.

Выѣхали они изъ Харькова 4 мая.

Сестры всѣ пожилыя, такъ какъ молодыхъ сестеръ на театръ войны не берутъ, но среди фельдшерицъ есть совсѣмъ молоденькія,—лѣтъ семнадцати восемнадцати.

Ихъ обступили наши молодые офицера и стали угощать шеколадомъ и конфектами.

Но десятиминутная стоянка нашего поѣзда быстро кончилась и юныя фельдшерицы промелькнули мимо нашихъ молодыхъ людей, какъ „мимолетныя видѣнья“.

Быть можетъ, въ виду полного отсутствія женскаго общества въ нашемъ поѣздѣ онѣ даже показались имъ „геніями чистой красоты“.

Молодые офицеры со вздохами вскочили въ начавшіеся уже двигаться вагоны.

Наконецъ прибыли на станцію „Тайга“, лежащую въ 105 верстахъ отъ Томска.

Инженеры почему то нашли неудобнымъ провести дорогу около самаго Томска и оставили его въ стоверстномъ разстояніи отъ великаго сибирскаго пути.

Томичамъ пришлось на свой счетъ провести къ себѣ отдѣльную вѣтку, дабы, какъ университетскому сибирскому городу, не ударить въ грязь

лицомъ и соединиться съ путемъ, разносящимъ по Сибири и далекой Манчжуріи русскую культуру.

Объ этомъ обходѣ Томска держатся здѣсь разные слухи.

По словамъ однихъ томичи чѣмъ-то разгнѣвали гг. инженеровъ, по словамъ другихъ около Томска дорогу провести было нельзя по совершенно, будто-бы, основательнымъ техническимъ соображеніямъ и т. д.

Однимъ словомъ объясненій не оберешься.

Со станціи „Тайга“ нашъ поѣздъ снова увеличился нѣсколькими пассажирами—офицерами, догоняющими уже проѣхавшіе въ воинскихъ поѣздахъ свои эшелоны.

Наконецъ мы въ Иркутскѣ, куда прибыли, опоздавъ на нѣсколько часовъ, благодаря тому, что на станціи Чернорѣченской простояли болѣе двухъ часовъ, въ виду поломки локомотива товаро-пассажирскаго поѣзда, загородившаго намъ путь.

Пока посланъ былъ другой паровозъ, пока свели поѣздъ съ нашего пути, прошло много времени.

Какъ я уже писалъ, начиная отъ Челябинска мы ѣдемъ, такъ сказать, на военномъ положеніи: всѣ мосты и водосточныя трубы, словомъ, весь путь охраняется часовыми.

Обгоняемъ множество воинскихъ поѣздовъ и товарныхъ съ военными и морскимъ грузами.

На всѣхъ станціяхъ, кромѣ того, охранная войска.

Такихъ войскъ до Ляояна насчитывается 30,000 человекъ.

По слухамъ, эти-то войска будутъ замѣнены сибирскимъ ополченіемъ и двинуты на театръ военныхъ дѣйствій.

Вѣдь это цѣлая армія!

Тамъ они будутъ много полезнѣе и туда они рвутся и душой и сердцемъ.

Какіе все бравые молодцы!

Офицеры въ нашемъ поѣздѣ все прибавляются; нѣкоторые ѣдутъ въ распоряженіе командующаго войсками, а другіе догоняютъ свои части, ѣдущія съ воинскими поѣздами.

При приближеніи къ Красноярску начались отроги Саянскихъ горъ—виды очень красивы.

Несмотря на жару въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежитъ снѣгъ.

Вотъ и Красноярскъ, въ которомъ я служилъ три года и который покинулъ семнадцать лѣтъ тому назадъ.

Я не узналъ его, такъ онъ обстроился и измѣнилъ свою фізіономію.

Красивый вокзалъ, но на платформѣ нѣтъ проходу отъ нищихъ, калѣкъ, безрукихъ, безногихъ, Богъ вѣсть откуда выползающихъ къ приходу поѣздовъ.

Слѣдовало бы убрать ихъ!

Двинулись изъ Красноярска, переѣзжаемъ граціозный шести пролетный мостъ черезъ широкій Енисей и мчимся далѣе.

Мелькаютъ станціи за станціями съ многочисленными промежуточными разѣздами.

Вообще сибирскій поѣздъ № 7, которымъ мы слѣдуемъ, оставляетъ желать лучшаго.

Купэ малы, въ нихъ страшная духота.

Дороговизна въ буфетѣ страшная.

За полпорціи сливочнаго масла—кусочекъ въ два золотника—20 коп., т. е. вгоняють фунтъ масла въ 9 р. 60 коп., а стоимость его здѣсь 30—40 коп. фунтъ—крестьянки продають на станціяхъ.

Послѣ Красноярска въ ресторанной картѣ кушаній появился рябчикъ въ сметанѣ—90 коп., а рябчики куплены на станціи за 16—20 коп. штука.

И на всѣ кушанія такой наживной процентикъ!

Пріѣхали на Нижнеудинскую станцію,—городъ Нижнеудинскъ, Иркутской губ. отстоитъ отъ нея въ полуверстѣ и внѣшнимъ видомъ напоминаетъ Каинскъ.

Но вотъ и Иркутскъ.

Множество громадныхъ каменныхъ домовъ, прямыя, чистыя, хорошо вымощенныя улицы.

Въ немъ 60,000 жителей, среди которыхъ много „сибирскихъ крезовъ“.

Въ немъ—двѣ мужскихъ и три женскихъ гимназій, духовная семинарія и техническое училище.

Хорошій каменный театръ, множество магазиновъ, пассажей, ни въ чемъ не уступающихъ столичнымъ.

Здѣсь мы вѣроятно останемся, говоря военнымъ языкомъ, на дневку.

Нехочется и неудобно отставать отъ попутчиковъ—офицеровъ стрѣлковой бригады, тѣмъ болѣе,

что полковникъ Лешъ, ѣдущій во главѣ ихъ, любезно обѣщаль мнѣ всякое содѣйствіе по дальнѣйшему передвиженію отъ Иркутска до ст. Манджурія.

Иначе меня могутъ и задержать, а тутъ все-таки нѣкоторые шансы пріѣхать скорѣе.

V.

Черезъ Байкаль

Въ Иркутскѣ предположенная дневка не состоялась, такъ какъ опоздавшій на пять часовъ „сибирскій экспресъ“, чтобы поправить свою ошибку, повезъ насъ послѣ часовой остановки до озера Байкала.

Мы всѣ рѣшили ѣхать на немъ далѣе, не соблазнившись отдыхомъ въ столицѣ Сибири.

Путь все шелъ по берегу величественной Анггары.

Мы любовались восхитительными видами цвѣтущихъ полей и синѣющихъ вдали горъ.

Анггара по ширинѣ равняется Енисею, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Иртышу.

Особенность этой рѣки—не поднимающаяся даже въ самое жаркое лѣто выше нуля температура.

Вода ея прозрачна, какъ кристалъ, теченіе очень быстро, ея истоки находятся у Верхне-Анггарска и состоятъ изъ маленькихъ болотистыхъ рѣчекъ.

Впадаетъ она въ рѣку Енисей около города Енисейска.

Въ Анггарѣ множество рыбы и, пословамъ сибиряковъ очень вкусной.

На одной изъ первыхъ станцій отъ Иркутска мы встрѣтились съ поѣздомъ, въ которомъ подъ военнымъ конвоемъ везли 21 японца и корейца и нѣсколько японокъ и кореекъ.

Это жители Лаояна, высланные на жительство въ Красноярскъ вслѣдствіи своей неблагонадежности.

Но вотъ и Байкаль—онъ далъ о себѣ знать сильнымъ охлажденіемъ температуры при приближеніи къ нему, хотя и воды красивой Ангары давали уже нѣкоторую свѣжесть.

При стоявшей жарѣ это было болѣе чѣмъ приятно.

На Байкаль ожидали насъ пассажиры почтового поѣзда, прибывшаго туда за пять часовъ ранѣе, и огромный пароходъ „Ангара“.

Ледоколъ „Байкаль“, принимающій въ себя поѣздъ и перевозящій его черезъ озеро, уже ушелъ и мы встрѣтили его на озерѣ возвращающимся обратно.

Это замѣчательно грандіозное судно.

Носильщики перенесли вещи на пароходъ, и мы поплыли по Байкалу, поверхность котораго была гладка какъ зеркало, а цвѣтъ воды совершенно изумрудный.

Среди сибиряковъ есть много легендъ объ этомъ озерѣ-морѣ.

Говорятъ, прежде всего, что оно образовалось отъ провала Ангары, и дѣйствительно глубина его поразительна.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, двухверстный лотъ не достаетъ дна.

Правая сторона озера вся сплошь покрыта лѣсистыми горами, на которыхъ до сихъ поръ лежитъ снѣгъ.

Одна изъ этихъ горъ, напоминаетъ очертаніями человѣческую голову.

На нее указалъ мнѣ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, ѣхавшій въ Читу.

— Бурятская легенда—сказалъ онъ—говорить, что одинъ бурятскій святой постоянно молился около этого мѣста, простаивая на колѣняхъ по цѣлымъ суткамъ, Великій Духъ, довольный такой усердной молитвой, обратилъ его въ скалу и поставилъ на стражѣ любимаго имъ моря.

Гору эту буряты считаютъ святыней и по праздникамъ собираются сюда молиться, бросая каждый разъ въ море то мѣдную, то серебряную, а то и золотую монету.

По слухамъ, у подножія этой скалы накопилось много денегъ.

Явились русскіе смѣльчаки, которые пытались добыть ихъ, но безъ успѣха.

Сообщили мнѣ также и интересную особенность этого озера-моря.

Всякій предметъ, брошенный въ него и утонувшій, черезъ нѣсколько дней выбрасывается на берегъ.

Вслѣдствіи этого ни одинъ изъ утонувшихъ людей не остается долго на днѣ, а выбрасывается на берегъ.

Осенью въ непогоду Байкаль страшенъ своимъ бурнымъ волненіемъ.

Не даромъ за нимъ установилась и репутація, и названіе Чортова озера.

Переѣхали мы Байкаль, прибыли на пристань Танхой.

Совсѣмъ китайское названіе.

Оказывается же,—по словамъ служащаго на этой дорогѣ,—что это испорченное чисто русское слово.

Въ этомъ мѣстѣ берегъ Байкала образуетъ очень тонкій мысъ и рабочіе еще при производствѣ развѣдокъ дороги назвали ее „тонкой“, дѣлая удареніе на послѣднемъ слогѣ, а отсюда произошло названіе пристани и первой станціи „Танхой“.

Какъ гибокъ русскій языкъ и какъ ломаютъ его сами же русскіе люди!

На этой китайско-русской пристани насъ встрѣтилъ уже не начальникъ станціи, а комендантъ, оказавшійся впослѣдствіи очень любезнымъ чело-вѣкомъ.

На рельсахъ при прибытіи парохода „Ангара“ стоялъ арестанскій поѣздъ, въ которомъ везли арестантовъ на работы по кругобайкальской дорогѣ.

Насъ продержали часа два на пароходѣ, причемъ передъ выпускомъ съ него на берегу появился г. комендантъ, и заявилъ:

— Въ поѣздѣ занимаютъ мѣста по чинамъ. Сперва гг. генералы, затѣмъ штабъ-офицеры и гг. военные врачи въ первомъ классѣ, затѣмъ оберъ-офицеры—во второмъ и третьемъ классѣ.

Лица мое и другого штатскаго г. Соколова, ѣдущаго по дѣламъ въ Харбинъ, вытянулись.

— А мы, штатскіе?—спросилъ я.

— Будете посажены на поѣздъ, если будутъ мѣста послѣ занятія мѣстъ гг. офицерами и врачами.

Но вскорѣ мы успокоились.

Для насъ съ г. Соколовымъ нашлось свободное купе перваго класса.

По мѣрѣ приближенія къ театру войны, знаешь о немъ все меньше—газетъ не видишь никакихъ.

На пристани „Танхой“ мы простояли шесть часовъ и двинулись далѣе.

До станціи „Мысовой“ Забайкальской желѣзной дороги ѣдемъ по берегу величественнаго Байкала, на которомъ въ этихъ мѣстахъ, несмотря на стоящія жары, еще плаваютъ огромныя льдины.

Говорятъ, что Байкаль очищается отъ льда часто лишь въ половинѣ іюня.

На переѣздахъ встрѣтили сперва поѣздъ съ партіей японцевъ въ арестантскихъ вагонахъ, а затѣмъ санитарный поѣздъ съ нашими ранеными въ тюренченскомъ бою—ихъ эвакуируютъ въ Иркутскъ и Красноярскъ.

Къ сожалѣнію, нѣсколько минутъ стоянки не дали мнѣ возможности поразспросить этихъ чудобогатырей, потерявшихъ въ славномъ бою столько отважныхъ товарищей.

На „Мысовую“ приходимъ въ четыре часа утра, даю телеграммы о разрѣшеніи мнѣ выѣхать со ст. Манджурія далѣе.

Телеграммы подписываются комендантомъ.

Иначе ихъ не принимаютъ—дорога на военномъ положеніи.

Ѣдемъ дальше, по странѣ бывшей каторги.

Вотъ Верхнеудинскъ, гдѣ на городскомъ кладбищѣ находится могила декабриста князя Трубецкого.

Вотъ „Петровский заводъ“ желѣзодѣлательный и чугуно-плавильный, гдѣ въ былыя времена былъ примѣняемъ „каторжный трудъ“ и гдѣ работали декабристы.

Вокругъ завода раскинулось большое село съ церковью, возлѣ которой находится часовня, построенная руками декабристовъ.

Въ нее не пускаютъ она заперта на замокъ, но въ окна видны образа и теплящаяся лампада.

Часовня уже ветха и службы въ ней давно не отправляютъ.

Среди моихъ попутчиковъ много лицъ, рассказы которыхъ очень интересны.

Въ одномъ со мной вагонѣ ѣдутъ штабсъ-капитанъ суздальскаго полка Косьмичъ и ревизоръ компаніи „Надежда“, г. Котовъ.

Первый по его словамъ, проѣзжалъ Семипалатинскъ какъ разъ въ то время, когда подъ этимъ городомъ были убиты крестьянами три японскихъ шпиона.

Дѣло было такъ: два крестьянина, работавшіе въ полѣ, замѣтили трехъ неизвѣстныхъ имъ крестьянъ, сидѣвшихъ на пригоркѣ и записывавшихъ что то въ свои книжечки.

Крестьянъ это заинтересовало:

— Ишь ты, грамотные.

Они подошли къ неизвѣстнымъ и увидѣли что двое изъ нихъ пишутъ, а третій, сидѣвшій далеко впереди двухъ другихъ, что-то чертитъ на бумагѣ.

— Глянь ка, рисуетъ. Это не спроста!—рѣшили крестьяне.

Они врасплохъ напали на перваго и безъ особенной борьбы придушили его вдвоемъ.

Онъ даже не крикнулъ.

Тогда съ равными уже силами они поползли къ двумъ другимъ и также напали на нихъ.

Въ виду встрѣченнаго сопротивленія крестьяне прикончили и этихъ.

Забравъ бумаги и записныя книжки, крестьяне представили ихъ мѣстному воинскому начальнику.

Эти бумаги оказались планами и замѣтками по съемкѣ мѣстности, сдѣланныя японцами, замаскированными крестьянами.

— У кого взяли?—спросилъ воинскій начальникъ.

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, кто они...

— Да гдѣ они?

— Лежать, ваше—ство въ полѣ, потому насъ двое, а ихъ трое...

— Ну такъ что-же?

— Потому мы ихъ и приколошили... Иначе никакъ было взять ихъ неспособно.

Убитые оказались дѣйствительно японцами.

Въ pendant къ этому еще въ сибирскомъ поѣздѣ мнѣ передавали упорный слухъ, что подъ мостомъ черезъ Волгу былъ пойманъ японскій шпионъ, перодѣтый монахиней.

Монахиня эта будто-бы бродила подъ мостомъ на берегу и все всматриваясь въ устои.

Это замѣтили сторожа.

— Что ты тутъ, матушка, все бродишь, шла-бы своей дорогою.

Монахиня отвѣтила ломанымъ русскимъ языкомъ.

Сторожей взяло сомнѣніе.

Они схватили ее и привели въ сторожку, гдѣ она и оказалась переодѣтымъ японцемъ.

Этимъ объясняютъ усиленную охрану въ настоящее время волжскаго моста.

Есть-ли въ этихъ разказахъ правда, или-же они являются плодомъ возбужденной военнымъ временемъ фантазіи—неизвѣстно!

Относительно перваго я не смѣю сомнѣваться въ правдивости моего собесѣдника.

Во всякомъ случаѣ, за что купилъ, за то и продаю!

Бесѣда съ г. Котовымъ была интересна тѣмъ, что онъ былъ въ Портъ-Артуръ съ двадцатыхъ чиселъ февраля по двадцатя числа марта.

При немъ была бомбардировка 9 марта.

Въ самый городъ, по его словамъ, японскіе снаряды залетали рѣдко, да и фортамъ они мало вредили.

— Въ городѣ—сказаль онъ—жизнь текла по прежнему... Портъ-артурцы точно привыкли къ бомбардировкамъ. Тѣмъ болѣе, что въ это время былъ большой подъемъ духа—прибыль С. О. Макаровъ, такъ трагически погибшій 30 марта. На него возлагались большія надежды... Онъ вздохнулъ духъ отваги даже въ мирныхъ обывателей. Бомбардировка 9 марта не произвела на нихъ никакого впечатлѣнія... Въ городѣ было обычное движеніе...

Я какъ разъ въ это время ѣхалъ на „рикшѣ“ (извозчикѣ) по главной улицѣ, когда слышались залпы изъ японскихъ орудій...

Таковъ разсказъ г. Котова.

Подъѣзжаемъ къ Петровскому заводу—по дорогѣ на линіи много рабочихъ-китайцевъ и еще болѣе бурятъ, отличающихся отъ первыхъ маленькими и тонкими косами.

VI.

При свѣтѣ лѣсныхъ пожаровъ.

Дѣйствительно, великій Сибирскій путь!

Никакія его описанія, какъ бы талантливо и картинно они ни были сдѣланы, не могутъ передать того впечатлѣнія, которое производитъ онъ на путешественника.

Вотъ дѣйствительно гигантская работа!

Этотъ желѣзный путь, проложенный въ гранитномъ корридорѣ Яблоноваго хребта, которымъ мы слѣдовали сегодня—трудъ если не физическихъ, то нравственныхъ великановъ—торжество техники и пиротехники.

Между станціями Сохондо и Яблоновой входимъ въ туннель, надъ которымъ красуется надпись „Къ великому океану.“

Туннель не великъ, онъ короче севатопольскаго и надъ выходнымъ его отверстіемъ читаемъ надпись „Къ Атлантическому океану“.

Посрединѣ, между этими станціями самая высшая точка пути, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кульми-

націонный пунктъ могущества Россіи, раскинувшейся на протяженіи между двумя океанами.

Чувствуешь какой-то необычайной подъемъ духа, силу и бодрость.

Ты и великая, ты и могучая, матушка Русь!

Подъѣзжая къ Читѣ, видимъ во многихъ мѣстахъ склоны горъ, покрытые густымъ дымомъ.

Это горять лѣса.

Желѣзнодорожный путь вырывается изъ гранитныхъ объятій и идетъ по берегу огромнаго озера Кинопъ, на берегу котораго раскинулось селеніе этого же названія.

Озеро очень рыбное, но рыба въ немъ, какъ въ большинствѣ озеръ Сибири и Забайкальской области, заражена солитеромъ и при употребленіи въ пищу требуетъ особой осторожности.

Селеніе Кинопъ находится подъ Читой.

Здѣсь двѣ станціи.

Одна не доѣзжая Читы, гдѣ находятся вагоностроительныя и ремонтныя для паровозовъ желѣзнодорожныя мастерскія, а вторая въ самомъ городѣ.

Послѣдняя устроена по ходатайству читинцевъ, которые лишены были станціи въ городѣ, не смотря на то, что дорога идетъ почти городомъ Читой.

Въ Читѣ очень красивый вокзалъ и самъ городъ издалека очень живописенъ.

Онъ раскинулся по склону горы среди лѣсовъ — многія улицы идутъ въ просѣкахъ.

Мужская гимназія построена въ одной изъ такихъ лѣсныхъ улицъ.

Городъ производилъ впечатлѣніе очень большого, хотя въ немъ всего 12,000 жителей.

Забылъ отмѣтить, что въ Читѣ устроены санитарный карантинъ, подъ руководствомъ врача И. С. Спиридонова.

Въ немъ три врача и сестры милосердія.

Врачи встрѣчаютъ воинскіе поѣзда и заболѣвшихъ оставляютъ до полнаго выздоровленія въ карантинѣ.

Въ случаѣ инфекціонной формы болѣзни больной отправляется въ мѣстный госпиталь.

На вокзалѣ Чита-городъ интересная встрѣча съ корейцемъ—русскимъ подданнымъ въ формѣ министерства юстиціи.

Я не замедлилъ познакомиться съ нимъ.

Онъ оказался бывшимъ петербуржцемъ—Никандромъ Александровичемъ Кимъ.

Въ Петербургѣ онъ состоялъ при корейской миссіи и былъ помощникомъ преподавателя китайскаго языка въ с.-петербургскомъ университетѣ.

Онъ окончилъ курсъ въ токійскомъ и лондонскомъ университетахъ, прекрасно говоритъ по китайски, по японски и по англійски и довольно чисто по русски.

Сынъ бывшаго министра двора корейскаго императора, убитаго японцами. Японцы также убили его брата, а его мать съ горя зарѣзалась.

Онъ остался одинъ, перешелъ въ русское подданство и носитъ въ своей душѣ непримиримую ненависть къ японцамъ.

Ему всего тридцать лѣтъ, но онъ успѣлъ уже жениться два раза.

Первая его жена была англичанка, а вторая, пріѣхавшая къ нему невѣстой въ Портъ-Артуръ—

русская, племянница предсѣдателя иркутскаго окружнаго суда.

Отъ нея у него дочь, одного году отъ роду.

Опѣ служилъ переводчикомъ при портъ-артурскомъ окружномъ судѣ, былъ въ Портъ-Артурѣ во время первыхъ бомбардировокъ, но затѣмъ жену съ дочерью отправилъ въ Иркутскъ къ ея дядѣ, а самъ былъ посланъ въ распоряженіе командующаго войсками Забайкальской области г.-м. Парчевскаго.

Н. А. Кимъ глубоко вѣрить въ близкое занятіе Кореи русскими войсками и побѣдное окончаніе войны.

Но прозвонилъ третій звонокъ, и я принужденъ былъ разстаться съ интереснымъ собесѣдникомъ.

Ѣдемъ далѣе. Спустилась ночь.

Лѣсные пожары на горахъ продолжаются, являя собою грандіозное зрѣлище—огромные участки лѣса въ огненныхъ языкахъ пожирающаго пламени.

Когда пишешь на скоро дорожныя впечатлѣнія и бесѣды со встрѣчающимися на пути интересными людьми, невольно получаютъ пропуски—результатъ забывчивости, а самое изложеніе, конечно, страдаетъ формой.

Когда же пишешь въ поѣздѣ при тряскѣ вагоновъ, эти недостатки конечно усугубляются—да простить ихъ мнѣ читатель.

Пропуски можно однако пополнить, что я и дѣлаю.

Нѣсколько ранѣе я упомянулъ, что въ настоящее время весь великій сибирскій путь по-

сильно на себя слѣды недавняго проѣзда по немъ г. министра путей сообщенія князя Хилкова— всюду новые разѣзды, иныя еще строятся, иныя лишь намѣчены поставленными въ сторонѣ вагонами со звонкомъ.

Иллюстраціей къ этой неусыпной и утомительной работѣ г. министра служить случай, переданной комендантомъ пристани „Танхой“.

На пароходѣ „Ангара“, при переѣздѣ черезъ Байкаль, съ княземъ Хилковымъ отъ переутомленія сдѣлалось дурно и онъ упалъ бы, если бы его не поддержали.

Къ довершенію опасности г. министръ стоялъ около открытаго люка.

Эта поѣздка министра была положительно подвигомъ государственнаго дѣятеля.

Сообщая мою бесѣду съ корейцемъ Н. А. Кимомъ, забылъ упомянуть, что онъ въ настоящее время православный.

По этому поводу разговаривался съ ѣдущимъ вмѣстѣ со мною изъ Петербурга чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Г. А. Казаковымъ.

Онъ направляется въ Пекинъ, куда командированъ въ составъ нашей миссіи.

Почти вся его служба прошла на Дальнемъ Востокѣ, въ Корей и Японіи.

— Корейцы принимаютъ православіе—сказалъ онъ мнѣ—для того, чтобы быть русскими, къ чему они очень стремятся. Бывшій начальникъ нашей духовной миссіи въ Корей архимандритъ Хрисанфъ рассказывалъ мнѣ, что многіе корейцы приходившіе къ нему съ просьбой окрестить ихъ, думали, что

съ принятіемъ православія они сдѣлаются русскими подданными. Когда же о. архимандритъ разувѣрялъ ихъ въ этомъ, то большинство изъ нихъ не принимали православія... Находились, впрочемъ, и такіе корейцы, которые явились принять православіе въ надеждѣ получить за это 25 рублей. Басню объ этой платѣ распространяли между ними японцы.

Разговоръ мой съ Г. А. Казаковымъ коснулся русскихъ колоній въ Японіи.

— Особенно много русскихъ—сказалъ онъ мнѣ—въ Нагассаки и въ окрестныхъ деревняхъ... Тамъ и японцы говорятъ хорошо по русски. Вѣроятно, многіе русскіе и теперь, во время войны, остались въ Нагассаки. Я почти увѣренъ, напримеръ, что тамъ живетъ до сихъ поръ г-жа Воронцова—жена капитана одного изъ пароходовъ восточно-китайской желѣзной дороги. У ней въ Нагассаки свой домикъ и она, не смотря на предупрежденіе мужа, отказалась передъ объявленіемъ войны выѣхать изъ него. Я увѣренъ, что японцы всячески охраняютъ ее—въ этомъ смыслѣ они любятъ играть въ „джентльменовъ“.

Со станціи „Адриановка“ красивые виды исчезли—кругомъ сперва тянулись невысокія горы безъ всякой растительности, кромѣ невысокой, уже вянущей травы, а затѣмъ идутъ такіе же необозримыя степи, съ небольшими табунами одnogорбыхъ и двугорбыхъ верблюдовъ.

Печальные картины.

И такъ, говорятъ, будетъ до Харбина.

Къ довершенію задулъ такой сильный сѣверо-

восточный вѣтеръ, что во время стоянки вагоновъ ихъ качаетъ.

Китайцы называютъ этотъ вѣтеръ „кирфунъ“.

Впереди въ перспективѣ другой вѣтеръ—„тайфунъ“.

До ст. Манджурія осталось 120 верстъ.

VII.

Сквозь Хинганъ.

Вотъ и „Манджурія“.

Въ ожиданіи поѣзда, который отбываетъ отъ ст. Манджурія въ половинѣ двѣнадцатаго мы все собрались въ буфетъ кто за чаемъ, кто за утреннимъ завтракомъ.

Здѣсь впервые мы увидѣли фальшивый рубль японскаго издѣлія.

Любопытное его отличіе отъ настоящаго.

Онъ сдѣланъ превосходно, но, между тѣмъ, когда на послѣднемъ надписи гласить:

По предъявленіи выдается изъ размѣнной кассы Государственнаго банка.

Одинъ рубль,

на японскомъ фальшивомъ она только неправильно сверстана и отпечатана слѣдующимъ образомъ:

Одинъ рубль

По предъявленіи выдается изъ размѣнной кассы Государственнаго банка.

Ошибка японскаго метранпажа.

Наконецъ мы двинулись съ воинскимъ поѣздомъ, къ которому прицѣпили вагонъ второго класса и нѣсколько вагоновъ третьяго класса.

Такимъ образомъ, составился поѣздъ изъ 42 вагоновъ.

Среди провожавшихъ поѣздъ было нѣсколько раненыхъ, но уже выздоравливающихъ солдатиковъ, въ бою подь Тюренченомъ.

Люди доблестнаго 11-го полка.

— Дѣло было жаркое!—говорили они.—Народъ японцы жидкій, плюгавый, но силища ихъ была страсть, цѣлая армія, а насъ всего два полка.

Поѣздъ двинулся.

Съ нами ѣдетъ охрана изъ пограничныхъ стражниковъ, на случай нападенія хунхузовъ что случается.

За послѣднее время наблюдаются случаи покушенія на взрывъ воинскихъ поѣздовъ положенными на рельсы пироксилиновыми петардами.

Петарды кладутъ китайцы, конечно подкупленные японцами.

Двухъ такихъ даже ужъ задержали.

Однако, никто изъ насъ не думаетъ объ опасности пути, всѣ офицеры, какъ старые, такъ и молодые, бодры и веселы, это дѣйствуетъ и на меня и я, ничуть не рисуясь, могу сказать, что спокоенъ и бодръ.

Велика по своему нравственному значенію русская пословица: „на міру и смерть красна“.

Въ виду, что я сжился, такъ сказать, за эти двѣ недѣли съ моими спутниками, мнѣ оказываютъ всякое покровительство и, несмотря на тѣсноту, я имѣю цѣлый диванъ около столика, на которомъ могу писать.

Даже верхнее мѣсто надъ моимъ диваномъ не занято.

„Желѣзная одесская бригада“, офицеры которой ѣдутъ со мной, оказалась и самой любезной бригадой.

Поѣздъ идетъ медленно по 14 верстѣ въ часъ, вагоны страшно качаетъ и какъ-то подталкиваетъ—писать возможно только на остановкахъ болѣе или менѣе продолжительныхъ.

Вмѣсто звонковъ при отходѣ поѣзда со станціи раздаются кавалерійскіе сигналы.

Сегодня ночью въ Хайларѣ встрѣтился съ петербургскимъ врачомъ Н. Ѳ. Баймаковымъ.

Онъ въ эту-же ночь ожидалъ въ Хайларѣ слѣдующаго поѣзда съ сестрами и всѣмъ необходимымъ для открытія здѣсь запаснаго полевого лазарета.

Отъ Хайлара кончаются унылыя монгольскія степи и начинаются вновь живописныя гористыя мѣста.

Всѣ эти мѣста ознаменованы сраженіями нашихъ доблестныхъ войскъ съ китайцами въ 1900 году.

Подѣзжаемъ къ Хинганскому хребту, на вершинѣ котораго похороненъ Г. М. Смолянниковъ, бывший офицеръ 15 стрѣлковаго его высочества князя черногорскаго Николая полка.

Въ 1900 году онъ былъ переведенъ въ охранную желѣзнодорожную бригаду и на Хинганѣ бился противъ китайцевъ съ сотнею терскихъ казаковъ.

Раненый въ ногу, онъ упалъ и истекъ кровью.

Его нашли мертвымъ и похоронили на мѣстѣ смерти.

Крестъ надъ его одинокой могилой производитъ сильное впечатлѣніе.

Входимъ въ туннель, открытый для движенія только въ нынѣшнемъ году—прежній путь обходный оставленъ.

Туннель пробить въ скалистомъ хребтѣ Хингана, и представляетъ изъ себя поразительную человѣческую работу.

Двери и окна вагоновъ запираются на глухо и поѣздъ погружается во тьму.

Маленькія электрическія лампочки, освѣщающія туннель, чуть мерцаютъ во мракѣ.

Подъѣзжаемъ къ ст. Бухеду.

Около нея большой поселокъ, съ торговыми заведеніями.

На нѣкоторыхъ любопытныя вывѣски въ родѣ „Дешевая торговля“, „Одесская (?) булочная“ и т. д.

На станціи приклеены афиши, возвѣщающія, что любители исполнять въ этотъ вечеръ въ пользу раненыхъ воиновъ „Наташку-Полтавку“ и дивертисементъ.

Спектакль будетъ происходить во врачебномъ пунктѣ.

Встрѣтились съ поѣздомъ, на которомъ помѣщались больные солдаты, а также и раненые подъ Тюренченомъ.

Тѣ же отзывы о неравности боя.

Раненыхъ и больныхъ эвакуируютъ въ Читу.

Къ Цицикару подходимъ ночью.

Мои попутчики офицеры, большинство изъ нихъ совершали катаяскій походъ, вспоминаютъ взятіе этого города русскими войсками въ 1900 году.

Отъ Цицикара жаркая, вѣтреная и пыльная

погода смѣнилась дождливой, кругомъ начались необозримыя степи.

Время тянется томительно долго и путь сокращается только порой интересными бесѣдами.

Такую бесѣду я имѣлъ, между прочимъ, съ ѣдущимъ въ одномъ съ нами поѣздѣ прокуроромъ портъ-артурскаго окружного суда Б. И. Околовичемъ.

Онъ еще 1 ноября уѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ, а теперь возвращается сперва въ Харбинь, а затѣмъ въ Мукденъ.

Портъ-артурскій окружной судъ послѣ начавшихся бомбардировокъ уѣхалъ сперва въ Харбинь, а затѣмъ въ Читу, гдѣ находится до сихъ поръ и лишь на-дняхъ снова переселяется въ Харбинь.

Текущія дѣла вывезены, а остальные оставлены въ Портъ-Артурѣ.

По поводу фальшивыхъ русскихъ кредитныхъ бумажекъ, выпущенныхъ ими въ Манджурію, Б. И. Околовичъ замѣтилъ:

— Японцы начали фабриковать ихъ еще за долго до войны, и нѣсколько японцевъ были въ Портъ-Артурѣ уличены въ поддѣлкѣ русскихъ рублевыхъ кредитныхъ билетовъ. Ихъ судили въ портъ-артурскомъ окружномъ судѣ и осудили въ каторжныя работы. Фальшивыхъ денегъ японскаго приготовленія въ Манджуріи очень много.

Любопытноѣ всего то, что въ началѣ японскій консулъ въ Портъ-Артурѣ Сегави-Санъ, по поводу привлеченія къ суду нѣсколькихъ японцевъ за убійство японца, протестовалъ, доказывая, что они не подлежатъ русской юрисдикціи, въ виду будто-бы ихъ экстерриториальности.

Но, конечно, на этотъ протестъ не было обращено никакого вниманія.

— А относительно поддѣльвателей фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ протестовъ консула не было?

— Нѣтъ,—улыбнулся Б. И. Околовичъ.—Тѣмъ болѣе, что по японскимъ законамъ поддѣлка денежныхъ знаковъ чужого государства не преслѣдуется, не составляя преступленія...

На станціи Дуйшаньцзянъ чайный буфетъ, въ которомъ торгуетъ жена прапорщика запаса Л. И. Измирова.

Оказалось, что она прибыла сюда на жительство къ своему отцу послѣ 2-й бомбардировки Портъ-Артура.

Мужъ ея остался тамъ на службѣ, и она уже два мѣсяца не получаетъ отъ него вѣстей.

— Что-же, было очень страшно?—спросилъ я.

— Очень,—отвѣчала она... Я, намѣреваясь выѣхать изъ Портъ-Артура, вошла въ русско-китайскій банкъ за деньгами... Въ это время начали стрѣлять... Всѣ бросились вонъ изъ банка, я спустилась съ одной дамой по черной лѣстницѣ. Вдругъ мимо меня пролетѣло что-то темное и длинное; я, признаться сказать, сразу даже не сообразила, что это бомба, и лишь послѣ того, какъ раздался страшный трескъ и осколками снаряда убило вышедшую со мной вмѣстѣ даму, я какъ сумасшедшая выскочила на улицу. По счастію, со мной встрѣтился одинъ знакомый, который проводилъ меня домой.

— Въ этотъ-же день вы уѣхали?

— Нѣтъ, на другой день, такъ какъ денегъ изъ банка я въ тотъ день не получила.

— Вы рады были вырваться?

— Еже-бы! Я пріѣхала сюда совсѣмъ какъ шальная и только теперь нѣсколько пришла въ себя...

Приглашеніе въ поѣздъ прервало нашу бесѣду, которой заинтересовались и всѣ мои спутники.

Поѣздъ поползъ далѣе.

По пути то и дѣло встрѣчаются красивыя постройки изъ дикаго камня русско-китайской архитектуры, при чемъ китайскій стиль выражается лишь въ драконахъ, которыми украшены крыши, крытыя желѣзомъ.

Часто попадаются „вышки“, съ которыхъ часовые наблюдаютъ за степью и появленіемъ въ ней хунхузовъ.

На каждой станціи груды мѣшковъ съ землей для забарикадированія оконъ казармъ на случай нападенія хунхузовъ.

За послѣднія двѣ недѣли такихъ нападеній на станціи было два, но оба отражены безъ потерь въ людяхъ съ нашей стороны.

Пока-что, мы слѣдуемъ благополучно.

Не могу не подѣлиться съ читателями разсказомъ одного изъ моихъ попутчиковъ-офицеровъ о судьбѣ японскаго капитана Хирозе, погибшаго при второй попыткѣ заградить рейдъ Портъ-Артура брандерами.

Онъ бросился спасать людей, но попавшимъ въ него снарядомъ его разорвало на двое.

Половина его тѣла была взята японцами и съ

почестями предана погребенію, а другая половина нашла себѣ могилу въ русскихъ водахъ.

Подъѣзжаемъ къ Харбину, останавливаемся у знаменитаго Сунгарійскаго моста, теперь, послѣ извѣстнаго покушенія взорвать его, еще болѣе тщательно охраняемаго.

Его осматриваютъ. Наконецъ, нашъ поѣздъ медленно пропускаютъ.

Двѣнадцать часовъ ночи. Дождь льетъ какъ изъ ведра. Остаемся ночевать въ поѣздѣ, такъ какъ до вокзала далеко.

Вчера, въ девятомъ часу утра нашъ поѣздъ, остановившійся, какъ я уже писалъ, на воинской платформѣ, перевели къ Харбинскому вокзалу.

Пассажирскій поѣздъ отходитъ въ 10 час. вечера, и мнѣ пришлось бы остаться въ Харбинѣ и потерять цѣлый день.

Это мнѣ совсѣмъ не улыбалось!

Благодаря любезности коменданта я получилъ разрѣшеніе ѣхать съ воинскимъ поѣздомъ, который отходитъ въ 12 час. 58 мин. дня.

Передъ самымъ отъѣздомъ, уже сидя въ вагонахъ, мы имѣли возможность полюбоваться представленіемъ бродячей труппы китайскихъ акробатовъ и жонглеровъ съ дрессированной довольно крупной обезьяной.

Представленіе давалось тутъ-же у рельсъ на положенной прямо на грязь циновкѣ.

Дрессировка обезьяны изумительна, а чистота работы жонглера и особенно акробата, мальчика лѣтъ двѣнадцати, доставила-бы имъ одно изъ пер-

выхъ мѣстъ въ столичномъ циркѣ или увеселительномъ саду.

Но трубачъ заигралъ сигналъ отправленія—это въ воинскихъ поѣздахъ замѣняетъ звонки, и поѣздъ двинулся.

Нашъ путь идетъ по южной Манджуріи.

На сколько сѣверная пустынна и малолюдна, на столько южная—заселена, живописна и обработана.

Повсюду воздѣланные поля, на которыхъ копошатся китайцы; нѣкоторыя поля обработаны на диво.

Китайцы работаютъ обнаженные до пояса, а то и совсѣмъ голые.

На станціяхъ они толпятся въ большомъ числѣ, продають редиску крупную, розовую и очень вкусную.

Китаянокъ совсѣмъ не видно.

Только на одной изъ станціи появилась одна, за которой бѣжалъ совершенно голый сынишка лѣтъ шести, и то уже въ то время, когда поѣздъ отходилъ отъ станціи.

Словомъ, „взоръ кругомъ картины мирныя встрѣчаетъ“, а между тѣмъ на каждой станціи, на каждомъ разѣздѣ построены каменные блокгаузы, окруженные толстыми стѣнами изъ дикаго камня съ бойницами, образующіе по угламъ башни для обстрѣливанія съ фланговъ.

Водокачки всѣ также обдѣланы дикимъ камнемъ и въ нихъ устроены бойницы.

Повсюду устроены „вышки“ для наблюденія за окрестностями.

Китайскія деревья тоже въ большинствѣ окружены земляными валами.

Вы ѣдете мимо маленькихъ крѣпостей и окоповъ, что на первый взглядъ кажется страннымъ среди этихъ окружающихъ васъ картинъ мирнаго труда.

А между тѣмъ, къ сожалѣнію, это болѣе чѣмъ необходимо.

Хунхузы то и дѣло даютъ о себѣ знать въ этихъ мѣстахъ и по близости.

Такъ недавно они напали на станцію Тайтаково, сожгли сторожку и убили жену сторожа, которая не потушивъ огня полѣзла доставать хранящійся на палатахъ патронташъ мужа.

Выстрѣлъ въ окно убилъ несчастную наповаль.

Снова переѣзжаемъ съ большими предосторожностями по мосту рѣку Сунгари.

Въ тридцати верстахъ отъ этого моста—въ 120-ти отъ Харбина стоитъ китайскій генераль Ма съ 50,000 войска.

По мѣстнымъ слухамъ, количество этого войска увеличивается.

Охрана дороги многочислена и несетъ свою службу образцово.

Она состоитъ изъ конныхъ и пѣшихъ пограничныхъ стражниковъ и желѣзнодорожныхъ баталіоновъ.

Я имѣлъ случай воочію убѣдиться въ образцовомъ несеніи ими охранной службы.

Съ нами въ поѣздѣ нѣсколько станцій проѣхалъ начальникъ отдѣла пограничной стражи г.-м. Язвинъ, инспектировавшій свой отдѣлъ и

дѣлавшій на каждой станціи и каждомъ разѣздѣ тревогу, по которой какъ пѣшіе, такъ и конные пограничные стражники собирались въ одно мгновение.

Какъ нижніе чины, такъ и офицеры имѣютъ бодрый, молодцоватый видъ.

Становится все жарче и жарче. Въ воздухѣ душно—собирается гроза.

Приближаемся къ Мукдену—первому этапу моего пути на театрѣ войны—здѣсь я долженъ буду остановиться на нѣсколько дней.

VIII.

Въ Мукденѣ.

Пріѣхаль въ Мукденъ въ ночь на сегодняшнее число и проспаль въ любезно отведеномъ мнѣ купѣ I класса одного изъ стоящихъ на запасномъ пути вагоновъ.

Въ этомъ-же вагонѣ въ особомъ помѣщеніи помѣщается и цензура военныхъ корреспонденцій и телеграммъ.

Утромъ въ первый разъ испыталъ чувство ѣзды на рикшѣ, т. е. въ ручной колясочкѣ, везомой двумя китайцами, причемъ одинъ бѣжитъ въ оглобляхъ, а другой подталкиваетъ сзади.

Странное чувство овладѣваетъ впервые сѣвшимъ въ такой экипажъ сѣдокомъ.

Сначала какъ-то неловко—не физически, такъ какъ колясочка, не смотря на дороги, изрытыя колеями, очень покойна, а нравственно—ѣхать на себѣ подобномъ существѣ.

Рикшъ дѣлается жалко—въ невыносимую жару они бѣгутъ гораздо быстрѣе петербургскихъ извозничьихъ лошадей, обливаясь потомъ, который катится съ нихъ градомъ, синія рубахи и шаровары хотъ выжми, полуобритыя головы съ традиціонными косами совершенно открыты палящимъ лучамъ солнца.

Удивляешься ихъ выносливости, тѣмъ болѣе, что они послѣ очень продолжительнаго бѣга не кажутся совсѣмъ утомленными.

Другой экипажъ для передвиженія это—„фудутунка“, маленькая кибиточка на двухъ большихъ колесахъ, въ которой запряжены одна, двѣ или три лошади „дугомъ“.

Экипажъ очень неудобный и тряска, въ немъ надо сидѣть, поджавши ноги, или вытянувъ ихъ, такъ какъ сидѣнія не полагается.

Окошечки „фудутунки“ затянуты бѣлой или черной марлей.

На рикшѣ я проѣхалъ, получивъ пропускной билетъ, въ старый китайскій городъ,—новый, гдѣ сосредоточено все русское военно-гражданское управленіе и гдѣ живетъ въ настоящее время намѣстникъ Дальняго Востока, расположенъ около самой станціи желѣзной дороги.

Старый городъ находится отъ станціи въ нѣсколькихъ верстахъ и представляетъ изъ себя типъ городовъ востока—„городъ-базаръ“.

Онъ весь состоитъ изъ лавокъ, расположенныхъ по разнымъ специальностямъ торговли.

Домовъ китайцевъ, гдѣ живутъ ихъ семьи, не видно—они расположены за лавками.

Страшная грязь и зловоніе,—отъ каждаго китайца за версту несетъ отвратительнымъ запахомъ бобоваго масла и черемши, употребляемыхъ ими въ пищу.

Большинство китайцевъ съ трудомъ, но понимаютъ русскихъ, конечно, если рѣчь послѣднихъ сопровождается выразительной мимикой и жестами, что испыталъ и я, торгуясь въ китайскихъ лавкахъ.

Запрашиваютъ китайцы неизмовѣрно и въ лавкахъ уступаютъ съ запрошенной цѣны неохотно, но за то ходячіе торговцы запрашиваютъ за вещь рубль и уступаютъ за гривенникъ.

Сказать, что всѣ китайцы—торгаши, значить повторить общее мѣсто всѣхъ путешествій, но здѣсь, когда вы не сдѣлаете шагу, чтобы не быть окруженными китайскими торговцами, предлагающими вамъ самые разнообразные товары, начиная съ живыхъ птицъ и змѣй, фарфоровой посуды, трубокъ, хлыстовъ, ногаякъ и кончая китайскими порнографическими фотографіями, у васъ невольно вырывается эта фраза.

Нѣтъ, какъ кажется, китайца-горожанина, который-бы не занимался торговлей.

На ряду съ китайцами-торгашами и рабочими, которые тоже не прочь поторговать, вы встрѣчаете массу нищихъ китайцевъ.

Видъ нѣкоторыхъ ужасенъ, ихъ стонущіе вопли раздражаютъ сердце не привыкшаго человѣка.

Это профессиональные нищіе, въ большинствѣ нищіе-комедіанты.

Это „китайское дно“, ожидающее своего Горькаго.

Особенно ужасенъ запахъ въ предмѣстьѣ Мукдена, гдѣ расположены „обжорныя лавки“ и рядъ китайскихъ ресторановъ низшаго сорта.

Какъ бы ни силенъ былъ вашъ аппетитъ, онъ моментально пропадетъ отъ одного запаха этихъ китайскихъ яствъ.

Но довольно описаній!

Ихъ безъ меня сдѣлали уже многіе, изучавшіе китайскую жизнь.

Я только хотѣлъ высказать мои впечатлѣнія, такъ какъ задержался въ Мукденѣ на нѣсколько дней для исполненія формальностей окончательнаго посвященія меня на званіе военнаго корреспондента.

Мои мысли сосредоточены тамъ, на театрѣ войны, который отстоитъ отъ меня всего въ какихъ нибудь ста восьмидесяти верстахъ и куда я на дняхъ и уѣзжаю.

На станціи, самомъ оживленномъ мѣстѣ Мукдена, интересная встрѣча.

Вотъ господинъ въ какомъ-то полувоенномъ, полустатскомъ костюмѣ, на видъ ему лѣтъ сорокъ, сорокъ пять, шатенъ съ пробивающейся сѣдиной въ волосахъ на головѣ и длинной бородѣ, со свѣтлыми голубыми глазами, въ старой истрепанной офицерской фуражкѣ.

Это доброволецъ г. Цѣхановичъ только что вернувшійся изъ Кореи, гдѣ онъ принималъ участіе въ русскомъ разъѣздѣ отряда полковника Мадритова въ тылу японцевъ.

Онъ рассказываетъ мнѣ, волнуясь, порой со слезами въ голосѣ, эпизоды изъ этой интересной экспедиціи, начавшейся въ первыхъ числахъ марта, когда ихъ отрядъ перешелъ Ялу и пошелъ въ Корею.

— Тяжело было физически, но легко нравственно!—говорилъ онъ мнѣ.—Вы не можете себѣ вообразить, по какимъ отвѣснымъ скаламъ приходилось намъ буквально карабкаться; было страшно холодно, на вершинахъ горъ лежалъ еще густыми пластами снѣгъ, на привалахъ костры разводились съ трудомъ, сырыя деревья дѣвственныхъ лѣсовъ шипѣли и трещали и разгорались только послѣ долгихъ усилій. Все преодолѣлъ нашъ отрядъ, потому что состоялъ изъ людей, одушевленныхъ однимъ желаніемъ идти впередъ, и это одушевление передалъ намъ нашъ отважный начальникъ полковникъ Мадритовъ. Духъ отряда былъ необычайный. Лучше всего его рисуетъ слѣдующій эпизодъ. Съ нами было тридцать тысячъ рублей, вѣсившихъ шесть пудовъ, грузъ для обоза отряда тяжелый... Начальникъ рѣшилъ раздать деньги людямъ, и тутъ-то обнаружилось, что бываютъ въ жизни людей моменты, когда деньги въ ихъ глазахъ не имѣютъ никакого значенія и они отказываются отъ нихъ... Весь отрядъ какъ одинъ человекъ, отказался взять деньги.

— А ну ихъ! Куда съ ними? Одна тяжесть!

— Какъ ни убѣждали взять, никто не взялъ... И дѣйствительно, въ тяжеломъ походѣ въ гористой странѣ, каждый лишній золотникъ даетъ себя знать солдату.

— Какъ относились къ вамъ корейцы?

— Не одинаково! Были случаи, когда они сопротивлялись занятію деревень, стрѣляли въ насъ и даже устраивали засады... Деревни, жители которыхъ встрѣчали насъ съ оружіемъ въ рукахъ, мы жгли, а тамъ, гдѣ насъ принимали мирно, закупали провіантъ и платили хорошую цѣну серебромъ. Корейцевъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, по обычаю войны, вѣшали, такъ какъ воюющей стороною, какъ нейтральныхъ, признать ихъ было нельзя...

— Какого вы мнѣнія о корейцахъ, какъ солдатахъ?

— Сравнительно съ японскими они никуда не годятся, бѣгутъ послѣ первыхъ выстрѣловъ и такъ быстро, что ихъ трудно догнать даже на лошади. Вообще корейцы бѣгаютъ по своимъ горамъ съ легкостью козъ. Впрочемъ и среди нихъ есть молодцы. Расскажу вамъ по этому поводу слѣдующій эпизодъ. Мы захватили двухъ корейцевъ, стрѣлявшихъ въ насъ, у нихъ оказалось только одно ружье, брошенное кѣмъ-то изъ нихъ, но кѣмъ—неизвѣстно.

— Кто стрѣлялъ? Чье ружье? Стрѣлявшій будетъ повѣшенъ, сознавайтесь!—спросили ихъ черезъ переводчика.

— Вѣшать, такъ обоихъ!—отвѣчали они.—Мы оба стрѣляли.

— Какъ, изъ одного ружья?..

— Да, сперва одинъ, потомъ другой...

— Судь былъ коротокъ, ихъ повели вѣшать, но начальникъ отряда черезъ нѣсколько минутъ

рѣшилъ отмѣнить казнь и послалъ передать это распоряженіе ея исполнителямъ... Увы, оказалось уже поздно—казнь была совершена...

— Далеко доходилъ вашъ отрядъ?

— Да, отдѣльныя развѣдочныя части проникали въ самую глубь страны...

— Японцамъ досталось таки отъ васъ?..

— И даже очень сильно... Мелкихъ стычекъ было множество, а у одного изъ корейскихъ городовъ была серьезная схватка, но повредить намъ сильно и воспрепятствовать цѣли нашего развѣзда японцамъ не удалось... Цѣль достигнута...

— У васъ были раненные и убитые?

— Конечно не безъ того... Раненныхъ на арбахъ мы доставили сюда, и они помѣщены въ больницѣ около Мукдена.

— Въ плѣнъ изъ вашего отряда не попался никто?

— Нѣтъ, напротивъ, мы взяли въ плѣнъ трехъ японцевъ?..

— Вы сами раньше служили въ военной службѣ...

— Нѣтъ я служилъ въ Одессѣ, секретаремъ городской управы... Тамъ съ самаго начала войны началось сильное одушевленіе, которое до того охватило меня, что я бросилъ семью и полетѣлъ сюда. Случайно мнѣ посчастливилось попасть въ отрядъ, который шелъ въ Корею—въ него принимались и добровольцы... Это было въ началѣ марта. На-дняхъ я только что вернулся сюда и сегодня наконецъ получилъ радостную телеграм-

му изъ дому. Дочь кончила курсъ въ гимназіи, сынъ также блестяще оканчиваетъ свои выпускные гимназическіе экзамены...

И г. Цѣхановичъ со слезами на глазахъ вынулъ изъ кармана и прочелъ намъ дорогую для него телеграмму...

Круиныя слезы блестѣли у него на глазахъ.

Видимо, послѣ перваго подъема въ продолжительномъ и трудномъ пути у отважнаго добровольца началась реакція—нервы расходились.

IX.

Среди раненыхъ.

Грустные, но вмѣстѣ съ тѣмъ высоко умиленные часы провелъ я сегодня на платформѣ желѣзнодорожной станціи Мукдена.

Прибылъ санитарный поѣздъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны и привезъ 475 нижнихъ чиновъ и 9 офицеровъ, раненыхъ въ бою подъ Вафангоу.

Замѣтимъ, кстати, что санитарный поѣздъ рассчитанъ всего на 200 человѣкъ, а между тѣмъ такъ помѣстителенъ и удобенъ, что болѣе чѣмъ двойное число комплекта размѣстилось въ немъ совершенно свободно.

Надо было видѣть, съ какою чисто отеческою заботливостью работали врачи, сестры милосердія, санитары и нижніе чины мѣстной команды, вывожившіе и выносившіе раненыхъ изъ вагоновъ, подъ бдительнымъ надзоромъ уполномоченнаго Краснаго Креста отст. полк. Бибикова.

Тяжело раненыхъ понесли на носилкахъ,—ихъ было 50 человекъ, а легко раненыхъ усадили въ госпитальныя двуколки для отправленія въ подвижной госпиталь Краснаго Креста, находящійся въ верстѣ отъ Мукдена,

Легко раненыхъ сначала тутъ-же на станціи накормили обѣдомъ.

Все это продолжалось два-три часа, въ теченіе которыхъ я успѣлъ пораспросить раненыхъ и взглядѣться въ нихъ.

Что за могучіе, прямо идеальные типы!

Вотъ унтеръ-офицеръ Казанцевъ, онъ раненъ пятью пулями, одна изъ нихъ скользнула по его головѣ, двумя другими онъ раненъ въ мякоть обѣхъ ногъ, а остальными двумя въ правую руку, причемъ одна пробила ему насквозь ладонь, а другая оторвала средній палець.

И онъ бодро стоитъ на ногахъ и ходитъ.

— Иголку подлая пуля въ сумкѣ перешибла, нечѣмъ теперь и зашитья.

Онъ сожалѣетъ только объ этомъ.

— Только-бы поскорѣй починиться, а тамъ снова бить японцевъ идти,—говоритъ онъ.

— А каковы японцы?

— Да ничего, чистенькіе такіе, да гладенькіе, въ туфелкахъ... Весело дерутся...

Рядомъ присѣлъ на приготовленныя носилки другой солдатикъ, онъ раненъ тяжело въ правую ногу, пуля попала въ лежавшіе въ карманѣ брюкъ патроны, которые разорвались.

Къ нему подходитъ офицеръ.

— Куда ты раненъ?

— Въ правую ногу, ваше благородіе.

— А ну-ка, сожми кулакъ...

Солдаты поднимаетъ увѣсистый кулакъ правой руки.

— Да ты еще молодець!

— Радъ стараться, ваше благородіе — вдругъ неожиданно поднимается солдатъ на обѣ ноги. — Только-бы починиться, а то еще мы японцу покажемъ.

— Садись, садись.

— И постоимъ, ваше благородіе...

Но силы его оставляютъ, и солдатъ опускается на носилки.

На груди ~~обоихъ~~ героевъ уже блестятъ новенькіе георгіевскіе кресты.

Вотъ другой солдатикъ, рядовой Голубецъ, тоже раненый довольно серьезно въ лѣвую ногу, хочетъ непременно идти пѣшкомъ.

— Можетъ, мѣста товарищамъ не хватить...

— Садись, садись, Голубецъ, всѣмъ мѣста хватить, успокойся...

Голубецъ колеблется, но наконецъ медленно съ трудомъ идетъ къ двуколку.

Это-ли не умилительное доказательство „солдатскаго товарищества“, которое является однимъ изъ главныхъ элементовъ духа арміи.

Съ носилокъ съ тяжело ранеными ни стоны, ни жалобы.

Одинъ только слабымъ голосомъ спрашиваетъ:

— А гдѣ моя винтовка?

Такъ ведутъ себя наши богатыри.

Узналъ отъ очевидцевъ нѣкоторыя подробности боевъ у Вафангоу.

31 мая съ 6 часовъ утра обнаружилось наступленіе японцевъ отъ Пуландяна на сѣверъ.

Открытая волнообразная мѣстность, окаймленная высотами, позволяла видѣть всю картину наступленія противника.

Около 7 ч. 30 м. пополудни колонны японцевъ были видны по линіи деревень Лидзитунь-Гаудятунь, между желѣзной дорогой и рѣкой Тасахе въ 12 верстахъ къ югу отъ ст. Вафангоу.

Въ 10 часовъ утра впередъ къ деревнѣ Вафанъ выдвинулись 3 японскихъ роты съ пулеметами, наступавшіе скорымъ шагомъ; сзади были видны резервы.

Японская пѣхота заняла отдѣльную, весьма рельефную высоту съ кумирней въ 8 верстахъ въ южнѣе Вафангоу. Длинная колонна обнаружилась позади въ широкой песчаной, покрытой перелѣсами, долинѣ рѣки Тасахе; кромѣ того, была замѣчена значительная колонна, двигавшаяся отъ ст. Пуландянъ, вдоль линіи желѣзной дороги.

Въ полдень раздались первые выстрѣлы съ обѣихъ сторонъ, и вскорѣ окончательно опредѣлился фронтъ наступленія отъ высотъ южнѣе деревни Вандетау до долины рѣки Тасахе, протяженіемъ 12 верстъ.

Силы японцевъ приблизительно были—2 дивизіи пѣхоты съ полевой и горной артиллеріей и 12 эскадронами конницы.

31 мая японцы два раза возобновляли наступленіе, но ночь на 1 іюня прошла спокойно.

Утромъ 1 іюня наступленіе японцевъ возобновилось—они шли на ст. Вафангоу тремя колоннами.

У Вафангоу собрались всѣ силы нашего южнаго отряда, далеко уступавшіе въ численности противникамъ.

Весь день 1 іюня продолжался упорный бой, прекратившійся лишь при наступленіи ночи и возобновившійся 2-го іюня.

Японцы направляли всѣ усилія на нашъ лѣвый флангъ, но всѣ ихъ атаки были отбиты.

Оказалось, что въ ночь на 2 іюня японцы получили подкрѣпленіе, къ мѣсту боя подошла еще одна дивизія.

Наши казаки вели себя молодецки.

Очевидцы рассказываютъ, что многіе японцы, насквозь проколотые пиками, вмѣстѣ съ нимъ были унесены лошадьми.

Одинъ японскій офицеръ, бывшій въ Россіи и хорошо говорящій по-русски, налетѣлъ на русскаго офицера и хотѣлъ поразить его саблей со словами:

— Готовься къ смерти!

Офицеръ поднялъ свою шашку, чтобы отпарировать ударъ, но въ это самое время подскочилъ казакъ и изъ-подъ руки офицера ударилъ японскаго офицера пикой прямо въ ротъ, крикнувъ:

— Берегись, ваше благородіе!

Японецъ упалъ бездыханнымъ.

На казака, оставшагося безъ лошади, налетѣлъ японскій офицеръ и рубнулъ его саблей, но промахнулся.

Моментально казакъ вырвалъ у него саблю и срубилъ ему голову.

Таковы рассказы очевидцевъ.

А вотъ геройскій подвигъ русскаго офицера.

Онъ увлекся, выскочилъ впередъ и, увидавъ, что окруженъ японцами, остановился.

Японцы, думая, что онъ хочетъ сдаться, приблизились къ нему, но не тутъ-то было, онъ однимъ ударомъ шашки убилъ трехъ.

Храбрецъ былъ изрубленъ на куски.

Но вернемся къ привезеннымъ раненымъ.

Одному тяжело раненому пуля попала въ правый глазъ, прошла носовую полость и вышла въ лѣвое ухо, кромѣ того, онъ раненъ въ правую ногу и лѣвую руку.

По словамъ доктора, онъ выживетъ, но будетъ кривъ на правый глазъ и глухъ на лѣвое ухо.

Х.

Японскія звѣрства.

То и дѣло проходятъ воинскіе поѣзда, доставляющіе нашихъ солдатиковъ въ Ляоянь и далѣе на театръ военныхъ дѣйствій.

У всѣхъ у нихъ бодрый, веселый видъ, слышатся шутки, пѣсни.

Кажется, будто-бы они идутъ на военную прогулку, а не на смертный бой съ врагомъ.

Дальняя дорога не утомляетъ ихъ, и говорятъ, что во время дѣла при Вафангоу только что прибывшія туда войска прямо изъ вагоновъ были поставлены въ авангардъ въ полномъ боевомъ порядкѣ.

На ст. Мукденъ воинскія части долго не задерживаются, не болѣе, какъ черезъ четверть, много полчася, слышится сигналъ гарниста, играющаго посадку, и поѣздъ мчится далѣе.

Раненные въ бояхъ при Вафангоу, предназначившіеся въ подвижной госпиталь Краснаго Креста въ Мукденъ, всѣ доставлены туда.

Вчера госпиталь посѣтилъ Намѣстникъ Дальняго Востока, обходилъ раненыхъ и со многими изъ нихъ бесѣдовалъ.

Съ поля битвы при Вафангоу продолжаютъ приходить вѣсти.

Въ ночь съ 3 на 4 іюня въ окрестностяхъ Сеньючена прошла сильная гроза съ ливнемъ и въ конецъ испортила дороги.

Несмотря на это, части нашего южнаго отряда молодецки преодолѣли всѣ препятствія и въ полномъ порядкѣ, несмотря на сильное утомленіе, сосредоточились къ 5 іюня у Сеньючена.

Японцы 3 и 4 іюня впередъ отъ Вафангоу не продвинулись; ихъ войска, какъ слышно, развертываются на фронтъ Вафангоу-Фучжоу.

Точныхъ данныхъ о нашихъ потеряхъ еще нѣтъ.

Какъ слышно, вышло изъ строя убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими безъ вѣсти около 3,000 человекъ.

Потери японцевъ гораздо значительнѣе.

Послѣдніе, по словамъ раненыхъ офицеровъ, держатся въ бою германской системы—наступать съ фронта и обходить флангами.

Такъ они дѣйствовали подъ Тюренченомъ, при Чзиньчжоу и у Вафангоу.

Стрѣльбу они производятъ трехрядную, при чемъ первый рядъ стрѣлковъ ложится на землю, второй стрѣляетъ съ колѣна, а третій стоя.

Кромѣ того, у японцевъ при каждой ротѣ имѣются пулеметы.

Этимъ и объясняется, что ихъ пули, по выраженію нашихъ солдатъ; осыпаютъ „какъ песокъ“.

Война и неразлучное съ ней возбужденное нервное состояніе естественно родитъ массу разсказовъ.

Многіе изъ нихъ рисуютъ японцевъ, протестующихъ передъ Европой объ употребленіи русскими варварскаго, по ихъ мнѣнію, оружія—пикъ очень, кстати сказать, не пришедшихся по вкусу сынамъ страны Восходящаго Солнца, настоящими азіатами, позволяющими себѣ относительно плѣнныхъ и раненыхъ нарушеніе не только международнаго, но даже общечеловѣческаго права.

Говорятъ, что они прикалываютъ раненыхъ и даже плѣнныхъ, а раненый рядовой 6 роты 2 восточнаго стрѣлковаго полка Осипъ Коченовъ рассказывалъ мнѣ, что у его товарища, попавшаго въ плѣнъ, японцы будто-бы вырѣзали ремни изъ груди и спины и бросили его по дорогѣ; его нашли и доставили на русскія позиціи.

Прикалываніе плѣнныхъ подтверждаетъ также унтеръ-офицеръ 2-го восточно-сибирскаго полка Иванъ Бѣльскій.

Относятся-ли эти разказы къ области разгоряченной фантазіи солдатиковъ, или въ нихъ есть доля правды—покажетъ будущее, а пока я могу лишь замѣтить, что добродушное въ общемъ от-

ношеніе нашихъ солдатиковъ къ своимъ врагамъ вообще, а къ японцамъ въ частности, исключаетъ возможность подобной злой и сплошной клеветы.

Для нея нѣтъ почвы въ духовномъ существѣ русскаго солдата.

Многіе положительно не вѣрятъ этимъ рассказамъ, и это такъ понятно—они слишкомъ чудовищны.

Не хотѣлось-бы вѣрить и мнѣ, но я принадлежу, увы, къ однимъ изъ тѣхъ, которые плохо вѣрятъ въ японскую цивилизацію, гуманность и правоту.

Дѣйствія японцевъ, начиная съ пресловутой ночи на 27 января въ Портъ-Артуръ и кончая злоупотребленіемъ сходствомъ своего флага съ флагомъ Краснаго Креста, которое они практикуютъ и въ настоящее время, даютъ мнѣ для этого полное основаніе.

Скажу нѣсколько словъ объ этомъ „злоупотребленіи“.

Выѣзжающія на позиціи японскія батареи, цѣпи обходящихъ наши фланги частей поднимаютъ флаги Краснаго Креста и дѣлаютъ ими размахи вдоль своего фронта.

Недоумѣвающіе русскіе начальники прекращаютъ огонь, открытый по непріятелю въ наиболѣе для него критическій моментъ.

И слѣдомъ за этимъ, прикрывающіеся флагомъ Краснаго Креста японцы открываютъ по замолчавшимъ нашимъ частямъ убійственный огонь.

По разслѣдованію этого обстоятельства оказалось, что японцы машутъ для обозначенія при-

существовiя своего фронта своимъ флагомъ—національнымъ: бѣлое поле съ краснымъ кругомъ въ серединѣ.

Даже и на незначительномъ разстоянiи этотъ японскiй флагъ легко принять за флагъ Краснаго Креста.

На этомъ объясненiи добродушные люди успокаиваются, говоря:

— Вотъ видите, какъ это просто объясняется: японцы не виноваты—они употребляютъ свой флагъ. Не надо обращать вниманiя и стрѣлять...

А если японцы въ одинъ прекрасный день поднимутъ дѣйствительно Красный Крестъ? Что тогда? Тоже стрѣлять?

На этотъ вопросъ отвѣта добродушные люди не даютъ.

По моему мнѣнiю, въ этомъ употребленiи сходнаго съ флагомъ Краснаго Креста „японскаго національнаго“ флага, который съ успѣхомъ можно замѣнить другимъ, скрывается двоякая чисто азиатская хитрость,—въ началѣ выигрывать моменты, а затѣмъ имѣть возможность обвинить русскихъ въ стрѣльбѣ по флагу Краснаго Креста.

Съ морского театра войны получены на дняхъ извѣстiя, что наша владивостокская крейсерская эскадра потопила у самыхъ береговъ Японiи японскiе транспорты „Хиташи“ и „Садомару“, на которыхъ перевозился пѣхотный полкъ.

Онъ погибъ весь до одного человѣка съ командиромъ и знаменемъ.

Ходятъ слухи, что на этихъ транспортахъ было нѣсколько иностранныхъ военныхъ агентовъ.

Суда прибывшія въ Сень-юнь-ченъ, принесли извѣстіе, что за послѣднее время никакихъ атакъ на Портъ-Артуръ не было.

За 4 іюня происходили морскіе бои, въ которыхъ японцы понесли значительный уронъ и потеряли два большихъ судна.

Японскій флотъ на морѣ сильно уменьшился.

XI.

Въ госпиталѣ „Краснаго Креста“.

9 Іюня посѣтилъ здѣшній временный лазаретъ „Краснаго Креста“.

Замѣчательный порядокъ и изумительная чистота!

Положительно умиляешься душой передъ картинами сердечнаго, христіански братскаго отношенія врачей, сестеръ милосердія и санитаровъ къ раненымъ воинамъ безъ различія чиновъ.

Боевое крещеніе, казалось, уравнило ранги— нѣтъ ни офицеровъ, ни рядовыхъ, есть люди пролившіе свою кровь за дорогое отечество, посмотрѣвшіе въ глаза смерти, и забота объ этихъ людяхъ здѣсь одинакова.

— Сестрица!—раздается тамъ и сямъ съ коекъ призывъ.

И въ голосахъ интеллигентовъ - офицеровъ какъ и въ голосѣ солдата для этого слова найдутся нѣжныя сердечныя ноты, которыя не могли бы быть извлечены иначе, какъ теплымъ сердечнымъ же отношеніемъ этихъ чудныхъ подвиж-

ницъ, отдавшихъ себя исключительно на служеніе страдальцамъ войны.

И „сестрицы“ наклоняются надъ тяжело ранеными, говорятъ имъ слова утѣшенія, и эти слова чудодѣйственнымъ бальзамомъ разливаются по всему существу страдальца—это видно по свѣтлѣющимъ ихъ глазамъ, по слабой улыбкѣ, освѣщающей ихъ грубыя загорѣлыя лица.

Вообще здѣсь только, на мѣстѣ, на театрѣ войны, можно всецѣло оцѣнить всю службу Краснаго Креста арміи.

Уроки русско-турецкой войны приняты безусловно къ свѣдѣнію и санитарная часть поставлена образцово. Доказательствомъ этого служить отсутствіе до сихъ поръ въ русской арміи массовыхъ заболѣваній, не смотря на рѣзкія перемѣны температуры—невыносимыя жары днемъ и холодныя ночи.

Здѣсь собраны участники-очевидцы послѣднихъ боевъ при Вафангоу.

Ихъ рассказы иллюстрируютъ эти боевыя схватки, окончившіяся было полнымъ разстройствомъ японскихъ войскъ, не подоспѣй къ нимъ подкрѣпленія.

Безпорядочное бѣгство японцевъ послѣ боя 1 іюня удостовѣряется даже изъ японскихъ источниковъ.

Подвиги нашихъ „чудо-богатырей“ не поддаются описанію.

Есть-ли на свѣтѣ такое талантливое перо, чтобы возсоздать хотя бы слѣдующую картину.

На одной изъ нашихъ батарей, попавшую на

позицію, къ которой японцы пристрѣлялись, вы-
были изъ строя всѣ офицеры, пачальство принялъ
унтеръ-офицеръ, у котораго уже была оторвана
кисть правой руки—онъ, кое-какъ перевязавъ ее
рукавомъ рубахи, лѣвой рукой работаетъ надъ
орудіемъ, пока не падаетъ мертвымъ, сраженный
шрапнелью. Тутъ-же на поляхъ Вафангоу выка-
залась во всемъ своемъ блескѣ доблесть русской
женщины—сестра милосердія г-жа Воронова подъ
градомъ пуль, спокойно сидя на конѣ, распоря-
жалась дѣйствіями санитаровъ.

Два военныхъ врача (одинъ изъ нихъ еврей)
работали неутомимо въ линіи огня, перевязывая
раненыхъ, и когда наши войска стали отходить,
доблестные истинные „друзья человечества“, не
смотря ни на какія убѣжденія, не оставили свою
опасную работу, пока не довели ея до конца.

По заявленію поручика Вакулина, контужен-
наго въ голову, состоявшаго при двухъ американ-
скихъ военныхъ агентахъ, эти послѣдніе вели себя
настоящими „солдатами“—они все время не поки-
дали линіи огня и съ сигарами въ зубахъ спокой-
но стояли подъ сыпавшимися вокругъ нихъ пу-
лями.

Снова констатируютъ хитрость японцевъ, хи-
трость, впрочемъ, далеко не предосудительную,
которую слѣдуетъ принять не только къ свѣдѣ-
нію, но, пожалуй, и къ руководству. Они маски-
руютъ свои батареи деревянными орудіями, такъ
называемыми, орудіями-болванками и стрѣляютъ
подъ ихъ прикрытіемъ.

Въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ, для отвлеченія

вниманія, они выставляють прямо декоративныя батареи изъ орудій-болванокъ.

Эта послѣдняя уловка, однако, какъ слышно, разбивается объ опытность нашихъ доблестныхъ артиллеристовъ.

Тяжелая сцена разыгралась надъ тѣломъ убитаго командира 1-го восточно-сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка полковника Хвастунова.

Надъ его залитымъ кровью трупомъ неужели и горько рыдала его жена, раздѣлявшая трудности похода съ своимъ любимымъ мужемъ въ качествѣ сестры милосердія.

Полковника Хвастунова и нѣкоторыхъ другихъ павшихъ въ бою офицеровъ успѣли похоронить съ воинскими почестями на полѣ битвы.

ХІІ.

Въ Ляоянѣ.

Наконецъ, послѣ одиннадцатидневнаго „мукденскаго карантина“, я сегодня пріѣхалъ въ Ляоянъ.

Онъ, несомнѣнно, оживленнѣе Мукдена.

Ежечасно въ него прибываютъ войска и отсюда, какъ изъ центра, радіусами разливаются на театръ войны, который, какъ извѣстно, занялъ въ настоящее время огромное пространство.

Здѣсь, если можно такъ выразиться, бьется пульсъ войны.

И это понятно!

Въ Мукденѣ думаютъ и обсуждаютъ, здѣсь

дѣйствуютъ, въ Мукденѣ управляютъ, здѣсь бьются, въ Мукденѣ политика, здѣсь война.

Кстати, между прочимъ, нахожу не безынтереснымъ сообщить, какъ проводитъ день Намѣстникъ Дальняго Востока, адмиралъ Алексѣевъ, живущій въ настоящее время въ особомъ поѣздѣ, состоящемъ изъ салонъ-вагона, вагона-кабинета и спальни, вагона для прислуги и вагона-кухни.

Для жительства намѣстника построены особый домъ, но онъ предпочитаетъ жить въ вагонахъ.

Встаетъ онъ ежедневно въ пять часовъ утра и въ половинѣ шестого уже ѣдетъ верхомъ въ сопровожденіи приближенныхъ лицъ на прогулку въ окрестности Мукдена.

Одѣтъ онъ въ это время обыкновенно въ ту-журкѣ.

Его любимая лошадь—простая казацкая, которая ходитъ особымъ правящимся ему алюромъ.

Излюбленнымъ мѣстомъ утреннихъ прогулокъ намѣстника являются могилы манджурскихъ императоровъ, находящіяся дѣйствительно въ тѣнистомъ, красивомъ и живописномъ саду.

Ровно съ половины восьмого намѣстникъ возвращается къ себѣ, дѣлаетъ свой вторичный туалетъ и начинаетъ свой трудовой день.

Въ десять часовъ сервируется утренній завтракъ, послѣ котораго идутъ непрерывно до обѣда, который подается въ пять часовъ, доклады по различнымъ частямъ управленія и по дипломатической части, приемы представляющихся и т. д.

Послѣ обѣда снова занимается дѣлами, или ѣдетъ осматривать тѣ или другія учрежденія.

Затѣмъ сервируется чай и легкій ужинъ и въ десять часовъ вечера намѣстникъ ложится спать.

И такъ изо дня въ день, минута въ минуту.

Я получилъ эти свѣдѣнія о „днѣ намѣстника“ отъ одного изъ приближенныхъ къ нему лицъ, съ которымъ встрѣтился на станціи, являющейся, какъ я уже писалъ вамъ, мѣстомъ всевозможныхъ встрѣчъ и свиданій.

Всякія новости сыплются, какъ изъ рога изобилія, и большинству ихъ можно довѣрять не опасаясь, такъ какъ онѣ идутъ изъ хорошо освѣдомленныхъ источниковъ.

Тутъ не далѣе какъ вчера я встрѣтилъ подтвержденія тому, о чемъ я уже писалъ—объ отношеніяхъ японцевъ къ нашимъ раненымъ и плѣннымъ.

Во время боя при Вафангоу былъ составленъ въ присутствіи иностранныхъ агентовъ актъ о доказанномъ прикалываніи японцами раненыхъ и плѣнныхъ.

Разговорился съ однимъ изъ военныхъ врачей, который рассказалъ мнѣ много интереснаго о пораненіяхъ, причиняемыхъ японскими огнестрѣльными снарядами.

Начиненные пресловутымъ японскимъ порохомъ Шимозе, они причиняютъ въ большинствѣ смертельныя, но во всякомъ случаѣ трудно излечимыя раны.

— Почему?—спросилъ я.

— А потому, что порохъ „шимозе“ содержитъ въ себѣ мелинитъ, развивающій ядовитыя газы которые омертвляютъ края ранъ.

Любопытная черта склонности японцевъ къ фееричнымъ эффектамъ, къ числу которыхъ, впрочемъ, принадлежитъ и вся ихъ скороспѣлая цивилизація.

На тѣлѣ убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ японскихъ офицеровъ найдены татуировки на японскомъ языкѣ.

Вытатуировано всего три слова: „слава или смерть“.

Этотъ перифразъ спартанскаго изрѣченія „со щитомъ или на щитѣ“ сильно отдастъ романтизмомъ, періодъ котораго переживается особенно долго всѣми народами съ подражательной цивилизаціей.

Не могу тутъ же, попутно, не отмѣтить мнѣнія о японцахъ одного изъ высокообразованныхъ дѣятелей настоящей войны.

— Мнѣ жаль японцевъ!—сказалъ онъ.—Такой страшный подъемъ духа народы переживаютъ или при своемъ восходѣ на политическую міровую арену, или же при закатѣ... У японцевъ, увы, этомъ подъемѣ—смертельная агонія, такъ какъ, не смотря на временные призрачные успѣхи, война окончится, конечно, ихъ полной гибелью... А жаль ихъ! Молодцы, хотя несомнѣнно азіаты въ европейской шкурѣ... Первое серьезное пораженіе будетъ для нихъ началомъ конца... Давать возможность самообольщаться и идти впередъ—лучшая тактика съ молодыми арміями, не имѣющими за собой военныхъ традицій... При первомъ разочарованіи побѣдный миражъ исчезнетъ и замѣнится паникой и безпорядочнымъ бѣгствомъ... Частично

это уже случилось, даже въ послѣднихъ бояхъ при Вафангоу.

Въ послѣдній вечеръ моего пребыванія въ Мукденѣ любопытная встрѣча на станціи съ дѣвицей-развѣдчикомъ Елизаветой Смолка.

Она говоритъ по китайски, корейски и японски и одѣта въ мужской костюмъ.

Говоря про себя, употребляетъ мужескій родъ.

— Я пришелъ, я узналъ...

Жаждетъ получить Георгія и, по ея словамъ, имѣетъ свидѣтельство на право полученія этого знака отличія военнаго ордена за успѣшно произведенную развѣдку.

Интересная подробность.

Отецъ Смолки въ завѣщаніи отказываетъ ей 30,000 рублей подъ условіемъ, чтобы она получила георгіевскій крестъ.

— Я добьюсь этого знака отличія, и откажусь отъ наслѣдства...—заявляетъ она.

Дѣвица-развѣдчикъ производитъ своею скромностью пріятное впечатлѣніе—въ ней незамѣтно рисовки, она проста и естественна.

По внѣшности она некрасива, но въ глазахъ виденъ умъ и желѣзная воля.

О результатахъ трехдневнаго боя при Вафангоу, сообщаю выяснившіяся въ настоящее время болѣе точныя и подробныя цифры.

Нижнихъ чиновъ въ 9 дивизіи генерала Кондратовича, стоявшей на правомъ флангѣ, убито 133, ранено 785, осталось на полѣ сраженія ранеными и убитыми—64.

Въ дивизіи генерала Гернгросса, находившейся

на лѣвомъ флангѣ, выбыло изъ строя 1868, въ томъ числѣ изъ перваго полка 247, втораго—724, третьяго—740, четвертаго—157.

Изъ Моршанскаго и Зарайскаго полковъ выбыло 13 убитыми, 197 ранеными осталось на полѣ—10.

Изъ Тобольскаго полка, пробывшаго во время боя и прикрывавшаго обходныя движенія праваго фланга, выбыли убитыми—9, ранеными 56, осталось на полѣ сраженія одинъ.

Въ артиллерійской части дивизіи Гернгросса выбыло 138; въ 9-й дивизіи—30.

Штабъ и оберъ-офицеровъ убито 18, ранено 84, осталось на полѣ сраженія 9.

Раненый въ голову генераль Гернгроссъ продолжалъ командовать дивизіей, приказавъ фельдшеру сдѣлать себѣ спѣшно перевязку.

Генераль Мищенко, успѣвшій уже нагнать страху на японцевъ, удерживаетъ соединеніе арміи Куроки съ арміей Оку между Кайчжоу и Сиеномъ.

Въ бою 10 іюня его отрядъ не успѣлъ вынести 7 раненыхъ казаковъ.

Всѣ они были въ виду нашихъ войскъ звѣрски добиты японцами.

Надъ мертвыми японцы надругивались.

Ожидается большое сраженіе южнѣе Ханчена.

Оно пока замедляется успѣшными дѣйствіями генерала Мищенко.

Носятся однако слухи, что арміи Куроки и Оку успѣли соединиться.

Завтра выѣзжаю въ Дашичао, а оттуда на передовыя позиціи, гдѣ ожидается рѣшительный бой.

XVI.

Въ Дашичао.

Здѣсь только и говорится объ угрожающемъ положеніи, которое приняла наша портъ-артурская эскадра относительно сильно порѣдѣвшихъ за послѣднее время рядовъ японскихъ морскихъ силъ, и полагають, что эта перемена ролей на морѣ безъ сомнѣнія отразится на дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ на сухопутномъ театрѣ войны.

Выражаютъ твердую надежду, что портъ-артурская эскадра, овладѣвъ внѣшнимъ рейдомъ и частью моря, будетъ имѣть возможность соединиться съ владивостокской эскадрой, и тогда онѣ объ сравнительно съ остатками японской представятъ грозную силу, къ которой и перейдетъ обладаніе моремъ—одно изъ главныхъ условій морскихъ побѣдъ.

Потерявъ возможность базироваться на морѣ японцы окажутся на сушѣ почти въ безвыходномъ положеніи, и именно настоящій моментъ считается компетентными военными дѣятелями за кризисъ въ настоящей войнѣ, благопріятный для насъ.

— Это—говорять они—начало конца!

Дай Богъ, чтобы эти предположенія и надежды оправдались!

Пожеланіе далеко не платоническое, такъ какъ имѣетъ подъ собой почву въ текущихъ событіяхъ, прекрасно иллюстрирующихъ мощь нашихъ войскъ, дѣлающихъ положительно чудеса при невозможныхъ условіяхъ.

Вотъ рядъ свѣтлыхъ эпизодовъ, долженствующихъ быть занесенными золотыми буквами на скрижали военной исторіи Россіи.

Мнѣ любезно привелъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ за послѣдній мѣсяць войны одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, собирающій матеріалы для этой исторіи.

Въ дѣлѣ при Саймадзы 24 мая выказались блестящія дѣйствія охотничьей команды, надъ которой начальствовалъ поручикъ Ружицкій.

Этотъ лихой офицеръ былъ раненъ осколкомъ гранаты въ руку и остался въ строю.

Въ дѣлѣ подъ Сянемъ отличались войсковые старшины Гавриловъ и Черемисиновъ, подъесаулы Семеновъ и Колосовскій, штабъ-ротмистръ Ржевскій и хорунжій Комаровскій.

Послѣдній раненый остался въ строю.

Сложную и трудную развѣдку произвелъ генеральнаго штаба подполковникъ Посоховъ.

1-го іюня въ бою при Вафангоу доблестный начальникъ 1-й восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи генераль-маіоръ Гернгроссъ получилъ тяжелую рану въ нижнюю челюсть съ поврежденіемъ надкостницы, но остался въ строю до конца боя.

Въ этомъ же бою выказали поразительное мужество командиръ 36-го полка полковникъ Багинскій, его адъютантъ штабсъ-капитанъ Кривцовъ, командиръ 2-го баталіона подполковникъ Остолоповъ и его офицеры.

Генералы Краузе и Зыковъ и командиръ 33-го полка полковникъ Лисовскій и его офицеры не выходили изъ огня.

Что касается до нижних чиновъ, то они всё ведутъ себя настоящими богатырями, принужденные биться не только съ хитрымъ и отчаяннымъ врагомъ, но и съ условіями непривычной для нихъ гористой мѣстности, невыносимой, удушливой жарою, усугубляемой тяжелымъ снаряженіемъ русскаго солдата.

Передаю слышанную мною маленькую подробность о столкновеніи отряда генерала Мищенко съ передовыми отрядами арміи Куроки подъ Гайчжоу 10-го іюня.

Бой длился съ 5 час. утра до 2-хъ часовъ дня и окончился полнымъ безпорядочнымъ отступленіемъ японцевъ, которые понесли огромныя потери.

Я говорилъ уже о блестящей постановкѣ здѣсь на театрѣ войны великаго дѣла „Краснаго Креста“.

Бой при Вафангоу блестяще вновь подтвердилъ это.

Отрядъ „Краснаго Креста“ генерала Родзянко оказалъ 1-го іюня быструю и огромную помощь на полѣ битвы.

Къ нему присоединился добровольно старшій врачъ 36-го полка Колосовъ.

Онъ и генераль Родзянко сами носили раненыхъ до перевязочнаго пункта, гдѣ работали безъ усталы военные врачи и профессоръ Цеге-фонъ-Мантейфель со своимъ отрядомъ.

Подъ сильнымъ огнемъ перевязывали раненыхъ врачи Петровъ и Охотниковъ.

О дѣйствіяхъ отряда „Краснаго Креста“ въ бою

при Самайдзы также получены здѣсь самые восторженные отзывы.

Докторъ Пуссепъ и Беньпешъ работали подъ неприятельскимъ огнемъ и не оставили поле битвы, пока не перевязали всѣхъ раненыхъ.

Имъ помогали студенты Федынской и Федоровъ, братъ милосердія Степановъ, санитары Крюковъ, Федотовъ и Самойловъ-Скрипка.

Съ такими самоотверженными дѣятелями—молодыми, полными отваги командирами и офицерами, врачами, братьями милосердія и санитарамн можно смѣло смотрѣть въ будущее и не смущаться даже, если оправдается только что пронесшійся слухъ о соединеніи арміи Куроки и Оку.

Это ничуть не измѣнитъ положеніе дѣла, и японцы дорого поплатятся за свои кажущіеся успѣхи.

Таково общее мнѣніе здѣсь, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстахъ отъ театра, на которомъ въ ближайшемъ будущемъ разыграется эпилогъ кровавой драмы, носящей названіе: „Русско-японская война“.

Здѣсь только я уже нѣсколько разъ вспоминаю слова, сказанныя мнѣ въ Петербургѣ однимъ изъ участниковъ русско-турецкой войны.

— Повѣрьте—сказалъ онъ мнѣ,— что тамъ, на театрѣ военныхъ дѣйствій, всѣ перипетіи этой борьбы двухъ народовъ переживаются гораздо легче и не производятъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ здѣсь. Тамъ люди смотрятъ болѣе трезво и бодро и не считаютъ неудачи гибелью... Тамъ быстрѣе идетъ смѣна событій, и набѣжав-

шее облачко мгновенно разсѣкаетъ лучъ солнца. .
Облачко исчезаетъ съ горизонта тогда, когда у
насъ оно еще кажется грозной тучей...

И это святая правда!

Полное спокойствіе и увѣренность въ буду-
щемъ царятъ здѣсь.

Въ заключеніе оффиціальное подтвержденіе не-
истовствъ японцевъ надъ убитыми и ранеными.

25-го мая послѣ дѣла подѣ Саймадзы найдены
тѣла стрѣлковъ Трифонова Василя и Григорьева
Петра, обнаженными до пояса, съ перерѣзанными
горлами и привязанными къ доскамъ,

У Трифонова былъ вырѣзанъ языкъ, а тѣло
Григорьева симметрически истыкано ножами.

Присутствіе среди японскихъ войскъ китай-
скихъ добровольцевъ несомнѣнно доказано.

Они не только подаютъ имъ сигналы о распо-
ложеніи нашихъ войскъ, но и бьются въ рядахъ
ихъ арміи.

Нѣсколько десятковъ такихъ „добровольцевъ“
захвачено нашими войсками въ бояхъ при Ва-
фангоу и приведены въ Ляоянь, гдѣ и ожидаютъ
рѣшенія своей участи.

Въ поѣздѣ, состоящемъ изъ десятка вагоновъ
разныхъ классовъ, живетъ командующій манджур-
ской арміей А. Н. Куропаткинъ съ частью штаба.

Генераль-адъютантъ А. Н. Куропаткинъ помѣ-
щается въ вагонъ-салонъ, подѣ которымъ устрое-
ны тенты изъ гаоляновой соломы, дабы защитить
его отъ палящихъ лучей солнца.

Сегодня, впрочемъ, солнце надъ нами сжали-
лось и свѣтитъ не съ такой обычной яростью.

Оно стыдливо прячется за облака и въ воздухѣ вѣетъ возможной прохладой, т. е. даетъ возможность дышать, хотя вѣтерокъ вмѣстѣ съ нѣкоторой свѣжестью несетъ и отвратительную пыль, которая лѣзетъ въ горло, въ глаза, въ уши.

Остальной штабъ размѣщается въ другихъ вагонахъ, а канцелярія въ двухъ повозкахъ.

Въ одномъ изъ такихъ вагоновъ я наконецъ только сегодня получилъ отъ полковника Люпова послѣднее удостовѣреніе, что я имѣю право состоять военнымъ корреспондентомъ при войскахъ манджурской арміи.

Командующій арміей перенесъ свою резиденцію изъ Ляояна, гдѣ находится его штабъ въ Дашичао недавно.

Не далѣе, какъ вчера, 13 іюня произошелъ довольно сильный бой въ которомъ японцы понесли чувствительныя потери, у насъ же въ людяхъ уронъ былъ незначителенъ—раненъ между прочемъ врачъ, по фамиліи, какъ мнѣ передали, Лешковъ—воспитанникъ харьковскаго университета.

Бесѣдую въ станціономъ буфетѣ за стаканомъ чаю, который здѣсь истребляется въ огромномъ количествѣ,

Разговоръ идетъ объ успѣхахъ японской артиллеріи.

— Тутъ дѣло не въ превосходствѣ орудій, не въ знаніи артиллерійскаго дѣла—говоритъ одинъ артиллерійскій офицеръ—у насъ орудія тоже очень хорошія и въ знаніи и практикѣ мы можемъ поспорить съ японцами, а въ томъ, что послѣдніе

обращаютъ вниманіе на каждую мелочь служить имъ крупную службу.

— Напримѣръ?

— Вы хотите примѣръ,—извольте... При выстрѣлахъ съ батарей, выведенной на позиціи, вслѣдствіе отката орудій поднимается пыль, которая и выдаетъ противнику мѣстонахождение батареи, съ одной стороны, а съ другой, мѣшаетъ вѣрному прицѣлу... Японцы это хорошо поняли и или поливаютъ позицію водой, или-же выбираютъ для нея мѣсто на травѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ они избѣгаютъ предательской пыли. Мы же не обращали до сихъ поръ вниманія на подобную мелочь, и наши батареи въ большинствѣ случаевъ бываютъ окутаны столбами пыли.

Что касается до настоящаго расположенія войскъ на театрѣ войны, то большинство ожидаетъ серьезнаго рѣшительнаго дѣла у Долинскаго перевала съ арміей Куроки.

— Поѣзжайте на востокъ—говорятъ мнѣ—тамъ предстоятъ интересныя дѣла...

— А на югѣ...

— На югѣ пока не будетъ ничего.

Оговариваюсь, впрочемъ, что толки очень разпорѣчивы.

Поживемъ—увидимъ.

Маленькая характеристика здѣшнихъ буфетныхъ нравовъ.

При невыносимой жарѣ въ буфетѣ нѣтъ никакихъ напитковъ, ни квасу, ни минеральныхъ, ни фруктовыхъ водъ и только одно американское, кстати сказать, прескверное пиво по 1 р. 25 к., за бутылку.

XIV.

На передовыхъ позиціяхъ.

Я видѣлъ, наконецъ войну лицомъ къ лицу.

Не скажу, чтобы я былъ подъ пулями и въ линіи огня, но грохотъ орудій и свистъ, или, лучше сказать, пѣніе пуль—современныя пули не свищутъ, а поютъ—слышалось около меня совсѣмъ близко и боевая картина была передо мной какъ на ладони.

Вы спросите, конечно, меня, какое я вынесъ впечатлѣніе?

Впечатлѣніе такъ сильно и такъ разнообразно, что въ концѣ-концовъ получается какъ-бы отсутствіе всякаго впечатлѣнія.

Такъ цвѣтные лучи солнечнаго спектра при быстромъ вращеніи даютъ впечатлѣніе бѣлаго цвѣта, т. е. отсутствія всякаго цвѣта.

Представьте себѣ движеніе массы людей, смѣшанное, нестройное, но при всемъ томъ, видимо, руководимое съ обѣихъ сторонъ по точному, заранѣе обдуманному плану.

Это скорѣе чувствуется, чѣмъ наблюдается.

Громъ артиллерійскихъ снарядовъ, непрерывныя оглушительныя взрывы и непрерывное пѣніе металлическихъ соловьевъ—пуль.

Тамъ и сямъ падаютъ люди, иные приподнимаются, иные уже не встаютъ, это тяжело раненыя или убитые.

Все это видно только въ бинокль тогда, когда падаетъ сразу нѣсколько человекъ стоящихъ рядомъ, а сколько одиночныхъ паденій.

Вотъ несутъ раненыхъ на перевязочный пунктъ. На рукахъ двухъ казаковъ лежитъ умирающій офицеръ. Онъ тяжело раненъ въ грудь на вылетъ.

При каждомъ вздохѣ на его рубашкѣ образуется большое, все расплывающееся пятно.

— Пить, пить!—стонеть онъ.

Кто-то подноситъ къ его застывшимъ губамъ фляжку.

Это тяжело раненый заурядъ-хорунжій Макаровъ.

Его не донесли живого на перевязочный пунктъ.

Онъ умеръ дорогой.

— Добрый былъ человѣкъ... Изъ нашего брата, простыхъ казаковъ, любилъ насъ, да и мы его...— говорятъ казаки.

Это произошло въ славномъ дѣлѣ доблестнаго генерала Мищенко между деревнями Кусандзы и Мугуи.

Тѣло Макарова, по распоряженію генерала Мищенко, привезено въ Дашичао, гдѣ и похоронено съ воинскими почестями...

Онъ лежитъ тутъ, вблизи поля брани, гдѣ нашель свою славную смерть, завернутый въ окровавленную простыню, въ досчатомъ гробу.

Таковы должны быть похороны истиннаго героя.

Ихъ величіе въ ихъ простотѣ!

Видѣлъ я и работу сестеръ милосердія и петербургскихъ общинъ Георгіевской и Евгеніевской подъ градомъ японскихъ пуль и снарядовъ.

Не было ни страха, ни даже слѣда малѣйшей

робости на лицахъ, одухотворенныхъ исполненіемъ великаго христіанскаго долга, этихъ доблестныхъ русскихъ женщинъ и дѣвушекъ.

Вотъ съ застывшимъ выраженіемъ глубокой печали на челѣ, безстрашно и безстрастно распоряжается сестра Хвастунова, только что потерявшая любимаго мужа, павшаго славной смертью героя въ битвѣ подъ Вафангоу, вотъ сестра Тучкова, жена ротнаго полкового командира, достойная спутница жизни воина, вотъ и другія, мужественныя, пренебрегающія опасностью, готовыя на смерть для великаго дѣла помощи раненымъ.

Зрѣлище это производитъ поразительное впечатлѣніе.

Тутъ мало удивленія, мало поклоненія!

Тутъ хочется молиться передъ этимъ воплощеніемъ милосердія на землѣ.

А въ общемъ, все это только ужасно!

Ужасны картины боя, когда о нихъ вспоминаешь послѣ того, какъ грохотъ орудій, свистъ пуль и стоны раненыхъ останутся далеко за тобою.

Ужасны картины полей битвъ, когда смолкнутъ орудія смерти, когда подбираютъ раненыхъ и на окровавленныхъ носилкахъ несутъ въ санитарный поѣздъ.

Съ 13 іюня близъ Долинскаго перевала идетъ упорный бой, наши позиціи заняты были двумя полками пѣхоты съ артиллеріей.

Японскія колонны показались раннимъ утромъ, пѣхота, по ихъ обыкновенію, впереди, не вступаетъ въ атаку, а старается улизнуть, завлекая противника подъ огонь.

Началось дѣло.

Загрохотали орудія, запѣли и зашипѣли пули и весь этотъ „шумъ войны“ гулко сталъ отдаваться по ущельямъ горъ.

Въ 9 часовъ утра непріятельскій отрядъ, силою въ одинъ батальонъ, перешелъ въ наступленіе отъ Стоходзы къ нашей передовой позиціи у Вадзяпудзы.

Къ полудню показалась еще пѣхота японцевъ съ горной артиллеріей.

Отстрѣливаясь, наши войска отошли на Долинскій переваль.

14 іюня, съ утра превосходными силами японцы атаковали нашъ отрядъ на Долинскомъ перевалѣ, который, задержавъ наступленіе и выяснивъ силу противника, отошелъ по направленію къ Силючену.

Туда-же вечеромъ 15 іюня выѣхалъ изъ Дашичао командующій манджурской арміей А. Н. Куропаткинъ.

Тутъ, по сѣверной дорогѣ, говорятъ и будетъ главный театръ нашихъ военныхъ дѣйствій.

На южной дорогѣ отъ Сюяна до Гайчжоу и на востокъ въ мѣстности Сорганчоу въ 25 верстахъ на сѣверозападъ отъ Фыцхуанчена происходятъ постоянныя стычки съ переменнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ.

Въ перестрѣлкахъ мы потеряли ранеными капитана Янчуковскаго, поручиковъ Оглоблева и Серпуховитинова и врача „Краснаго Креста“ Рышкова (я ошибочно назвалъ его въ одной изъ корреспонденцій Лешковымъ).

Капитанъ Янчуковскій, докторъ Рышковъ и три нижнихъ чина остались въ рукахъ японцевъ.

13 іюня японцы возобновили наступленіе по главной Ляоянской дорогѣ и на Модулинскій переваль.

Третій день, какъ начались дожди—и иные говорятъ, что это начало періодическихъ, другіе находятъ, что для періодическихъ слишкомъ рано.

Выпадающіе дожди объясняются усиленной пальбой изъ орудій.

Война такимъ образомъ родитъ не только героевъ и поэтовъ, но и дождь, не въ смыслѣ водянистой поэзіи, а въ смыслѣ настоящаго ливня.

Грязь образовалась невылазная.

Говорятъ, что это большой плюсъ для насъ, такъ какъ японцамъ невозможно будетъ по размокшимъ дорогамъ дѣйствовать со своими осадными орудіями, составляющими ихъ главную силу.

Въ заключеніе, маленькій курьезъ на печальномъ фонѣ, рисующій ту поспѣшность, съ которой все дѣлается на войнѣ.

Въ Дашичао надо было похоронить трехъ умершихъ солдатиковъ, священника не было, три гроба понесли солдатики на рукахъ. Гроба тяжелые, изъ толстыхъ деревянныхъ досокъ.

Вырыли ямы, опустили одинъ гробъ, который былъ все-же тяжелѣе другихъ.

Это навело солдатиковъ на мысль вскрыть два остальныхъ гроба.

Они оказались пустыми.

А третій гробъ уже былъ закопанъ.

Какъ быть?

Понесли два пустые гроба назадъ.

Оказалось, что второпяхъ позабыли положить въ гроба двухъ покойниковъ.

Солдаты говорятъ, что это произошло потому, что покойники не были отпѣты.

— Одного похоронить Богъ попустилъ, а двухъ другихъ не дозволилъ...

И дѣйствительно, на другой день прибылъ священникъ и солдатики были похоронены послѣ отпѣванія.

XV.

Въ Хайченѣ.

Въ то время, когда эти строки появятся въ печати, тѣ соображенія, которыя я намѣренъ высказать, вѣроятно уже подтвердятся.

Соображенія эти касаются театра войны, въ самомъ центрѣ котораго я нахожусь и о которомъ въ центральной Россіи вообще и въ Петербургѣ въ частности имѣютъ весьма смутное представленіе.

Сужу я объ этомъ по своему недавнему сравнительно пребыванію на берегахъ Невы и тому впечатлѣнію, которое производили на меня, стараго газетнаго работника, извѣстія, получавшіяся съ Дальняго Востока.

Понятная неполнота телеграфныхъ извѣстій зачастую тенденціозная ихъ окраска иностранными агентствами дѣлаютъ то, что разобраться въ нихъ болѣе чѣмъ затруднительно и вопросъ, гдѣ правда въ нихъ, гдѣ ложь—остається открытымъ.

Если это такъ для журналиста, то какое представление о текущихъ военныхъ событіяхъ должна имѣть публика? Сдержанныя, всегда корректныя русскія извѣстія оффиціального характера тонуть въ морѣ самохвальства извѣстій изъ японскаго источника, услужливо передаваемыхъ иностранными газетами и агентствами и дѣйствуютъ угнетающимъ образомъ на русскаго читателя.

Потеря орудій представляется ему поражениемъ и торжествомъ врага, диверсія въ формѣ отступленія опять же боевой для насъ неудачей и т. д.

Оффиціальныя извѣстія даютъ лишь тактическіе и стратегическіе абрисы, не разъясняя для непосвященныхъ суть часто загадочныхъ фразъ, — да этого разъясненія и теперь нельзя требовать, — а между тѣмъ японская и часть заграничной прессы трубятъ о мнимыхъ побѣдахъ японцевъ.

Для недоумѣвающихъ русскихъ людей я и пишу эти строки, по мѣрѣ силъ желая разъяснить положеніе театра войны, опираясь въ данномъ случаѣ на такіе военные авторитеты, какъ офицеры генеральнаго штаба съ командующимъ арміей А. Н. Куропаткинымъ во главѣ.

Послѣдній на-дняхъ по поводу помѣщеннаго въ иностранныхъ газетахъ извѣстія, что японцы, желая прекратить войну, ходатайствуютъ уже, будто бы, о вмѣшательствѣ европейскихъ державъ для заключенія мира, улыбаясь замѣтилъ:

— Странно! По моему мнѣнію, война еще не начиналась.

Словомъ, всѣ наши почтенные собесѣдники находятъ, что положеніе наше блестяще, и фазисъ

въ который въ настоящее время вступили военныя дѣйствія, окончится полнымъ пораженіемъ японцевъ и быстрымъ окончаніемъ войны.

— Я могу держать пари, что день моихъ именинъ, 10 сентября, я буду праздновать въ Петербургѣ и поѣду туда не раненымъ, или больнымъ, а потому лишь, что здѣсь нечего будетъ дѣлать... Все будетъ кончено!—сказалъ намъ одинъ изъ нихъ.

Быть можетъ, это нѣсколько преувеличено, но едва ли срокъ, назначенный имъ для окончанія войны, черезъ чуръ сокращень.

Въ общемъ, по единодушному отзыву всѣхъ военныхъ дѣятелей, положеніе японцевъ должно съ каждымъ днемъ становиться все болѣе и болѣе критическимъ.

Ихъ мнимыя побѣды, зависящія отъ неравенства силъ, условій мѣстности и другихъ причинъ, объяснять которыя будетъ дѣломъ исторіи, покупаются ими слишкомъ дорогою цѣною.

Потери въ людяхъ у нихъ всегда огромны, снаряды они тратятъ въ огромномъ количествѣ и сравнительно безрезультатно.

Даже на разбѣзды въ нѣсколько человѣкъ они выпускаютъ сотни пуль и десятки шрапнелей и гранатъ.

Какъ бы ни было много у нихъ людей и какъ бы неисчислимы ни были ихъ запасы снарядовъ, и тѣ и другіе при такой чисто лихорадочной расточительности должны идти быстро на убыль.

Наши силы между тѣмъ съ каждымъ днемъ увеличиваются свѣжими бодрыми войсками.

Любо-дорого глядѣть на нашихъ солдатиковъ, уроженцевъ южныхъ губерній, оглашающихъ своими пѣснями долины Дашичао и Хайчена.

Пѣсни эти подхватываетъ эхо горъ и, думается намъ, долети ихъ отзвуки до японцевъ, они утрашили бы ихъ болѣе, чѣмъ трескотни батарей и свиста пуль.

То поетъ Русь могучая, непобѣдимая.

Въ нихъ слышна та сила русской земли, изъ которой черпаль свою непреодолимую мощь легендарный русскій богатырь.

Эти мысли пришли мнѣ въ голову, когда вчера въ Хайченѣ я въ обществѣ офицеровъ на перронѣ станціи бесѣдовалъ за чаемъ, подъ звуки лихихъ солдатскихъ пѣсень.

Да проститъ мнѣ дорогой читатель это маленькое отступленіе, вырвавшееся прямо изъ сердца.

Продолжаю далѣе передавать соображенія знатоковъ военнаго дѣла о близкомъ будущемъ, ожидающемъ японцевъ.

Потери ихъ на морѣ и успѣшныя дѣйствія нашихъ, портъ-артурской и, въ особенности, владивостокской эскадръ, лишатъ ихъ въ концѣ концовъ возможности получить подкрѣпленія и продовольствіе и тогда положеніе ихъ станетъ положительно безвыходнымъ.

Одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба сдѣлалъ въ разговорѣ со мной нѣсколько смѣлое, но не лишнее нѣкоторыхъ основаній сравненіе настоящей войны съ войною англо-бурской, конечно, не по мотивамъ ея возникновенія и не по

образу нашихъ дѣйствій, а лишь по ея начальнымъ перипетіямъ и несомнѣнному исходу.

— Тѣмъ болѣе,—замѣтилъ я, — что для японцевъ эта война борьба за существованіе. Имъ вѣдь тѣсно жить.

Но тутъ вмѣшался въ разговоръ человекъ, уже десять лѣтъ изучающій положеніе на Дальнемъ Востокѣ, отношенія Россіи къ Китаю и Японію, а также политическіе взгляды другихъ правительствъ на этотъ „новый восточный вопросъ“.

— Вы высказываете мнѣніе — сказалъ онъ, мнѣ,—очень распространенное, принимаемое всѣми на вѣру, но увы, совершенно невѣрное.

— Какъ такъ?

— Да очень просто. У японцевъ очень много совершенно незаселенныхъ и мало заселенныхъ острововъ, годныхъ для земледѣльческой культуры. Статистику этихъ пустопорожнихъ земель по порученію японскаго правительства составилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ земледѣльческаго института въ Токіо—Сако. Онъ былъ въ Манджуріи и я лично бесѣдовалъ объ этомъ съ нимъ.

— Какой же импульсъ токнулъ японцевъ на эту войну?

— Воинственность и жадность—качества, лежащія въ характера этого народа. Вся его исторія—это исторія непрерывной войны. Сначала они дрались между собою—вели страшныя междуособныя войны, партія микадо боролась съ партией „сіюгуна“, военнаго диктатора и, наконецъ, по-

слѣдній былъ побѣжденъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія. Тогда Японія стала снова тратить всѣ свои средства на вооруженіе, на приготовленіе къ войнѣ съ Китаемъ; готовилась она долго, почти сорокъ лѣтъ и наконецъ объявила ему войну въ 1894 году. Цѣль войны была завладѣть Кореей и Ляодунскимъ полуостровомъ и причина совсѣмъ не отсутствіе земли, а желаніе сдѣлать изъ апатичныхъ и покорныхъ корейцевъ рабовъ. Европа, какъ извѣстно, не допустила этого. Русскіе заняли Ляодунскій полуостровъ и временно Манджурію. Японцы снова начали готовиться къ войнѣ уже съ Россіей, направляя всѣ свои силы въ ущербъ экономическому состоянію страны и наконецъ въ концѣ января нынѣшняго года бросились въ эту опасную авантюру. Если хотите, то эта война дѣйствительно является для японцевъ борьбой за существованіе, но въ другомъ смыслѣ.

— Въ какомъ же?

— Японія уже теперь находится въ экономическомъ рабствѣ у Англій и Америки: займы, сдѣланные ею у этихъ государствъ, обезпечиваются желѣзными дорогами и таможенными доходами, у Японіи осталась только территорія. Побѣжденная Россіей,—а что она будетъ побѣждена, въ этомъ едва ли есть у кого сомнѣніе,—попадетъ подъ протекторатъ Англій и будетъ низведена до положенія третьестепеннаго государства; японцы будутъ служить для Англій наемными войсками, какъ служили когда-то Европѣ швейцарцы. Такова роковая судьба Японіи по мнѣнію это-

го политическаго дѣятеля, всесторонне изучившаго Дальній Востокъ.

XVI.

Положеніе воюющихъ сторонъ.

Въ Ляоянѣ говорятъ объ отступленіи японцевъ со всѣхъ переваловъ.

Всѣ ихъ наступательныя движенія были лишь демонстраціями для прикрытія этого отступленія.

Такой-же демонстраціей является и ихъ движеніе въ настоящее время на Ляоянѣ, гдѣ мы поэтому сидимъ совершенно спокойно, но нельзя сказать чтобы удобно.

Пять дней сплошныхъ ливней сдѣлали то, что Ляоянѣ „всплылъ какъ Тритонъ“, но всплылъ въ жидкой грязи.

Ходить даже въ большихъ сапогахъ невыносимо, надо ѣздить верхомъ, но такъ какъ и для лошадей подобное передвиженіе страшно мучительно, то жалѣя животное, приходится не жалѣть человѣка и ѣздить на рикшахъ.

Вообразите себѣ такую картину.

Два полуголыхъ китайца, буквально по колѣно въ грязи, везутъ сѣдока въ колясочкѣ на большихъ и тонкихъ колесахъ, которыя какъ-то хитрятся катиться, несмотря на то что грязь достигаетъ до оси.

Рикши обливаются потомъ, издающимъ специфическій отвратительный запахъ смѣси бобоваго масла и черемши.

Я писалъ уже о первомъ моемъ впечатлѣніи ѣзды на людяхъ.

Это впечатлѣніе мною формулировалось словомъ: жалость.

Теперь это чувство прошло, и я спокойно сижу въ колясочкѣ, тѣмъ болѣе, что такая прогулка, по невозможности ходить пѣшкомъ и изъ нежеланія въ конецъ заморить дорого стоящую лошадь, обходится далеко не дешево.

У китайцевъ съ водвореніемъ русскихъ развились колоссальные аппетиты и за конецъ проѣзда на рикшѣ надо платить рубль, да еще съ перспективой услышать:

— Мало, капитанъ, мало...

Но тутъ уже прибавка обыкновенно идетъ при краснорѣчивомъ участіи нагайки—въ рукахъ ее имѣть здѣсь необходимо — и китайцы успокаиваются.

Начались-ли теперь дѣйствительно „періодическіе дожди“ или нѣтъ?

Этотъ вопросъ многими китайцами и здѣшними старожилами рѣшается различно.

— Для періодическихъ дождей — говорятъ одни—какъ будто слишкомъ рано, а впрочемъ, можетъ быть вслѣдствіе войны и вызваннаго орудійными выстрѣлами сотрясенія атмосферы дожди и начались ранѣе.

Другіе утверждаютъ, что это послѣднее обстоятельство и есть единственная причина настоящихъ дождей и что „періодическіе“ еще впереди.

Если это такъ, то остается только воскликнуть:

„Благодарю, не ожидалъ“.

Но вернемся къ японцамъ, которымъ эти дожди оказали плохую услугу.

Они страшно затруднили ихъ движеніе съ тяжелыми осадными орудіями и еще болѣе ухудшили ихъ и безъ того незавидное положеніе.

А что положеніе ихъ незавидно, они видимо сами это поняли.

Этимъ и объясняется ихъ отступленіе.

При постепенномъ притока къ намъ свѣжихъ силъ, японцы, перенесшіе свою операціонную линію на Портъ-Артуръ, рисковали быть запертыми на Квантунскомъ полуостровѣ „какъ въ бутылкѣ“, по удачному выраженію одного военнаго писателя.

Потому-то они и стремятся стянуть свои войска къ Фынхуанчену, перебросивъ такимъ образомъ снова свою операціонную линію въ Корею.

Нельзя не отдать справедливость — ее надо отдавать и врагу—что планъ этотъ не лишенъ глубокаго военнаго соображенія.

При нашемъ движеніи на выручку Портъ-Артура, они могутъ напасть на насъ съ востока, а въ случаѣ дѣйствій прямо противъ соединенныхъ армій Оку и Куроки, они могутъ уйти въ Корею, конечно, если имъ въ этомъ не помѣшаютъ, и оттуда ихъ придется выбивать.

Какъ бы то ни было, но общее мнѣніе продолжаетъ оставаться такимъ же, какимъ я излагалъ его и раньше.

Война вступаетъ въ новый фазисъ. Переживается кризисъ, благопріятный для насъ. Новая диверсія, предпринятая непріателемъ едва-ли

можетъ не только спасти его отъ пораженія но даже сдѣлать войну болѣе продолжительной.

Это общій приговоръ, который слышится повсюду.

Командующій арміей переѣхалъ со своимъ штабомъ снова въ Дашичао и, вѣрный своему девизу; „терпѣніе, терпѣніе“, выжидаетъ момента, чтобы однимъ ударомъ сломить кичливаго врага.

И онъ будетъ сломленъ.

Мнимыя побѣды японцевъ, о которыхъ трубятъ какъ японскія, такъ и американскія и англійскія газеты извѣстнаго пошиба, таковы, о которыхъ можно повторить древнее изрѣченіе: „еще одна такая побѣда, и я останусь безъ войска“.

Простой подсчетъ говоритъ это.

На каждаго раненаго русскаго приходится не менѣе трехъ раненыхъ и убитыхъ япоцевъ.

И не смотря на это, они, ослѣпленные жаждой побѣды, до послѣдняго времени продолжали наступать, рискуя истребить всю свою армію.

Чѣмъ могутъ кичиться они?

Боемъ подъ Тюренченомъ.

Но тамъ два русскихъ полка и двѣ баттарей два дня выдерживали штурмъ трехъ дивизій и пятидесяти орудій.

Развѣ это побѣда?

И сколько тысячъ жертвъ стоила она имъ!

А Чзиньчжоускія высоты взятыя цѣною истребленія цѣлыхъ полковъ.

Развѣ это тоже называется побѣдою?

Успѣхъ при Вафангоу, успѣхъ случая, такъ

какъ японцы едва не потерпѣли полное пораженіе, уже совсѣмъ не можетъ идти въ счетъ.

Что же остается?

„Ничего или очень мало“! — какъ говорится извѣстныхъ виршахъ.

Быть можетъ издалека, изъ Петербурга, для глазъ не военныхъ людей, это и кажется чѣмъ-нибудь, какъ плохо нарисованная декорація, но здѣсь, вблизи слишкомъ видна неискусная раз-малевка.

Встрѣтился съ однимъ изъ участниковъ дѣла у Айньямыня 9 іюня, передавшимъ мнѣ нѣкоторыя его небезинтересныя подробности.

Началось съ того, что нашъ конный авангардъ вытѣснилъ японцевъ изъ траншей передовой позиціи.

Четыре конно-горныхъ орудія пограничной стражи мѣткимъ огнемъ преслѣдовали отходящія цѣпи и сомкнутыя части японцевъ.

Послѣдніе не вынесли напора и стали очищать послѣдовательно ряды траншей на протяженіи 3—4 версты.

Дѣло продолжалось съ переменнымъ успѣхомъ, и въ седьмомъ часу вечера японцы перешли въ наступленіе силою одного батальона, но двѣ роты стрѣлковъ и спѣшенная сотня подъ начальствомъ штабъ-ротмистра Цедерберга опрокинули непріятеля и обратили его въ полное бѣгство.

Позднимъ вечеромъ бой прекратился и нашъ отрядъ отошелъ въ Саймадзы, оставивъ на перевалахъ охраняющія части.

Въ дѣлѣ этомъ были ранены подполковникъ Ромейко-Гурко и подъесаулъ Гофманъ, контужены подполковникъ Яковлевъ, есаулъ Нератовъ, подъесаулъ Николаевъ, подпоручикъ Шидловскій и 53 нижнихъ чина.

Убитыхъ офицеровъ не было.

Нижнихъ чиновъ убито 43.

Съ 12 іюня японцы стали наступать по ляоян-ской дорогѣ противъ отряда генерала Ренненкам-фа и 13-го заняли Саймадзы.

14 іюня у Сеньючена между нашей конницей и передовыми отрядами японцевъ завязался горячій бой, послѣ котораго, японцы обстрѣливали санитарный поѣздъ въ пяти верстахъ отъ Сенью-чена.

Я видѣлся съ поручикомъ Завадскимъ, бывшимъ на этомъ поѣздѣ машинистомъ.

Бравый офицеръ уже не разъ ставится судь-бою въ рискованныя, чтобы не сказать болѣе, положенія.

Онъ-же велъ поѣздъ, на которомъ подполков-никъ Спиридоновъ провезъ артиллерійскіе сна-ряды въ Портъ-Артуръ по линіи желѣзной доро-ги, занятой японцами.

— Это первый случай, — сказалъ онъ мнѣ, — чтобы японцы стрѣляли въ санитарный поѣздъ артиллерійскими снарядами... Ружейнымъ огнемъ они обстрѣливаютъ ихъ довольно часто... Но это пустяки... Нижнія части вагоновъ бродированы, а пули именно летятъ по низу... Со шрапнелями и гранатами вопросъ другой... Попади одна изъ нихъ въ паровозъ, и весь поѣздъ былъ бы взор-

ванъ.. Я даль, когда сестры собрали раненыхъ, задній ходъ и пустиль скоростью семьдесятъ верстъ въ часъ... Снаряды и пули такъ и осыпали его съ обѣихъ сторонъ... Моя будка качалася изъ стороны въ сторону, свистокъ попортился и все время протяжно и заунывно гудѣль...

— Ваши личные впечатлѣнія?

— Какъ вамъ сказать? Въ нихъ трудно разобраться... Послѣ того, какъ все кончится, кажется, что пережилъ какія-то очень тяжелыя, но трудно уловимыя мгновенія... Я помню только, что у меня было ощущение игрока въ азартную и большую игру, когда ставка составляетъ крупный кушъ, когда поставлены послѣднія деньги и онъ думаетъ: „дана“ или „бита“.

Тоже думалъ и я, слѣдя за падающими снарядами.

„Куда попадетъ“? „Панъ или пропалъ“? Слава Богу, оказалось, что карта, на которую была поставлена не только моя жизнь, но и жизнь десятковъ людей, была „дана“.

Все это мой собесѣдникъ рассказывалъ такъ безискусственно просто, какъ будто дѣло шло дѣйствительно о вчерашней крупной игрѣ въ клубѣ и ему повезло.

А между чѣмъ ставкой въ этой игрѣ была жизнь.

Но здѣсь „жизнь“, видимо, попала подъ общую переоцѣнку цѣнностей и стоитъ очень мало.

Въ цѣнѣ только „долгъ“.

И надо отдать справедливость офицерамъ и нижнимъ чинамъ—этой цѣнностью, они не поступятся.

За послѣдніе дни незначительныя, сравнительно, стычки съ японцами происходили въ окрестностяхъ Далинскаго перевала, на сѣверной дорогѣ изъ Сюяна въ Гайчжоу и у Сяхотана

Самое серьезное нападеніе японцевъ 14 іюня на войска, отошедшія въ Титхе, было отбито съ значительнымъ урономъ для непріятели.

Вчера и сегодня никакихъ извѣстій съ передовыхъ позицій нѣтъ, хотя въ то время, когда я пишу эти строки въ Ляоянѣ, до меня доносится гулъ артиллерійскихъ снарядовъ.

Новое ли это дѣло, или-же учебная стрѣльба нашей артиллеріи—неизвѣстно!

Многіе офицеры утверждаютъ послѣднее, по характеру доносящихся залповъ.

Кто знаетъ?

XVII.

Осторожность японцевъ.

Китайцы служатъ японцамъ, особенно хунхузы, которыхъ они организовали въ правильныя шайки... Они шныряютъ повсюду, у деревни Саймадзы, напримѣръ, ихъ масса... Какою ворожбою успѣли влѣзть японцы въ сердце китайцевъ—неизвѣстно... Несомнѣнно одно, что они не тратя на нихъ безумныхъ денегъ, какъ мы, умѣютъ съ ними обращаться и достигаютъ лучшихъ результатовъ. Оно и понятно. Тутъ главную роль, конечно, играетъ родственность расъ.

Заговоривъ о организаціи нельзя не отмѣтить, что наряду съ прекрасно поставленной въ

нынѣшнюю войну санитарной частью, о чемъ я уже писалъ, образцово организована и та часть, которая была „притчей во языцахъ“ въ минувшія войны—интендантская.

Учрежденные не такъ давно въ Петербургѣ интендантскіе курсы дали уже комплектъ знающихъ офицеровъ, и армія на театрѣ русско-японской войны дѣлають всѣ закупки сама.

Продовольствіе арміи обезпечено на долго впередъ.

Сегодня разговаривался съ офицеромъ изъ отряда генерала Самсонова—очевидцемъ и участникомъ боя подъ Сеньюченомъ 14 іюня.

Мой собесѣдникъ восторженно отзывался о командирахъ участвовавшихъ въ бою частей пограничной стражи и пѣхоты: полковникъ Чевякинскомъ, ротмистрахъ Вестермаркѣ и Якимовскомъ.

Во время этого дѣла былъ убитъ штабъ-ротмистръ гродненскаго гусарскаго полка Третьяковъ, извѣстный московскій спортсмэнъ, небезъизвѣстный и въ Петербургѣ.

Покойный вмѣстѣ со своимъ вѣстовымъ отправился на развѣдку въ близъ лежащую деревню и наткнулся, единственно по своей близорукости, на отрядъ японцевъ.

— Назадъ, ваше благородіе,—крикнулъ вѣстовой, тоже гусаръ гродненскаго полка, прибывшій вмѣстѣ со своимъ офицеромъ въ дѣйствующую армію по ихъ собственному желанію.

Они повернули но японцы дали по нимъ залпъ.

Вѣстовой былъ тяжело раненъ, но усидѣлъ на сѣдлѣ, а Третьковъ упалъ, какъ утверждаетъ вѣстовой,—пораженный на смерть.

Вѣстовой его умеръ отъ ранъ, рассказавши подробности рокового случая съ штабъ-ротмистромъ.

Интересенъ, достоинъ историческаго увѣковѣченія былъ эпизодъ доклада браваго корнета Мейера генералу Самсонову о ходѣ дѣла уже послѣ сраженія, которое продолжалось около четырехъ часовъ.

Сдѣлавъ обстоятельное объясненіе всѣхъ мельчайшихъ деталей боя, корнетъ Мейеръ закончилъ свой докладъ словами:

— Честь имѣю доложить вашему превосходительству, что я раненъ двумя пулями...

Онъ покачнулся на сѣдлѣ и безъ чувствъ упалъ на руки подхватившихъ его нижнихъ чиновъ.

Какъ это величественно просто!

По счастью, говорятъ, раны этого доблестнаго офицера не опасны.

Обморокъ произошелъ лишь отъ сильной потери крови.

Шедшій въ теченіи пяти дней непрерывный ливень долженъ былъ временно пріостановить военныя дѣйствія, испортивъ дороги, превративъ маленькія горныя рѣчки въ бурные потоки и образовавъ въ долинахъ горъ глубокія озера и затруднивъ передвиженіе войскъ.

Такъ и случилось.

Двухдневный перерывъ, когда снова блестѣло и жгло южно-манджурское солнце, не поправилъ

дѣла, давъ лишь возможность подневольнымъ обитателямъ Ляояна пробираться среди грязи по просохшимъ тропочкамъ.

Аборигены, т. е. китайцы продолжаютъ шагать по самымъ жидко-грязнымъ мѣстамъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, какъ будто это доставляетъ имъ большое удовольствіе.

Грязь—это пятая китайская стихія и, какъ кажется, самая любимая подданными Небесной имперіи.

Сегодня снова съ утра дождливо при 20 градусахъ по Цельсію.

На югѣ и востокѣ происходятъ незначительныя стычки передовыхъ отрядовъ.

Стычки эти интересны какъ маленькія, но краснорѣчивыя иллюстраціи японской тактики и знанія ими въ совершенствѣ условій мѣстности, гдѣ они воюють.

Вообще тактика японцевъ построена, кромѣ различныхъ хитроумныхъ комбинацій, на ихъ національной игрѣ, называемой „Джи у джутсу“ въ которой слабый долженъ побѣдить сильнаго.

Это достигается путемъ изворотливости со стороны, слабого, который долженъ утомить, обезсилить сильнаго, и такимъ образомъ, сохранивъ свои силы, одержать надъ нимъ верхъ.

По отзывамъ всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлахъ офицеровъ, этотъ принципъ игры „Джи у джутсу“, что собственно въ переводѣ значитъ „осторожность“, японцы примѣняютъ всегда и вездѣ.

Они никогда не берутъ позицій съ боя, а за-

нимаютъ лишь оставленные нами позиціи и то съ большими предосторожностями.

Сначала ими посылаются китайцы, которые обшариваютъ по кустамъ и затѣмъ доносятъ японцамъ, которые высылаютъ нѣсколько человѣкъ развѣдчиковъ и, уже только убѣдившись, что позиція свободна, двигаются къ ней и занимаютъ ее всѣмъ отрядомъ.

— Но при чемъ же тутъ китайцы, подданные нейтральнаго государства?—спросилъ я.

Мой собесѣдникъ улыбнулся.

— Китайцы, во-первыхъ, у японцевъ на службѣ, а во-вторыхъ, все мѣстное населеніе обязано содѣйствовать имъ подѣ угрозой „кантами“, т. е. лишенія головы. И они служатъ имъ вѣрой и правдой. Такой уже народъ, ихъ не проймешь гуманнымъ обращеніемъ...

Японцы ихъ держатъ въ струнѣ, а намъ за добро они платятъ зломъ...

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу войска, пронесшаго на себѣ всѣ тягости китайскаго похода 1900 года, и теперь выносящаго на своихъ плечахъ тяжелое бремя войны.

Это войско — забайкальскіе казаки, всѣ поголовно отъ стараго до малаго находящіеся въ дѣйствующей арміи.

Они бросили свои дома, свои семьи и пошли на защиту царя и отечества.

Было бы далеко не лишнимъ со стороны русскихъ людей придти къ нимъ на помощь...

О нихъ просто забыли.

Я увѣренъ, что это напоминаніе не пройдетъ

безслѣдно, и къ многочисленнымъ подпискамъ, которыми истинно русскіе люди жертвуютъ свои щедрыя лепты на нужды, вызванныя военнымъ временемъ, прибавится еще одна подписка: „въ пользу семействъ забайкальскихъ казаковъ“.

Это будетъ болѣе чѣмъ справедливо!

Посѣтилъ оставленныя японцами позиціи и подивился чисто филигранной работой окоповъ, которые идутъ въ нѣсколько рядовъ, одинъ выше другого, съ проложенной извивающейя тропинкой, гдѣ солдатъ, идя во весь ростъ, находится все-таки подъ прикрытіемъ отъ пуль.

Черезъ протекающій ручеекъ сдѣланъ изящный мостикъ въ японскомъ вкусѣ.

Все вмѣстѣ напоминаетъ театральную декорацию.

Великіе мастаки японцы на мелкія дѣла!

Они предусматриваютъ всѣ мелочи и тратятъ, видимо, время на многое совершенно излишнее въ военное время, чѣмъ и объясняется сравнительная медленность ихъ движенія.

— Будь они дѣйствительно такъ искусны въ военномъ дѣлѣ — сказалъ мнѣ на-дняхъ одинъ почтенный генералъ — они-бы давно уже были у Харбина и мы не сидѣли бы съ вами здѣсь въ ляоянскомъ саду.

— Но они близко отсюда...

— Недалеко, въ тридцати верстахъ всего, но въ виду дождей ихъ задерживаетъ разлившаяся рѣка Тайцзыхе, по которой нѣтъ броду и которой теченіе такъ быстро, что нельзя устроить понтоннаго моста... Его снесетъ.

Послѣдніе два дня въ Ляоянѣ распространился слухъ, что будто-бы японцы обходятъ нашъ тылъ и идутъ на Мукденъ.

Многіе трусливые люди собирались даже уѣзжать въ Харбинъ, а иные даже это и сдѣлали.

Слухъ этотъ и теперь передается изъ устъ въ уста, и даже опредѣляется число идущихъ на Мукденъ японцевъ—20,000.

Конечно, это явная нелѣпость, и японцы слишкомъ осторожны, чтобы рѣшиться на такой гибельный для такого немногочисленного корпуса шагъ.

Это значитъ отдать его безцѣльно на жертву.

Всѣ это понимаютъ, но почти всѣ вѣрятъ къмъ то пущенной нелѣпой сказкѣ и она волнуеть городъ.

— Мы будемъ отрѣзаны... Появятся хунхузы, возстанутъ китайцы...—рисуютъ себѣ мирные жители разные страхи.

Все это объясняется нервнымъ напряженнымъ состояніемъ военнаго времени.

О хунхузахъ, между тѣмъ, и слыхомъ не слышать, китайцы мирно купаются въ грязи, напрягая всѣ усилія своего китайскаго ума исключительно на придумываніе способовъ содрать съ тароватыхъ русскихъ втрое, вчетверо, вдесятеро дороже за продаваемую вещь или тотъ или другой товаръ... Не уступаютъ имъ въ этомъ стремленіи и другіе собравшіеся сюда, какъ вороны на падаль, темный людъ, греки, грузины, армяне, пооткрывавшіе здѣсь разные вертепы подъ громкимъ прозвищемъ гостинницъ „Парижъ“, „Интернаціональ“, „Полтава“ и проч.

Да не подумаетъ дорогой читатель, что эти гостинницы имѣютъ какое-либо даже отдаленное сходство не только съевропейскими, но и съ постоянными дворами захолустныхъ уѣздныхъ городовъ.

Даже послѣдніе передъ нимъ дворцы.

Это тѣ же китайскія „фанзы“, изъ которыхъ лицевая—отведена подъ ресторанъ, а надворныя раздѣлены досчатыми перегородками на клѣтушки, именуемая номерами.

Стѣны такого номера или выбѣлены известкой или оклеены грошовыми обоями.

Входъ въ каждый номеръ въ дверь со двора, полного разной грязи и навоза, двора исполняющаго роль и отхожаго мѣста.

На дворѣ около стоящихъ лошадей копошатся вонючіе китайцы.

Можете вообразить, какой здѣсь воздухъ!

И за такой номеръ взимается отъ 4 до 7 рублей въ сутки.

Гостинницы эти помѣщаются въ самомъ городѣ и около города и въ пригородѣ, лежащемъ между станціей Ляоянь, вокругъ которой расположенъ желѣзнодорожный и военный поселокъ, и самимъ городомъ.

Въ городѣ и пригородѣ страшная вонь и неопрятность.

То и дѣло попадаются голые до пояса китайцы, ищущіе въ своихъ далеко не первой свѣжести рубахахъ безпокоящихъ ихъ насѣкомыхъ.

Бѣгутъ потные, за версту пахнувшіе отврати-

тельной смѣсью черемши, бобового масла и пота рикши.

Тянутся, еле выворачивая колесо изъ грязи, тяжелыя арбы, запряженныя волами или мулами обыкновенно тремя, или пятью, причемъ впереди идетъ одинъ, а сзади запряжена пара или двѣ пары животныхъ, смотря по количеству груза, положеннаго въ арбу.

Первый, видимо, исполняетъ должность коренника.

На этихъ арбахъ идетъ подвозъ припасовъ къ арміи.

Китайцы погоняютъ животныхъ рѣзкимъ неприятнымъ крикомъ: ую, ую!

Тутъ-же то и дѣло бредутъ группами наши солдатики.

Иногда встрѣтишь ихъ идущими походнымъ порядкомъ на этапъ.

Вновь прибывшіе дивуются диковиной странѣ и диковиннымъ людямъ, бывалые объясняютъ имъ.

— Съ косами, словно дѣвки... — ухмыляется молодой солдатикъ.

— Такая ужъ ихъ амуниція... — поясняетъ болѣе старшій.

— Глянь, какъ по грязи-то шныряютъ, ровно журавль по болоту...

— Выросъ, значить, въ грязи, ему и сподручно...

А дождь все льетъ и льетъ, мелкій теплый, раза два-три въ день превращающійся въ довольно продолжительный ливень.

Каково тамъ, на позиціяхъ?

— Но все-же дождь нашему солдатику нипочемъ, вотъ японцу такъ зарѣзъ...—говорять вернувшіеся съ позицій.

— Что русскому здорово, то японцу смерть!—замѣчаютъ на это.

И дѣйствительно низкорослые, слабосильные японцы тонуть десятками, если не сотнями въ канавахъ и рвахъ, переполнившихся дождевой водой.

— Онъ и сапогъ-то носить не умѣетъ...—замѣчаетъ солдатъ,—больше за спиной ихъ носить, а самъ щеголяетъ на соломенной подошвѣ съ завязочками, или-же на деревянныхъ ходулькахъ... По горамъ въ нихъ, говорятъ, ему способно, ну а въ грязь—пропадай...

И это дѣйствительно такъ.

Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Японіи, охваченной духомъ милитаризма, хотѣли провести законъ о сокращеніи срока военной службы, дабы имѣть большее количество запасныхъ противъ этого возстали офицеры и европейскіе инструктора.

— Помилуйте, ихъ съ годъ надо только обучать ходить въ сапогахъ...

И эта наука, видимо, имъ не далась.

На театрѣ военныхъ дѣйствій пока тихо.

Дождь, хоть и теплый, но охладилъ страсти.

Тамъ и сямъ происходятъ легкія стычки, но онѣ въ счетъ не идутъ, хотя японцамъ въ нихъ сильно достается.

Непрестанно настойчиво и усердно бьетъ ихъ доб-

лестный генераль Мищенко со своими конными батареями.

Особенно отличился за послѣднее время взводъ конной батареи въ бою подъ Сахотаномъ.

Наши потери въ отрядѣ генерала Мищенко не превышаютъ 50 человѣкъ, у японцевъ убито 600 человѣкъ.

И потери японцевъ почти всегда можно исчислять въ такой пропорціи сравнительно съ нашими.

По словамъ знатока въ военномъ дѣлѣ, въ настоящее время окончился первый, такъ сказать подготовительный періодъ войны, періодъ нашихъ тактическихъ отступленій и, надо сознаться, нѣкоторыхъ неудачъ.

Послѣ окончанія дождей начнется второй періодъ—періодъ наступленія.

А пока—антрактъ.

Упомянувъ о генералѣ Мищенко, нельзя не отмѣтить того общаго о немъ среди офицеровъ мнѣнія, какъ объ одномъ изъ выдающихся стратеговъ нашего времени.

— Онъ до точности изучилъ японцевъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—онъ безошибочно впередъ указываетъ мѣста, которыя они займутъ на позиціи, а также и тѣ мѣста, на которыя они отойдутъ послѣ боя. И все предсказанное генераломъ исполняется какъ по писанному.

Съ большимъ и вполне искреннимъ уваженіемъ отзываются также о генералѣ графѣ Келлерѣ.

Во главѣ этихъ и другихъ, выдѣлившихся въ настоящую войну вождей, конечно, стоитъ командующій арміей, А. Н. Куропаткинъ, котораго армія,

какъ одинъ человѣкъ, любить и въ котораго вѣрять.

Это послѣднее чувство даетъ большой импульсъ къ бодрому перенесенію невзгодъ военнаго времени и къ увѣренному свѣтлому взгляду въ будущее.

— Мы ведемъ очень трудную войну,—сказало мнѣ лицо, близко стоящее къ высшимъ военнымъ сферамъ.

— Почему вы считаете ее очень трудной?

— Главнымъ образомъ потому, что намъ приходится вести ее на территории съ населеніемъ въ большинствѣ не такимъ, на которое мы могли бы положиться. Кто поручится, что среди шатающихся по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, на станціяхъ китайцевъ, нѣтъ готовыхъ продать насъ японцамъ. Никто! Большинство китайцевъ подъ нашу руку совершаютъ грабежи и этимъ возбуждаютъ противъ насъ мирное населеніе. Для примѣра вотъ случай, о которомъ мнѣ рассказалъ только что пріѣхавшій изъ передового отряда офицеръ.

— Пришли мы,—говорилъ онъ мнѣ,—въ одну деревню, стали искать по обыкновенію спрятанные запасы; знаемъ, что китайцы зарываютъ ихъ въ земляной полъ своихъ фанзъ. Вошли въ одну изъ нихъ. Казаки стали щупать ногами полъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полъ оказался рыхлымъ. Стали рыть и нашли нѣсколько ящиковъ съ женской, богато вышитой одеждой, а также и зерновой хлѣбъ. Хлѣбъ взяли, а остальные ящики, конечно, оставили, не тронувъ ничего. Позвали

стариковъ, сторожившихъ оставленную жителями деревню, заплатили щедро за хлѣбъ и ушли. Случайно черезъ нѣсколько часовъ намъ пришлось вернуться въ ту же деревню; поглядѣли—ящико́въ и слѣдъ простылъ. Ясно, что стащили тѣ же старики-китайцы, обыкновенно самые отчаянные, оставленные сторожить деревню, а хозяевамъ скажутъ, что ограбили русскіе. И имъ повѣрятъ. Такимъ способомъ растеть непріязненное къ намъ чувство, подогреваемое еще рассказами японцевъ.

А японцы клеветать мастера.

Они, впрочемъ, считаютъ на войнѣ всѣ средства позволительными.

Взять бы хоть фальшивые русскіе кредитные билеты.

На улицахъ Ляояна, для предупрежденія населенія, выставлены въ рамкахъ за стекломъ фальшивые рубли, которые японцы еще передъ войной съ Россіей выпустили въ большомъ количествѣ въ Манджуріи.

Кредитные рубли, надо отдать справедливость, поддѣланы очень тщательно.

Они гуляютъ по Манджуріи и я не поручусь, что и у меня въ бумажникѣ нѣтъ рубля японскаго производства.

XVIII.

Японскіе планы.

Японцы отступаютъ.

Отступление ихъ идетъ медленно, видимо систематически.

Нашей развѣдкой установлено, что 19 іюня на южномъ фронтѣ нашей арміи японцы отошли на линію Хаофанъ-Бацзяцзы-Вафангоу, селеніе, находящееся въ 44 верстахъ на сѣверовостокъ отъ Сеньючена.

20 іюня, въ 3 часа дня произошелъ бой между коннымъ отрядомъ генерала Самсонова, двинувшагося изъ Сямадзы къ Баосидзаю, и передовыми отрядами японцевъ.

Встрѣча произошла къ сѣверозападу отъ Дуншхецзы.

Грозную картину представляла наша конная батарея, въѣхавшая галопомъ, въ идеальномъ смотровомъ порядкѣ, на позицію у Баосичжая.

Въѣздъ батареи прикрывали спѣшенные драгуны и пограничники подъ огнемъ непріятельскихъ пулеметовъ, т. е. прямо подъ свинцовымъ дождемъ.

Но вотъ зарокотали наши орудія, и японцы быстро отчистили свои позиціи и въ безпорядкѣ, почти въ бѣгствѣ отступили къ Сеньючену.

Генераль Самсоновъ приказалъ преслѣдовать противника, что наша доблестная конница и исполнила на протяженіи шести верстъ до позиціи, оказавшейся сильно укрѣпленной.

Эта позиція находится на сѣверъ отъ Сеньючена.

Въ другихъ пунктахъ расположенія нашихъ и японскихъ войскъ происходили за это время незначительныя стычки, причемъ наши потери сравнительно съ потерями противника ничтожны.

Любопытно, что потери японцевъ даже въ не-

значительныхъ стычкахъ почти вдвое, а иногда и болѣе превышаютъ наши потери.

Тройная развѣдка, сдѣланная нами по направленію на Далинскій переваль, а именно на Тоначау, Сяокушанъ и Ленафанъ дала хорошій результатъ.

Оказалось, что японцы подъ огнемъ охотничьей команды 5 стрѣлковой дивизіи отступили съ довольно значительными потерями.

Кромѣ того охотники обнаружили съ высоты Танваншина, что Далинскій переваль противникомъ укрѣпляется.

Но это было 20 іюня.

Въ настоящее-же время, какъ слышно, японцы отступили отъ этого перевала, не окончивъ работу по укрѣпленію.

Медлительность дѣйствій врага указываетъ на сознаваемую имъ его слабость, не смотря на тѣ успѣхи, увеличенные призою національнаго самолюбія, о которыхъ кричатъ на всѣ лады японскія американскія и англійскія газеты.

Высшія военныя сѣры высказываютъ мнѣніе, что они могли бы повести кампанію болѣе умѣло и успѣшно, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, привычкой къ гористой мѣстности и знаніемъ условій мѣстнаго быта, но теперь время ими упущено, наши силы увеличиваются съ каждымъ днемъ и положеніе ихъ далеко не изъ завидныхъ.

Съ фронта передъ ними стоитъ огромная русская армія, съ тыла, въ Корей и по Ялу ихъ должны очень и очень озабочивать наши доволь-

но крупныя развѣзды и самое настроеніе корейскаго населенія.

Желаніе японцевъ во что-бы то ни стало взять Портъ-Артуръ становится тоже все менѣе и менѣе осуществимымъ.

Собственно говоря, они очень хорошо сознаютъ сами, что со взятіемъ Портъ-Артура ихъ положеніе не измѣнится къ лучшему, но спятъ и видятъ получить это, такъ сказать, чисто нравственное удовлетвореніе.

Это будетъ дѣйствительно побѣда, не чета бывшимъ до сихъ поръ или, лучше сказать, названнымъ таковыми.

Поэтому они и не щадятъ ни снарядовъ, ни людей, грома неприступныя твердыни этой лучшей въ мірѣ крѣпости и взводя вокругъ нея цѣлыя валы изъ мертвыхъ тѣлъ.

Но побѣда эта имъ не дается.

Это общее мнѣніе.

Слухъ о томъ, что японцы идутъ на Ляоянь, распространившійся по городу и упорно державшійся въ немъ нѣсколько дней, оказалось, имѣлъ свои основанія.

Японскій генералъ Куроки, поддаваясь давленію изъ Токио, былъ дѣйствительно намѣренъ идти на этотъ „городъ бога войны“ но въ концѣ концовъ на это не рѣшился.

А быть можетъ его остановило сильное разлитіе рѣки Тайцзыхе, на которой стоитъ Ляоянь.

Словомъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, но походъ, на Ляоянь отложенъ, и въ этомъ слу-

чаѣ даже нельзя сказать словами русской пословицы: „что отложено, то не потеряно“.

Потеряно время, упущенъ случай, и ляоянцы могутъ быть покойны.

Болото нѣсколько просыхаетъ.

Два дня стоять невыносимыя жары

Старожилы, впрочемъ, говорятъ, что онѣ еще увеличатся.

Интересно полученное въ отрядѣ генерала Мищенко письмо офицера, попавшаго въ плѣнъ японцамъ.

Этотъ офицеръ, штабсъ-капитанъ Святополкъ-Мирскій, прикомандированный къ 1 читинскому казачьему полку, раненый въ кисть лѣвой руки во время японскихъ событій, былъ посланъ генераломъ Мищенко, дѣйствующимъ въ такъ называемомъ, восточномъ отрядѣ, на развѣдки въ тылъ непріятеля съ однимъ казакомъ.

Блестяще исполняя свою миссію и искусно лавируя среди японцевъ, сторожевое охраненіе которыхъ устроено по послѣднему слову военной науки, въ шахматномъ порядкѣ, онъ все-же не избѣгъ плѣна, былъ окруженъ и принужденъ сдаться.

Его привезли къ генералу Куроки, главная квартира котораго была въ Фынхуанченѣ.

Японскій генераль по длинной бородѣ Святополкъ-Мирскаго принялъ его, видимо, за „большого капитана“, пригласилъ его къ себѣ и сталъ спрашивать, начавъ, по восточному обыкновеннію издалека, стараясь сказать побольше словъ и по-

меньше дѣла, но при этомъ выпытать у собесѣдника все, что ему надо.

Но Святополкъ-Мирскій, по его словамъ, былъ на сторожѣ, и генералу Куроки не много пришлось услышать отъ него правды.

Онъ передаетъ въ письмѣ все, что сказалъ ему японскій командующій арміей, но и въ этихъ японскихъ откровеностяхъ, думается намъ, не надо искать истины.

— Напрасно русскіе думаютъ,—сказалъ Куроки,—что мы намѣрены идти впередъ, мы возьмемъ Портъ-Артуръ, Инкоу, укрѣпимъ ихъ, и тогда пусть они приходятъ сюда. Если Плевна имъ стоила ста тысячъ жизней, то оба эти пункта будутъ стоить въ пять разъ болѣе...

Съ Святополкъ-Мирскимъ, по его словамъ, обращаются хорошо, но съ плѣнными нижними чинами очень дурно.

Ему очень скучно, и онъ проситъ, нельзя-ли его вымѣнять.

Изъ письма, въ которомъ русскій офицеръ подробно останавливается на военно-техническихъ подробностяхъ, видно, что въ распоряженіи генерала Куроки было въ то время 29 полковъ.

Въ томъ-же отрядѣ генерала Мищенко и въ томъ-же 1 читинскомъ казачьемъ полку несетъ развѣдочную службу кузень сербскаго короля Арсеній Карагеоргіевичъ.

Онъ, видѣвшій на своемъ вѣку много европейскихъ армій, участвовавшій во многихъ сраженіяхъ, подтверждаетъ тщательность японскихъ сторожевыхъ охраненій и ихъ почти непроходимость.

Сегодня въ Ляоянѣ привезли первый транспортъ раненыхъ подъ Хаяномъ, и много плѣнныхъ японцевъ, среди которыхъ есть и офицеры.

Самомнѣніе и дерзость послѣднихъ не имѣютъ границъ.

Они заявляютъ, что намѣрены отбросить русскихъ за Байкаль, такъ какъ это по ихъ мнѣнію, единственная допустимая граница Россіи въ Азіи, и то лишь въ силу того, что русскіе уже 300 лѣтъ владѣютъ Сибирью.

Японцы, такимъ образомъ, снисходительно оставляютъ ее за Россіей.

„Азія для азіатовъ“—вотъ ихъ девизъ, и имъ, по ихъ словамъ, опредѣляется идея настоящей войны.

Бой подъ Хаяномъ, гдѣ наши войска выказали выдающееся мужество и храбрость и потеряли до 300 человекъ ранеными и убитыми, окончился однако отступленіемъ отъ Хаяна, который и занять японцами.

Какъ говорятъ, это сдѣлано по стратегическимъ соображеніямъ, входящимъ въ общій планъ командующаго арміей.

Изъ Хаяна, отстоящаго отъ Ляояна на разстояніи 58 верстъ, японцы двигаются на Ляоянъ.

Здѣсь однако пока все спокойно, не смотря на то, что Ляоянъ, такъ сказать центръ китайской вражды къ Россіи.

Во время китайскихъ беспорядковъ онъ былъ очагомъ возстанія, здѣсь былъ казненъ инженеръ Верховскій, голова котораго долго висѣла въ клѣткѣ у западныхъ воротъ, какъ разъ напротивъ ко-

торыхъ находится кумирня, въ которой помѣщается редакція „Вѣстникъ Манджурской Арміи“, и гдѣ въ фанзахъ, въ которыхъ жили когда-то китайскіе бонзы, живемъ и мы.

Здѣсь по улицамъ были развѣшены клѣтки съ головами другихъ казненныхъ русскихъ людей и много ихъ въ ожиданіи казни томилось въ висячихъ тюрьмахъ клѣткахъ, гдѣ не было возможности ни стать, ни лечь.

Теперь вмѣсто русской крови ляоянскіе китайцы довольствуются русскими деньгами, но опытные люди утверждаютъ, что и до сихъ поръ Ляоянь—мѣсто тайныхъ заговоровъ противъ европейцевъ, и при первомъ удобномъ случаѣ ненависть китайцевъ къ русскимъ, замаскированная теперь кажущейся покорностью, вспыхнетъ.

Эти, такіе на видъ добродушные „китайозы“ въ душѣ „дикіе звѣри“, довольно изобрѣтательные въ казняхъ.

Вотъ, между прочимъ, одна изъ такихъ адскихъ казней.

На тѣлѣ казнимаго дѣлаютъ глубокіе, но не смертельные надрѣзы и кладутъ его на солнце, которое здѣсь заставляетъ подниматься термометръ до 50° до Цельзію.

На первый взглядъ эта казнь непонятна, а между тѣмъ, она ужасна.

Подъ горячими лучами маджурскаго солнца въ ранахъ заводятся черви, которые и съѣдаютъ человѣка за живо.

За эти дни, кромѣ небольшихъ стычекъ съ непріятельскими заставами и разъѣздами, произош-

ло сравнительно крупное дѣло въ восточномъ отрядѣ графа Келлера.

Послѣднимъ была назначена въ ночь на 21 юня усиленная развѣдка на Тхавуанъ, Чиндяпузу, Лидяпузу и Кимирлю на перевалѣ Соя-каолинъ.

Въ развѣдкѣ приняли участіе 6 ротъ 24 полка и 4 роты 10 полка подъ начальствомъ полковника Лечицкаго.

Полковникъ Гарницкій съ 3 ротами 22 полка долженъ былъ произвести демонстрацію на Макумензы и обезпечивать отступленіе Лечицкаго по выясненіи силъ противника.

Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ дѣлѣ одинъ изъ участниковъ въ немъ, поплатившійся легкой контузіей.

Была темная, непроглядная, манджурская ночь.

Въ четверть второго обѣ колонны двинулись въ путь.

Съ небольшимъ черезъ часъ на перекресткѣ дорогъ на Санкайлинъ и Лахолинъ колонна подполковника Гарницкаго наткнулась на непріятельскую заставу силою въ одну роту, сбила ее, частью отбросила, частью переколола.

Колона же полковника Лечицкаго одновременно этимъ выбила передовые японскіе посты и подошла къ подошвѣ соякалинскаго перевала.

Японцы, по обыкновенію, открыли убійственный огонь пачками.

Наши не отвѣчали на выстрѣлы, но твердо подъ огнемъ шли далѣе.

Было еще темно, и вся картина освѣщалась

лишь грозными вспышками неприятельскихъ выстрѣловъ.

Передовыя части нашихъ войскъ бросились въ штыки и началась молодецкая работа.

Японцы не выдержали „молодца-штыка“ и были быстро выбиты изъ окоповъ.

Наши заняли переваль.

Задача была исполнена.

Японцы густыми массами стали наступать на насъ съ фронта и съ фланговъ и полковникъ Лечицкій, контуженный въ происшедшемъ бою, сталъ отходить согласно первоначально составленному плану.

Колона его, подъ убійственнымъ огнемъ неприятеля, стрѣлявшаго съ окружающихъ сопокъ и сосѣдняго перевала, отошла въ образцовомъ порядкѣ.

Полковникъ Лечицкій въ этомъ дѣлѣ проявилъ необычайное хладнокровіе и огромное мужество, все время оставаясь въ цѣпи и умѣло руководя отступленіемъ.

Около него были капитанъ Серебряковъ и поручикъ Григорьевъ, его начальникъ штаба и адъютантъ.

Подполковникъ Гарницкій также блестяще выполнилъ возложенную на него задачу.

Священники и врачи и въ этомъ дѣлѣ были на высотѣ своихъ задачъ.

Священникъ 10 полка о. Ремезовъ, кромѣ напутствія умирающихъ на полѣ сраженія и утѣшенія раненыхъ самъ лично помогаль уносить раненыхъ на перевязочныя пункты.

Одинъ изъ раненыхъ—къ сожалѣнiю, имя этого героя неизвѣстно—не позволилъ нести себя.

— Я чувствуя, что умираю... Несите другихъ которыхъ можно спасти... Оставьте меня...

Священникъ и товарищи исполнили его просьбу. Ему было дано послѣднее напутствiе.

Онъ дѣйствительно вскорѣ умеръ, раненый въ грудь на вылетъ, умеръ съ послѣдней заботой о своихъ товарищахъ.

Врачи перевязывали раненыхъ на поляхъ битвы и тоже помогали уносить ихъ.

Всѣ раненые подобраны.

И все это дѣлалось подъ свинцовымъ дождемъ японскихъ пуль.

Раненыхъ и убитыхъ нижнихъ чиновъ было до 200 человекъ.

Убитыхъ офицеровъ ни одного.

Всѣ легко раненые, какъ это вошло въ обычай въ нынѣшнюю войну, послѣ перевязки остаются въ строю.

Иныхъ раненыхъ болѣе или менѣе серьезно начальство убѣждаетъ идти въ госпиталь.

— Ослобоните, ваше благородiе...

— Но тебѣ надо залечить рану...

— Заживетъ и такъ, ваше благородiе

— Какъ знаешь, братецъ но мой совѣтъ идти въ госпиталь.

— Ослобоните, ваше благородiе, дозвольте къ товарищамъ, такъ что я противъ него еще постоять могу...

Храбраго упряма, конечно, „ослобоняють“ и разрѣшаютъ „постоять противъ него“.

Обрадованный солдатикъ, забывъ про боль отъ раны, спѣшитъ въ часть къ товарищамъ.

Генераль графъ Келлеръ со своимъ штабомъ наблюдалъ бой съ Тхавуанской бапни.

Въ японскихъ войскахъ давно уже свирѣпствуетуеъ дизентерія, унося массу жертвъ, а по послѣднимъ свѣдѣнїямъ въ окрестностяхъ Фынхуан-чена развивается сильная холера.

Санитарное состоянїе нашихъ войскъ превосходно.

Пища здорова и сытна.

Офицеры и солдаты съ особенной похвалой отзываються о русскихъ консервахъ — солдаты зовутъ ихъ „концертами“.

Они далеко превосходятъ качествомъ, свѣжестью и питательностью консервы англійскаго производства, закупленные, къ сожалѣнїю, въ огромной массѣ.

Много говорятъ также о новомъ изобрѣтенїи доктора М. М. Власевича, изготовляющаго такъ называемое „карманное мясо“.

Опыты дали блестящїе результаты.

XIX.

Японская тактика.

Всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей роздана только что отпечатанная брошюрка, знакомящая ихъ съ главными основами японской тактики, на сколько они выяснились за время настоящей войны.

Эта тактика дѣйствительно заслуживаетъ не только вниманія, но и тщательнаго изученія.

Въ данную же минуту она представляетъ высокій интересъ не только для военныхъ сферъ, но и для всѣхъ русскихъ, вообще, такъ какъ можетъ бросить извѣстный свѣтъ на совершающіяся на театрѣ войны событія.

Какъ извѣстно, военная тактика, предусматриваетъ всѣ явленія боевой жизни, начиная съ похода и кончая охраненіемъ тыла арміи.

Въ походѣ японцы избѣгаютъ идти ложбинками, а предпочитаютъ горныя тропинки, при чемъ горы служатъ имъ при этомъ надежнымъ прикрытіемъ.

Идутъ они медленно, что объясняется непривычкой ихъ ходить обутыми, причемъ часто сапоги замѣняютъ соломенными сандалями.

На бивакѣ они принимаютъ особенно строгія мѣры охраненія, разставляя сторожевые посты въ шахматномъ порядкѣ.

Къ нимъ нельзя примѣнять пословицы „à la guerre comme à la guerre“, такъ какъ на бивакѣ у нихъ полный комфортъ, прекрасныя палатки, плетенныя стулья, кресла, походныя кровати—все это, конечно, для офицеровъ.

Для начальствующихъ лицъ отводятся китайскія фанзы, которыя быстро оклеиваются обоями и т. д.

Солдатамъ тоже предоставлены всевозможныя въ походѣ удобства.

Все это имъ позволяетъ дѣлать огромный обозъ, тянущійся за арміей и состоящій изъ вьючныхъ муловъ и кули—корейцевъ и китайцевъ—и мно-

жество женщинъ, среди которыхъ преобладаютъ китайки.

Японскій солдатъ въ походѣ на легкѣ, въ рукахъ его винтовка, на немъ лишь сумка съ патронами, фляга съ водою и порція прессованнаго риса; у каждаго есть карта.

Все остальное въ обозѣ.

Рекогносцировки совершаются смѣшанными отрядами.

За нѣсколькими конными японцами идетъ столько же пѣхотинцевъ и когда передніе пускаютъ лошадей рысью, пѣхотинцы бѣгутъ за ними.

Выбравъ позиціи, японцы дѣйствуютъ съ большею осторожностью.

Впереди ихъ идутъ китайцы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ несутъ и шпионскую службу.

Имъ платятъ большія деньги, но за каждое недонесеніе или ложное донесеніе мгновенно переселяютъ въ тотъ міръ, гдѣ „нѣтъ ни печали, ни воздыханія“.

Китайцы, въ совершенствѣ знающіе мѣстность, обшариваютъ всѣ кустики и, не найдя непріятеля, доносятъ объ этомъ.

Послѣ этого идутъ передовые разъѣзды, а затѣмъ движется первая линія войска.

Солдаты, придя на позицію, тотчасъ ложатся и начинаютъ окапываться, и только тогда подходитъ вся часть.

Я уже писалъ, какъ тщательно устраиваютъ японцы свои позиціи и какъ декоративно, изящно выглядятъ они.

Сигнализациа у нихъ доведена до совершенства.

Говорятъ, что посредствомъ костровъ.

На сопкахъ вырываются двѣ—три ямы, обкладываются камнями и въ нихъ кладется гаоляновая солома, которая держитъ жаръ сильнѣе каменнаго угля.

Въ случаѣ надобности, солома поджигается и даетъ густой дымъ.

Условленное число этихъ дымовыхъ столбовъ и служить сигналомъ.

Орудуетъ этими сигналами обыкновенно китаецъ, который живетъ на сопкѣ и получаетъ за это жалованіе три рубля въ мѣсяцъ, а для самозащиты—револьверъ-винтовку системы Маузера.

Для насъ онъ является мирнымъ китайцемъ, личность и жизнь котораго неприкосновенна.

Неприкосновенны и китайцы, бродящіе по сопкамъ и дорогамъ, около рельсоваго пути, но ни за одного изъ нихъ нельзя поручиться, что бы онъ не былъ подкупленнымъ японскимъ шпиономъ.

Въ бою японцы держатся германской тактики, т. е. ударяютъ центромъ и стараются охватить флангами.

Это, именно, тѣ обходы, одинъ изъ которыхъ въ битвѣ при Вафангоу рѣшилъ дѣло нѣсколько иначе, нежели оно могло окончиться.

Слѣдуя неуклонно правилу, что въ современныхъ войнахъ, рѣшающую роль играетъ артиллерія, японцы, главнымъ образомъ, дѣйствуютъ артиллерійскимъ огнемъ и пулеметами, которые у нихъ есть при каждой ротѣ, и ружейнымъ огнемъ на разстояніи.

Такимъ образомъ они предпочитаютъ „пулю-

дуру“, которую однако у нихъ нельзя назвать такою, такъ какъ тщательно при походѣ изучая мѣстность, они мельчайшія ея подробности наносятъ на планъ, и эти планы служатъ имъ для измѣренія высоты прицѣла, особенно передъ тѣми позиціями, которыя они раньше посѣтили и отошли отъ нихъ.

Стрѣляютъ они очень мѣтко.

Штыкъ-молодецъ въ рукахъ нашихъ солдатиковъ остается молодцомъ, но японцы рѣдко допускаютъ противника до штыковой работы, хорошо понимая, что противъ нея они безсильны.

Такъ подъ Тюренченомъ, когда наши бросились въ штыки, японцы разступились какъ Чермное море передъ евреями, а резервы встрѣтили нашихъ храбрецовъ убійственнымъ огнемъ.

Тамъ, гдѣ работаетъ русскій штыкъ, для японцевъ нѣтъ спасенія!

Это еще разъ доказало послѣднее дѣло подъ Хояномъ.

Резервы у японцевъ имѣются всегда въ достаточномъ количествѣ и тылъ арміи тщательно обезпеченъ.

Прибавьте ко всему этому азіатскую хитрость, наблюдательность и предусмотрительность до ничтожныхъ мелочей, которыя часто во время войны играютъ крупную роль, и вы должны будете признаться, что Россія имѣетъ въ японцахъ недюжинныхъ и достойныхъ ея противниковъ.

Это общее мнѣніе военныхъ корифеевъ.

Объ отношеніяхъ японцевъ къ китайцамъ я уже упоминалъ.

Замѣчу лишь, что они не грабятъ ихъ фанзъ, не трогаютъ ихъ хозяйства и полей, но за извѣстную плату и подъ угрозой смерти за ослушаніе, китайцы обязаны доставлять имъ все, начиная съ провіанта и кончая потребнымъ количествомъ „кули“ и женщинъ.

И китайцы охотно исполняютъ это, несмотря на то, что дорого японцы платятъ только шпионамъ, а въ общемъ весьма часто случается, расплачиваются квитанціями за счетъ будущей „русской контрибуціи“ (!!?).

Довольно призрачная плата.

Но китаецъ прежде всего и даже, если хотите, охотнѣе всего подчиняется силѣ.

Онъ прирожденный рабъ, быть можетъ, въ силу своего государственнаго устройства.

Жажда наживы, тоже всосавшаяся ему въ плоть и кровь, заставляетъ его проявлять только кажущееся подчиненіе, а добродушное, ласковое отношеніе дѣлаетъ его наглымъ.

И то, и другое явилось результатомъ щедрости и добродушія русскихъ людей.

Сколько бы русскій ни далъ китайцу за услугу или за продаваемый товаръ, онъ услышитъ не премѣнно.

— Мало, мало...

Наглость китайцевъ относительно русскихъ здѣсь можетъ быть иллюстрирована на каждомъ шагу.

Ни одинъ самый оборванный и грязный китаецъ, попадающійся вамъ на встрѣчу на улицѣ, не посторонится и не дастъ вамъ дороги, если

вы не поднимите палки или не сдѣлаете угрожающаго жеста.

Не далѣе, какъ надняхъ въ Ляоянѣ, я сижу у себя въ фанзѣ и пишу.

Дверь открыта для воздуха.

Вдругъ въ нее влѣзаетъ оборванный полуголый китаецъ, смотритъ на меня съ наглою улыбкой и, держа въ одной рукѣ папиросу, другую протягиваетъ ко мнѣ.

— Ичку...—грубымъ тономъ говорить онъ.

— Что такое—не понимаю я.

— Ичку...—повторяетъ китаецъ и жестомъ указываетъ на свою папиросу.

Я понялъ тогда, что онъ явился ко мнѣ за спичкой, схватилъ лежащій на моемъ столѣ хлысть и замахнулся.

Китаецъ преобразился, какъ то особенно почтительно пригнулся и быстро исчезъ.

Я посвящаю эти строки „китаефиламъ“

На южномъ фронтѣ нашей арміи съ 21 до 26 іюня произошли слѣдующія военныя дѣйствія.

Къ востоку отъ рѣки Ляохе всѣ перевалы заняты противникомъ, главныя силы котораго сосредоточены у Фандяпуцзы.

Такъ показываютъ лазутчики.

Генераль Ренненкампфъ 21 іюня выступилъ съ 3 сотнями изъ Сяосыра къ Саймацзы въ тылъ противника.

Передовыя части послѣдняго были оттѣснены и къ полудню, 22 іюня, нашъ отрядъ занялъ переваль Сычоулинъ.

Послѣ полудня противникъ получилъ подкрѣ-

пление и перешелъ въ наступленіе, что заставило нашъ отрядъ отойти на сѣверъ отъ перевала.

У насъ 3 казака ранены и одинъ убитъ.

Японцы оставили въ нашихъ рукахъ много труповъ убитыхъ японцевъ и одного плѣннаго.

Генераль Ренненкампфъ отошелъ къ Сяосыру. Таково, какъ мнѣ удалось узнать изъ официальныхъ источниковъ, положеніе въ настоящее время театра военныхъ дѣйствій.

Близость японцевъ къ Ляояну нельзя сказать, чтобы не продолжала тревожить ея русскаго населенія, хотя тревога эта, говорятъ, напрасна.

Нахожденіе командующаго арміей въ Дашичао доказываетъ неосновательность все еще идущихъ здѣсь толковъ о возможности занятія японцами Ляояна.

А впрочемъ, кто знаетъ?

Это, во всякомъ случаѣ, было бы печально, если не съ военностатистической, то съ эгоистической точки зрѣнія.

Здѣсь всѣ имѣютъ свое *ried-à-terre*, да Ляоянъ все-же считается самымъ чистымъ городомъ въ Манджуріи.

Эта репутація не мѣшаетъ ему быть все-таки очень грязнымъ и полнымъ всякой нечисти.

Въ китайскихъ фанзахъ, гдѣ волей неволей приходится жить, множество всевозможныхъ насѣкомыхъ и гадовъ: тарантулы, скалопендры и т. п.

Моя лѣвая рука, не смотря на всѣ принятія мною предосторожности, вся искусана.

Небезопасно, въ этомъ смыслѣ, и внѣ фанзъ.

Не далѣе, какъ вчера, со мной и извѣстнымъ

героемъ китайской войны 1900 года и военнымъ писателемъ Ю. Л. Ельцомъ произошелъ слѣдующій, чуть не окончившійся печально для одного изъ насъ случай.

Мы въ третьемъ часу дня вошли въ Ляоянскій садъ, гдѣ кормятъ скверными, но все же лучшими здѣсь обѣдами.

При входѣ въ садъ растетъ цѣлый рядъ густыхъ кустовъ.

Изъ подъ одного-то изъ нихъ совершенно неожиданно для насъ поднялась большая, почти двухаршинная змѣя, блестящая на солнцѣ яркой зеленовато-сѣрой чешуей и съ высунутымъ жаломъ бросилась въ нашу сторону.

Все это было дѣло секунды, но Ю. Л. Елецъ не растерялся и, быстро выхвативъ пашку, ментально отрубилъ голову ядовитой гадинѣ, а затѣмъ разрубилъ пополамъ и ея извивавшееся тѣло.

Такимъ образомъ онъ спасъ жизнь, мою или свою, неизвѣстно, такъ какъ укусъ этой породы китайскихъ змѣй, по отзывамъ китайцевъ, считается смертельнымъ.

Признаюсь, я пережилъ скверную минуту, гораздо худшую чѣмъ на передовыхъ позиціяхъ, куда и думаю снова выѣхать.

Въ военно-хозяйственныхъ сферахъ заспѣшили съ вопросомъ о „карманномъ мясѣ“ д-ра Власевича.

Объ этомъ мясѣ я уже писалъ.

Какъ слышно, онъ вскорѣ приступитъ къ его заготовкѣ въ большихъ размѣрахъ.

Въ настоящее время солдатъ несетъ на себѣ запасъ сухарей на нѣсколько дней.

Каждый пойметъ, что сухари могутъ утолить голодь въ случаѣ лишь крайности, но если питаться исключительно ими въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, то нетрудно, съ одной стороны, нажить катарръ желудка, и затѣмъ подорвать общее питаніе, а отсюда одинъ шагъ до тифовъ и всякихъ другихъ заразныхъ заболѣваній.

Въ виду этого обстоятельства весьма желательно снабдить его на болѣе продолжительный срокъ здоровой и питательной пищей.

Разъ есть возможность снабдить его мясомъ, то во избѣжаніе перегрузки, можно ему уменьшить количество полагающихся сухарей.

Въ высшихъ военныхъ сферахъ до сихъ поръ господствуетъ увѣренность, что японцы сумѣли сохранить свою операціонную линію въ Кореѣ, куда и отступятъ своевременно и откуда ихъ придется выбивать шагъ за шагомъ.

При такихъ обстоятельствахъ вопросъ о продовольствіи войскъ приобретаетъ дѣйствительно первенствующее значеніе.

XX.

Въ отрядѣ графа Келлера.

Великолѣпное впечатлѣніе выносится изъ поѣздокъ на передовыя позиціи въ наступившіе послѣ нѣсколькихъ дней ливня ясные дни.

Днемъ очень жарко, но вечера прохладны и положительно великолѣпны.

Но и ляоянская невыносимая жара умѣряется, когда вы выѣдете за городъ и углубитесь въ „сопки“.

Такъ называются по манджурски горы, хотя онѣ далеко не представляютъ изъ себя дѣйствительныхъ сопокъ, т. е. потухшихъ вулкановъ.

Ихъ вершины теперь дѣйствительно часто дыматся, но это, какъ я уже писалъ, дымъ сигналовъ, подаваемыхъ японцамъ услужливыми китайцами.

Среди горъ прелестныя долины, то и дѣло пересѣкаемыя свѣтлыми какъ кристалъ рѣчками, видимо ручейками и лишь отъ дождей сдѣлавшимися полноводными.

Воздухъ чистый и свѣжій.

Ѣдешь легкой рысцою и, увлекаясь окружающими тебя картинами природы, положительно забываешь, что на сопкѣ или при поворотѣ можетъ предъ тобой вырасти хунхузъ или японецъ и пустить въ тебя пулю.

Но, заподозрить читатель въ преувеличеніи, развѣ японцы такъ близко отъ Ляояна?

На это я могу отвѣтить категорически:

Да, близко, ихъ развѣзды встрѣчаются верстахъ въ двадцати отъ города.

Но не объ этомъ рѣчь.

Я только хотѣлъ этимъ сказать, что для штатскихъ путниковъ такой сюрпризъ, какъ встрѣча съ японцемъ или хунхузомъ, въ этихъ мѣстахъ возможна.

Отрядъ генерала графа Келлера расположенъ въ 50—60 верстахъ отъ Ляояна на востокъ.

Далѣе идутъ передовыя позиціи, находящіяся всего въ двухъ верстахъ отъ позицій японскихъ.

Въ бинокль ясно видно, какъ движутся ихъ маленькія и тоненькія фигурки, иныя, придерживая свои шашки или сабли, видимо офицеры—перебѣгаютъ изъ фанзы въ фанзу.

Японцы расположились въ китайской деревнѣ и растянулись по сопкамъ.

Наши тоже имѣютъ позицію на горахъ.

Спустился мракъ—здѣсь темнѣетъ быстро, довольно рано и какъ-то сразу.

Зажглись на бивакахъ костры.

И вдругъ послышалось стройное пѣніе.

Огромный колоссальный хоръ пѣлъ сперва „Святый Боже“, затѣмъ: „Спаси Господи, люди Твоя“ и потомъ „Отче нашъ“.

Это солдаты пѣли молитвы передъ сномъ.

Сосѣднія горы гулкимъ эхомъ повторяли это пѣніе и оно какъ бы широкой волной охватывало неизмѣримое пространство, достигая, конечно, до ушей японцевъ.

— Какое,—думаю я—впечатлѣніе производитъ оно на нихъ?..

— Никакого!—быть можетъ, скажутъ мнѣ.

Я не повѣрю этому.

Слишкомъ сильно, слишкомъ торжественно это пѣніе сотенъ грудей, чтобы не подчинить себѣ всякаго, кто имѣетъ уши, чтобы слышать.

Я былъ буквально растроганъ, и слезы какъ-то сами собою брызнули изъ моихъ глазъ.

Кульминаціонный пунктъ нервнаго раздраженія. Но была картина раннимъ утромъ, которая уже окончательно потрясла меня.

Два полка шли на передовыя позиціи.

Передъ отходомъ служили молебень и кропили святою водою.

И вотъ во время этого-то молебна вдругъ изъ тысячей грудей понеслось пѣніе: „Спаси, Господи, люди Твоя!“ и всѣ головы обнажились, точно фуражки съ двухъ полковъ были сорваны вѣтромъ.

Держа ружья наклоненными къ лѣвой рукѣ, солдаты молились.

А эхо горъ вторило этой молитвѣ и она, казалось, неслась въ вышину, къ небу.

И несомнѣнно донеслась, и солдаты съ ружьями на плечахъ стройными рядами двинулись въ походъ, освѣщенные лучами яркаго солнца, игравшими на остріяхъ штыковъ.

— Съ Богомъ, братцы!—неволью вырвалось у каждаго, наблюдавшаго эту поразительную по своему величію картину.

Въ отрядѣ генерала графа Келлера еще свѣжо впечатлѣніе дѣла 21-го мая подъ Хаяномъ.

Это было молодецкое дѣло.

Темною ночью отрядъ въ четыре тысячи человекъ подъ начальствомъ подполковниковъ Лечицкаго и Горскаго тихо пошелъ на передовой отрядъ противника.

Его замѣтили и открыли по немъ огонь, но наши солдатки продолжали идти подъ выстрѣлами

и наконецъ молча безъ криковъ „ура“—такъ было приказано—бросились въ штыки.

Двѣ роты японцевъ были уничтожены, до двухсотъ японцевъ взяты въ плѣнъ, лишь незначительная часть, считаемая единицами, спаслась бѣгствомъ подъ покровомъ ночи.

Но въ увлеченіи боя наши двигались все впередъ и впередъ, и къ разсвѣту очутились передъ цѣлою дивизіей непріятеля.

Пришлось отходить, но отходить ложиной, подъ убійственнымъ огнемъ съ горъ.

Не смотря на такое, болѣе чѣмъ критическое положеніе, наши батальоны отошли въ порядкѣ, имѣя, сравнительно съ ихъ положеніемъ, незначительныя потери.

Многіе довольно серьезно раненые остались въ строю.

Такъ одинъ офицеръ, получившій двѣ пулевыхъ раны въ лѣвую кисть руки, на вылетъ, самъ перевязалъ себѣ рану и не только остался при своей части, но и послѣ окончанія дѣла не пожелалъ идти на перевязку, что обыкновенно сопряжено все же съ нѣкоторымъ служебнымъ отличіемъ.

— Стоитъ ли изъ-за царапины!—говорилъ онъ и говорилъ безъ всякаго признака рисовки.

Его скромность, скромность героя, не позволяетъ мнѣ назвать его фамилію.

Я далъ ему въ этомъ слово.

По мнѣнію графа Келлера, бой подъ Хаяномъ имѣлъ огромное значеніе для выясненія способа борьбы съ противниковъ.

По предположенію генерала въ первыхъ числахъ іюля должно произойти рѣшительное сраженіе.

Высказывается мнѣніе, которое имѣетъ не мало сторонниковъ, что наши передовые, какъ южные, такъ и восточные отряды, имѣютъ дѣло не съ арміей Куроки и Оку, которые сосредоточены у Фынхуанчена и Портъ-Артура, а съ територіальной арміей—арміи же генерала Нотсу вовсе не существуетъ и онъ самъ утонулъ.

Послѣднее извѣстіе здѣсь циркулируетъ ужь давно.

Какъ подтвержденіе этого мнѣнія указывается на то, что японская армія, особенно состоящая противъ восточнаго отряда, вооружена совершенно иначе, чѣмъ главныя арміи японцевъ; вынимаемая у нашихъ раненыхъ пули оказываются не въ никелевой, а мѣдной оправѣ и большого калибра, нежели пули винтовокъ.

Раны отъ нихъ очень болѣзненны и большихъ размѣровъ.

Кромѣ того, какъ говорятъ констатировано нѣсколько случаевъ стрѣльбы пулями съ обрѣзанными конусами.

Такія пули, какъ извѣстно, разрываются и раны отъ нихъ въ большинствѣ случаевъ смертельны.

У убитыхъ и раненыхъ въ карманахъ находятъ пилюли краснаго цвѣта.

Иные увѣряютъ, что это средство отъ дезинтеріи, свирѣпствующей въ японскихъ войскахъ, а иные, что это родъ „доппинга“.

Интересно бы было произвести анализъ этихъ пилюль.

Въ Лаоянѣ въ баракахъ „Краснаго креста“ ле-
житъ раненый плѣнный японскій офицеръ.

Я пробовалъ его интервьюировать съ помощью
переводчика, но онъ упорно ничего не отвѣчалъ
на мои вопросы и только любезно улыбался.

По сообщенію его сосѣдей, онъ вообще гово-
ритъ мало и лишь разъ высказалъ свое желаніе
побывать въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Въ отрядѣ генерала Мищенко захвачена япон-
ская повозка съ тюками прокламацій, напечатан-
ныхъ по русски въ Токио и обращенныхъ къ на-
шимъ солдатамъ.

Въ нихъ японцы убѣждаютъ солдатъ сдаваться
въ плѣнъ и даже переходить на ихъ сторону,
обѣщая за это великія и богатыя милости.

Какъ наивность!

Жаль даже, что эти вздорныя бумажонки не
попали въ руки нашимъ солдатикамъ — они сѣумѣли
бы употребить ихъ на „цыгарки“ и на... другія
надобности.

XXI.

Математическая стрѣльба.

Въ долину рѣки Ляохе 24 іюня противъ отряда
генерала Ренненкампа, занимавшаго Сяосырѣ,
японцы пачали наступленіе незначительными си-
лами.

Генераль Ренненкампа остался въ Сяосырѣ для
производства развѣдокъ силъ и намѣреній про-
тивника.

24 іюня противъ отряда полковника Мадритова

2 роты и одинъ эскадронъ японцевъ заняли Цзяо-линъ.

Наши охотничьи команды отошли на 10 верстъ къ сѣверу.

29 іюня произошелъ ожесточенный бой въ горахъ близъ Дашичао.

Наши войска вели себя изумительно, многіе легко раненые офицеры и солдаты оставались въ строю даже послѣ вторичнаго пораженія.

Послѣ боя, продолжавшагося нѣсколько часовъ, японцы принуждены были отступить, потерявъ убитыми и ранеными, какъ говорятъ, до 8000 человекъ.

Мы тоже отошли къ Дашичао, откуда всѣ обозы уже отправлены въ Хайченъ, куда должны отойти наши войска и гдѣ ожидается рѣшительное сраженіе, если только японцы пойдутъ далѣе; пока они укрѣпляются у Гайчжоу.

Наши потери еще не приведены въ извѣстность, но тоже, какъ слышно, значительны, хотя, конечно, меньше японскихъ.

Позиціи у Хайчена, которыя мы займемъ, представляютъ изъ себя равнину.

Сопки и холмы оканчиваются у Дашичао.

Нашимъ доблестнымъ войскамъ, все получающимъ и получающимъ подкрѣпленія изъ Россіи, будетъ гдѣ разгуляться и показать врагу силу русскаго оружія.

Предстоитъ настоящее сраженіе, грудь съ грудью, а не „математическая война“, какъ остроумно назвалъ войну, которую съ нами ведутъ японцы, одинъ молодой генераль.

— Почему вы называете ее „математической“?— спросилъ я.

— Какъ, развѣ вы не знаете, что они какъ свои пять пальцевъ знаютъ мѣстность, раздѣляютъ ее на планѣ на квадраты, и жарятъ пулями и снарядами по прицѣлу на извѣстное разстояніе по этимъ квадратамъ. Математики, а не воины...

Дѣйствительно „математики“, по видимо начинается поворотъ и они скоро совершенно собьются въ своихъ счетахъ и расчетахъ.

Изъ устъ въ уста передается „крылатое слово“ командующаго арміей А. Н. Куропаткина.

Прочитавъ въ одной изъ иностранныхъ газетъ, что японцы, находя, что война затягивается, надѣются, что державы своимъ вмѣшательствомъ принудятъ Россію заключить съ ними, какъ съ побѣдителями, почетный миръ, замѣтилъ, улыбаясь:

— Странно, а по моему мнѣнію, война еще не начиналась...

Если вдуматься глубоко въ эти слова и сопоставить ихъ съ совершающимися событіями, то придется признать ихъ справедливость.

Мы до сихъ поръ, выражаясь языкомъ Суворова, „заманиваемъ“ японцевъ, и хотя бои подъ Тюренченомъ и Вафонгоу окончились для насъ значительными потерями, но ничего не измѣнили въ заранѣе опредѣленномъ планѣ компаніи, планѣ, гдѣ все происшедшее являлось лишь прелюдеіи войны, а сама „война“ должна начаться вскорѣ, но еще, дѣйствительно, не начиналась.

Пронесся слухъ о болѣе чѣмъ успѣшномъ отбитіи штурма японцевъ отъ Портъ-Артура.

Японцы повели штурмъ въ ночь на 28-е іюня, думая, что наши этого не ожидаютъ.

Но наши не дремали, подпустили ихъ къ линіи фугасовъ.

Послѣдніе стали взрываться одинъ за другимъ.

Въ это самое время у насъ зажглись полевые огни.

Стало свѣтло, какъ днемъ. Загремѣли орудія. Нашъ флотъ съ моря сталъ дѣйствовать перекиднымъ огнемъ, и японцы потерпѣли полное пораженіе, потерявъ 28000 ранеными и убитыми, т. е. болѣе трети осаждающей арміи.

Военные „авторитеты“, со многими изъ нихъ мнѣ удалось побесѣдовать, считаютъ эту неудачу японцевъ подъ Портъ-Артуромъ эпизодомъ, могущимъ имѣть вліяніе на весь ходъ компаніи.

— Если только это извѣстіе вѣрно—осторожно говорятъ они—то это пораженіе японцевъ несомнѣнно отразится на всемъ театрѣ войны, они начнутъ еще болѣе поспѣшно, бросивъ прикрывающія ихъ дѣйствія демонстраціи, стягиваться къ Фынхуанчену... Портъ-Артура имъ не видать, какъ своихъ ушей, а если они не съумѣютъ уйти во время въ Корею, то имъ придется скоро запросить пардону и война будетъ кончена не позднѣе сентября, октября мѣсяца...

Быть можетъ этотъ взглядъ нѣсколько оптимистиченъ, но вообще, несомнѣнно, что пораженіе подъ Портъ-Артуромъ можетъ во многомъ измѣнить характеръ настоящей войны.

Весь вопросъ въ томъ, не преувеличены-ли слухи о дѣлѣ 28 іюня.

Но они подтверждаются со всѣхъ сторонъ.

Передаютъ такія подробности, которыя по неволѣ уничтожаютъ сомнѣнія.

Приведу самый полный рассказъ о событіи, источникомъ котораго служатъ свѣдѣнія, полученные отъ русскаго консула въ Чифу.

Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ рассказчикъ.

— Въ ночь на 28 іюня японцы рѣшили взять штурмомъ Портъ-Артуръ. Солдатамъ выдана была усиленная порція „саки“ (японской водки) и „коки“ — возбуждающаго вещества и они двинулись, но въ темнотѣ попали въ волчьи ямы и въ сѣтки, устроенныя передъ укрѣпленіями, и въ линіи фугасовъ, которыя начали взрываться. Русскіе подпустили ихъ на довольно близкое разстояніе и вдругъ зажгли полевые огни и осыпали колонны японцевъ снарядами изъ ордій.

Японцы смѣшались и побѣжали. Генераль Фокъ преслѣдовалъ ихъ до станціи Наньгуанлинъ, у которой и занялъ позиціи.

Въ адской бойнѣ японцевъ легло болѣе 28,000, а нашихъ 1800 человекъ убитыми и ранеными.

Кстати о нашей артиллеріи.

Въ обществѣ и въ печати не разъ указывалось будто-бы на превосходство японской артиллеріи передъ нашей.

Оказывается, что это тоже далеко не справедливо.

Я имѣлъ по этому поводу бесѣду съ однимъ изъ офицеровъ восточнаго отряда графа Келлера.

— Я былъ на самыхъ передовыхъ позиціяхъ— сказалъ онъ мнѣ—и даже къ тылу у японцевъ и

наблюдалъ за дѣйствіями нашей артиллеріи. Могу сказать положительно, что она не только не уступаетъ японской, но и превосходитъ ее. Мѣткость нашихъ выстрѣловъ поразительна... По третьему прицѣлу снарядъ всегда попадаетъ. Но очень часто попаданіе совершаются по второму и первому... Японцы между тѣмъ, должны пристрѣляться, чтобы ихъ артиллерія дѣйствовала разрушительно... Вся бѣда въ томъ, что наша артиллерія постоянно занимаетъ одну и ту-же позицію, къ которой легко пристрѣляться, а между тѣмъ японская быстро переходитъ съ мѣста на мѣсто, да и снарядовъ японцы тратятъ массы, а у насъ въ этомъ случаѣ соблюдается разумная экономія.

— Вы говорите „разумная“.

— Непремѣнно, вѣдь большинство выпускаемыхъ японцами снарядовъ, не смотря на ихъ пресловутую „математическую“ стрѣльбу, тратятся непроизводительно. Тоже слѣдуетъ сказать и о ихъ ружейномъ огнѣ. Они не жалѣютъ патроновъ и во время похода осыпаютъ огнемъ каждую показавшуюся имъ подозрительной сопку, каждый кустикъ, стрѣляютъ залпами по одинокимъ всадникамъ и пѣшимъ, не говоря уже о разбѣздахъ въ два-три человѣка, которыхъ буквально засыпаютъ пулями. Надо быть безумцами или имѣть неистощимый запасъ патроновъ, чтобы дѣлать это.

Въ ляоянскомъ саду интересная встрѣча съ штабсъ-капитаномъ Россовымъ.

Это знаменитость.

Онъ прекрасно знаетъ китайскій и англійскій

языкъ, объѣхалъ и обошелъ весь Китай, былъ въ Японіи, гдѣ его застала война. Онъ сталъ выдавать себя за корреспондента датскихъ газетъ и успѣлъ въ концѣ концовъ благополучно вернуться въ ряды русскихъ войскъ.

Это очень скромный, почти застѣнчивый офицеръ, о себѣ не говоритъ ничего.

Какъ я ни старался навести разговоръ на его любопытныя приключенія, всѣ мои попытки оказались безрезультатными, какъ большинство японскихъ выстрѣловъ.

— Вы знаете, — сказалъ мнѣ познакомившій меня съ нимъ д-ръ Власевичъ, — его въ Японіи заставляли пѣть датскій гимнъ, и онъ пѣлъ...

Въ Ляоянѣ нѣсколько японскихъ плѣнныхъ.

Всѣ они рассказываютъ, что съ большимъ страхомъ ожидали своей участи послѣ того какъ попались въ плѣнъ.

— Почему же это?

— Намъ начальство объявило, что русскіе — жестокіе дикари, которые всѣхъ плѣнныхъ предають мучительной смерти, а потому намъ не совѣтовали отдаваться имъ живымъ въ плѣнъ, а предпочитать смерть.

— Ну, а теперь что вы объ этомъ думаете...

— Что дальше будетъ не знаемъ, а теперь намъ лучше не надо... — отвѣчаютъ, конечно, черезъ переводчика японцы.

По ихъ довольнымъ, улыбающимся лицамъ можно и безъ всякаго переводчика заключить, что „имъ лучше не надо“.

XXII.

Картинки боевой жизни.

Идутъ войска, тянутся обозы, скрипятъ китайскія арбы, слышатся окрики и русская тяжело-вѣсная брань, въ воздухѣ висятъ непріятные звуки крика муловъ и визгливой, рѣжущей ухо громкой рѣчи китайцевъ.

Тихо говорить они, кажется, не умѣютъ.

Вотъ та будничная картина военного времени, которая здѣсь бросается въ глаза повсюду, но съ особой рельефностью тамъ, гдѣ близокъ непріятель, а слѣдовательно особенно много сосредоточено войска.

Война, война!

Я три раза видѣлъ вблизи, на сколько это возможно и разрѣшается, картины боя, положимъ, незначительнаго, такъ какъ въ моментъ крупнаго дѣла при Вафангоу, сидѣлъ, волею судебъ, въ Мукденѣ, проводя „дни мукъ“ корреспондентскаго искусства, да и пріѣхалъ я туда въ ночь на 1 іюня, такъ что если бы „Мукденъ“ не оправдалъ бы даже своего русскаго названія „день мукъ“, то и тогда бы я едва-ли успѣлъ попасть 2-го іюня въ Вафангоу, а это былъ послѣдній день этого почти трехдневнаго боя.

Но возвратимся къ тому, чему свидѣтелемъ быть выпало мнѣ на долю при моихъ поѣздкахъ на передовыя позиціи.

Я уже описалъ вынесенное мною болѣе чѣмъ смутное и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко отвратитель-

ное впечатлѣніе современнаго боя, даже, если можно такъ выразиться, въ миниатюрѣ, ничуть не похожее ни на то представленіе, которое было въ моемъ умѣ, какъ штатскаго человѣка, и, вѣроятно, въ умѣ многихъ, ни на поэтическія описанія боя въ стихахъ и прозѣ, какія мнѣ приходилось читать.

Быть можетъ, впрочемъ, все что я видѣлъ были лишь, выражаясь военнымъ языкомъ, „развѣдочныя стычки“, которыя не могутъ дать настоящаго представленія о картинѣ боя.

Такъ говорятъ мнѣ офицеры, когда я поднимаю среди нихъ этотъ вопросъ.

— Но въ чемъ же разница?—допытываюсь я—только въ размѣрахъ?..

— Ну, конечно, настоящій рѣшительный бой ожесточеннѣе, такъ какъ участники его чувствуютъ, что имъ рѣшаются шансы кампаніи. Такого боя еще не было!.. А въ развѣдочныхъ схваткахъ главная забота о сохраненіи войска, и меньшихъ потеряхъ, а потому обѣ стороны сдерживаются...

— Но при этомъ, я самъ видѣлъ сотни убитыхъ, десятки раненыхъ...

— Это все пустяки...

— Какъ человѣческая жизнь—пустяки?

— Война...

И въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ никакого бравированія. Это дѣйствительно такъ.

— Война...

И поэтическій колоритъ этого слова исчезаетъ, оно появляется передъ вами во всей его отвратительной окровавленной наготѣ.

Такова дѣйствительность на театрѣ войны.

Если къ этому прибавить условія бивачной жизни, особенно въ настоящей войнѣ, невыносимыя жары, цѣлые дни ливней, то пыль густая, разѣдающая, то невылазная грязь и сырость, бездорожье и соединенныя съ нимъ лишенія въ пищѣ и въ питьѣ, то и получится та далеко не поэтическая „картина войны“, который я рѣшилъ посвятить эти строки.

— Ко мнѣ въ отрядѣ, милости просимъ—любезно встрѣчали меня начальники передовыхъ отрядовъ, но прежде всего позаботьтесь о томъ, гдѣ пріютиться, раздобудьтесь палаточкой, и кромѣ того запаситесь провіантомъ... При всемъ желаніи, и покормить васъ нечѣмъ... Вотъ чайку не прикажете ли... Это съ удовольствіемъ...

И пьемъ чай, стараясь меньше употреблять сахара, такъ какъ послѣдній тоже обыкновенно на исходѣ, съ солдатскимъ сухаремъ...

И какимъ онъ кажется вкуснымъ среди прекрасной природы, въ горной прохладѣ.

Хорошо, однако, понимаешь, что для тебя вкусна „новинка“, но пропитаться этимъ сухаремъ въ теченіи многихъ дней довольно трудно.

— Но почему же вамъ не подвозятъ продовольствія?

— Подвозятъ, жаловаться нельзя, но по немногу, въ виду размытыхъ ливнями, да и безъ того трудныхъ дорогъ въ горахъ для обозовъ... Привезутъ, все сейчасъ же и расхватаютъ, день, два пируемъ, а тамъ опять на пищу св. Антонія...— улыбаясь говоритъ мой собесѣдникъ.

И нигдѣ, ни въ одномъ отрядѣ я не слыхалъ жалобы на интендантство—въ эту войну оно дѣлаетъ все возможное и даже невозможное.

И это понимаютъ въ частяхъ и никому не приходитъ даже на мысль обругать „интендантовъ“ и этимъ легкимъ способомъ сорвать на комъ-нибудь свою злобу.

2 іюля утромъ въ десятомъ часу около кумирни бога войны, гдѣ помѣщается редакція „Вѣстника манджурской арміи“ и живутъ корреспонденты русскихъ и иностранныхъ газетъ, въ числѣ которыхъ и я, вдругъ раздаются выстрѣлы.

Стрѣляютъ пачками.

Всѣ исполошились въ нашей кумирнѣ.

Рѣшили даже бѣжать дать знать караулу, расположенному у западныхъ воротъ города Ляояна — кумирня расположена противъ воротъ, внѣ города.

И что же оказалось!

Въ фанзѣ, рядомъ съ кумирней, какой-то китаецъ открывалъ торговлю и по китайскому обычаю ознаменовывалъ открытіе этого дѣла бросаніемъ китайскихъ хлопушекъ.

Говорять о „хунхузахъ“, собирающихся въ огромныя шайки подѣ предводительствомъ японскихъ офицеровъ, о готовящемся въ Мукденѣ и Ляоянѣ возстаніи китайцевъ.

Позднимъ вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, я слышу въ сосѣдней фанзѣ, занимаемой Ю. В. Ельцомъ, какой-то металлическій звукъ.

— Юлій Лукьяновичъ, что вы дѣлаете?—кричу я.

— Заряжаю второй револьверъ.

— Зачѣмъ?

— А неровень часъ, кто ихъ знаетъ, этихъ мерзавцевъ.

Вы хорошо понимаете, что всѣ мы спимъ съ заряженными револьверами и кинжалами и крѣпко запираемъ двери фанзъ.

Послѣднее, впрочемъ, совершенно бесполезно, такъ какъ въ фанзѣ легко проникнуть въ окно, очень широкое, двустворчатое поперекъ, мелкіе переплеты котораго заклеены тонкой бумагой— окна ничѣмъ не запираются.

Всѣ эти тревожные слухи черпаютъ свои основанія изъ полученнаго извѣстія, что извѣстный „хунхузъ“ Тулиханъ, чѣмъ-то нами обиженный, перешелъ на сторону японцевъ и, какъ говорятъ, собралъ огромную шайку.

Двое другихъ извѣстныхъ предводителей „хунхузовъ“ — Тундисонъ и Тайкель находятся на сторонѣ русскихъ.

Такъ утверждаютъ хорошо знакомые съ „хунхузами“ „пограничники“, какъ здѣсь кратко зовутъ пограничную стражу.

Какъ это ни странно, но мы въ хунхузахъ имѣемъ и союзниковъ и противниковъ.

— На ихъ дружбу тоже положиться нельзя,— говорилъ мнѣ одинъ пограничный офицеръ,— дружить, дружить, а вдругъ и нападутъ.

Все это очень странно!

Я не берусь объяснить этого, такъ какъ каюсь, во всей этой манджурской политикѣ ничего не понимаю, записываю, что слышу и что вижу, за-

писываю съ осторожностью, боясь каждую минуту упасть въ грубую ошибку.

Не ручаюсь и при этой осторожности за отсутствіе такихъ ошибокъ.

Вотъ нѣсколько картинокъ — результатъ моей поѣздки въ передовые отряды.

Въ одинъ изъ нихъ я прибылъ почти тотчасъ по окончаніи дѣла.

Японцы отступили, мы еще не успѣли подобрать своихъ раненыхъ.

Докторъ и санитаръ работаютъ надъ перевязкой ихъ.

Въ числѣ раненыхъ, уже перевязанныхъ и готовыхъ къ отправкѣ въ госпиталь, японецъ, взятый въ плѣнъ.

Онъ окруженъ группою солдатиковъ.

Изъ лица выражаютъ состраданіе, ни малѣйшей злобы къ стонущему врагу.

— Не скули, братъ, не скули, — добродушно уговариваютъ его, — въ госпиталь поѣдешь, господскую пицу ѣсть будешь, поправишься и опять драться будешь.

Это говоритъ степенный солдатикъ съ открытымъ загорѣлымъ лицомъ и добрыми глазами, особенно подчеркивая послѣднюю фразу, точно, по его мнѣнію, для японца единственно печаль пораненія и плѣна состоитъ въ томъ, что ему нельзя драться.

„Чудо-богатырь“ судить, видимо, по себѣ и несомнѣнно даже раненый не покинетъ строя.

И такихъ, какъ онъ, у насъ тысячи.

Прекрасенъ образъ русскаго солдата.

Онъ ярко проявляется даже въ мелочахъ.

Я сижу съ офицеромъ на раскинутой буркѣ, вблизи группы солдатиковъ.

Говорить пожилой взятый изъ запаса.

— Послѣдній годъ оставался, въ ратники мнѣ выдти — повѣствуетъ онъ, — думалъ я думушку, что сына на будущій годъ на призывъ повезу, анъ вышло, что онъ меня раньше на призывъ повезъ... Да это не бѣда, зато дочь просватанную раньше времени замужъ выдалъ... И выпили же мы на свадьбѣ... Въ январѣ-то я въ чистую...

— Держи карманъ шире, лѣтъ пять здѣсь продержатъ, — шутить надъ нимъ молодой солдатикъ.

— Пять лѣтъ, — восклицаетъ запасный, — охъ, братцы, это ужъ много, два-три года послужу, а пять лѣтъ не смогу...

— Начальство прикажетъ, — сможешь...

— Развѣ что начальство, — соглашается тотъ.

А вотъ другая характерная сцена.

Раннее утро.

Маленькій отрядъ стоитъ заставой на вершинѣ сопки, полусонный офицеръ потягивается, лежа на плащѣ, и дремлетъ.

Вдали, на сопкѣ, видно даже невооруженнымъ глазомъ, какъ копаются японцы.

Вдругъ передъ офицеромъ вырастаетъ унтеръ-офицеръ.

— Позвольте, ваше благородіе доложить...

— Что тебѣ? — вскакиваетъ офицеръ.

— Такъ что, ваше благородіе, первый взводъ проситъ васъ выкупать чашку чаю...

— Что-же, пожалуй, принеси, братецъ...

— Такъ что, ваше благородіе, тамъ способнѣе...

— Гдѣ тамъ?

— Недалече отсюда, ваше благородіе...

Офицеръ идетъ и видитъ, что солдатики, дѣйствительно, устроили „способнѣе“.

Сволокли съ сопки на пригорокъ большой гладкій камень, замѣняющій столъ, а рядомъ приспособили камень поменьше, въ качествѣ табурета.

На большомъ кампѣ уже стоитъ дымящаяся кружка, полная горячаго чаю.

Заботливость солдатъ объ офицерахъ, конечно тѣхъ, которыхъ они любятъ, замѣчательна.

— Идешь въ походъ, жарко, — рассказывалъ мнѣ одинъ офицеръ, — подойдешь къ солдатику: Послушай-ка, у тебя въ манеркѣ, кажется, вода есть?

— Такъ что, ваше благородіе, вамъ негодится

-- Почему негодится?

— Такъ что изъ грязнаго ручья бралъ.

— Зачѣмъ же ты бралъ?

— Такъ что думалъ: ничего, сойдетъ...

И старается отъ меня уйти. Но при первомъ чистомъ ручейкѣ уже нѣсколько манерокъ, полныхъ воды, протягиваются ко мнѣ.

— Извольте кушать, ваше благородіе...

Таковы, такъ сказать, бытовые картинки войны.

Переходя къ текущимъ событіямъ, нельзя не отмѣтить радостнаго извѣстія о новомъ пораженіи противника.

29 іюня, въ 18 верстахъ отъ Дашичао, были уничтожены три баталіона японцевъ.

Ихъ подпустили близко и окружили нашими войсками, силою изъ двѣнадцати эскадроновъ и двухъ полковъ.

Наши потери, сравнительно, незначительны.

Японцы, вообще, терпятъ огромныя потери.

По расчету, въ стычкахъ съ нашими многочисленными разѣздами, которые доходятъ до Кореи, они теряютъ ежедневно до 500 человѣкъ.

Наши же силы все прибываютъ и прибываютъ.

Вчера и сегодня начали прибывать кавказскіе полки.

Горцы—молодецъ къ молодцу.

Главная квартира командующаго манджурской арміей переносится въ Хайченъ, пока же самъ командующій, съ частью своего штаба, находился въ Дашичао.

Японцы двигаются на Мукденъ, гдѣ, впрочемъ, сосредоточено достаточно войска, чтобы дать имъ должный отпоръ.

Заслономъ Мукдену стоитъ между Сяосиромъ и Мадзи большой отрядъ генерала Ренненкампа.

Кстати, только что получено извѣстіе, что послѣдній раненъ въ ногу при занятіи Сяосира.

Врачи совѣтовали ему ѣхать лечиться въ Ляоянь, но доблестный генераль пожелалъ остаться во главѣ своего отряда.

Японцамъ приходится имѣть дѣло съ этимъ испытаннымъ боевымъ генераломъ.

Любопытно отмѣтить, что движеніе на Мукденъ входило въ самый первоначальный планъ

японцевъ, и тогда появилась Богъ вѣсть кѣмъ построенная дорога, ведущая отъ Кореи на Гиринъ, откуда можно при удачѣ отрѣзать Ляоянь отъ Мукдена.

При удачѣ и отсутствіи бдительности съ нашей стороны, но въ послѣдней недостатка нѣтъ, и планъ японцевъ и въ этой части, какъ и во многихъ другихъ, можно считать разрушеннымъ.

Но вернемся къ таинственной дорогѣ.

Кто строилъ ее—положительно неизвѣстно.

Китайцы на вопросы отвѣчаютъ съ напускною наивностью, прикрывающей, по обычаямъ востока, нежеланіе дать ясный отвѣтъ.

— Строили инженеры изъ Кореи, а кто они такіе—намъ неизвѣстно...

— Но когда-же ее выстроили?

— Мы этого не помнимъ... Строили не такъ давно...

Больше ничего добиться нельзя.

Дорога построена хорошо съ чисто-японскою мелочною аккуратностью, что явно указываетъ на то, кто были эти строители.

Но нѣтъ худа безъ добра...

Дорога эта пригодится намъ.

Кромѣ отряда генерала Ранненкампа на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, стоитъ русскій отрядъ, и до послѣдняго времени въ этихъ мѣстахъ находился отрядъ подполковника Мадритова, извѣстнаго своими развѣдками въ Корѣе въ тылу неприятеля, которому онъ испортилъ много крови и надѣлалъ не мало вреда.

Я упоминалъ уже о дѣйствіяхъ этого отряда, теперь очень усиленнаго.

Горсть храбрецовъ подъ предводительствомъ знающаго страну какъ своихъ пять пальцевъ подполковника генеральнаго штаба Мадритова въ теченіи болѣе двухъ мѣсяцевъ оперировала въ Корей, жгла села и деревни сопротивлявшихся корейцевъ, чуть не заняла городъ Анжу и вернулась съ незначительными потерями.

Первый, послѣ двухмѣсячной неизвѣстности, привезъ о дѣятельности отряда свѣдѣнія начальникъ его конвоя имеретинъ Юселіани.

Кстати о „странѣ утренняго спокойствія“ окончательнаго подчинившейся японской силѣ.

Какъ считать ее?

Россія на основаніи заключенныхъ договоровъ, не желая нарушать ихъ, не признавала до сихъ поръ Корею воюющей стороною, въ виду того, что японцы заняли ее силой и распоряжаются въ ней самовольно, вопреки азбучнымъ правиламъ международнаго права.

Но теперь вопросъ этотъ нѣсколько видоизмѣняется.

Блестяще произведенная развѣдка отряда подполковника Мадритова указала, что корейцы зачастую встрѣчаютъ русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ, не говоря уже о томъ, что сражаются въ рядахъ японскихъ войскъ, причемъ японцы ставятъ ихъ обыкновенно въ первыя линіи.

Словомъ, Корею, по мнѣнію всѣхъ компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, слѣдуетъ признать воюющей стороною, что несомнѣнно очень облег-

читать вопросъ о занятіи въ ближайшемъ будущемъ Корейскаго полуострова русскими войсками.

Китайскія части отряда Мадритова особенно часто подвергались нападенію со стороны корейцевъ, а одинъ китайскій полковникъ съ десятию китайцами, везшій летучую почту, былъ окруженъ и послѣ отчаяннаго сопротивленія весь отрядъ былъ вырѣзанъ корейцами.

Все это доказываетъ слишкомъ ясно, что мы воюемъ не только съ Японіей, но и съ Кореей.

Въ Корей наблюдаются именно послѣднее.

Интересно было-бы по этому поводу выслушать мнѣніе петербургскихъ военныхъ авторитетовъ и профессоровъ международнаго права.

Бесѣдовалъ сегодня съ однимъ изъ врачей „Краснаго Креста“.

Какъ разъ въ это время на станцію пришелъ санитарный поѣздъ.

Раненыхъ не было, а все больные.

— Чѣмъ больны?

— Колитомъ, большинство, но есть нѣсколько человѣкъ дезинтериковъ.

— Что такое „колитъ“?

— Это болѣзнь, которую часто даже врачи смѣшиваютъ съ дезинтеріей, а между тѣмъ это менѣе опасное расстройство желудка, не сопровождающееся повышеніемъ температуры, что наблюдается всегда при дезинтеріи...

— Значитъ болѣзнь неопасна...

— Нѣтъ, она излѣчивается очень скоро...

— А дезинтерія?

— Дезинтерія тоже не принадлежит къ числу опасныхъ болѣзней, но страшно истощаетъ организмъ, особенно при затяжной формѣ...—отвѣчалъ мнѣ молодой врачъ-петербуржець, оставленный при академіи для усовершенствованія, но превратившій свои научныя занятія, чтобы потрудиться на театрѣ войны.

XXIII.

Въ „Кумирнѣ Бога Войны“.

Какъ слышно, будетъ большое сраженіе вблизи Дашичао, и кромѣ того японцы наступаютъ на восточный отрядъ генерала графа Келлера.

Тамъ тоже должно произойти большое дѣло.

Подъ начальствомъ графа Келлера болѣе 40,000 войска всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Съ нимъ вошелъ въ соприкосновеніе отрядъ полковника Драгомирова, сына извѣстнаго героя русско турецкой войны М. И. Драгомирова.

Сообщу маленькій характерный эпизодъ изъ развѣдочной службы этого отряда, происшедшій утромъ 27 іюня.

Хорунжій уральскаго казачьяго полка Н. С. Аничкинъ отправился на развѣдку съ одинадцатью казаками.

Прошли разсыпавшись деревню, проникли въ ущелье, а вышедши изъ него, снова наткнулись на деревню.

Хорунжій Аничкинъ, въ видахъ осторожовсти, такъ какъ казаки спѣшились, рѣшилъ послать двухъ лазутчиковъ.

Два казака отправились къ деревнѣ и, подойдя уже къ земляной оградѣ, которыми окружены всѣ китайскіе поселки, вдругъ увидѣли штыки и оказались лицомъ къ лицу съ двумя батальонами японцевъ.

Послѣдніе, видимо, смутились неожиданнымъ появленіемъ русскихъ, а наши казаки давай Богъ ноги къ своимъ.

Бросились къ лошадямъ, вскочили на нихъ, и быстро отправились назадъ.

Опомнившіеся японцы послали имъ въ догонку градъ пуль.

Одна лошадь была убита на повалъ, одинъ казакъ легко раненъ.

У хорунжаго Аничкина одна пуля сбила рукоятку кинжала, а другая попала въ сумку съ картой и сильно порвала ее.

Онъ не былъ раненъ какимъ то чудомъ.

Двое казаковъ не успѣли вскочить на лошадей, которыя ускакали.

Оба были сочтены пропавшими безъ вѣсти, но одинъ явился къ отряду на другой день, а второй на третій, оба въ китайскомъ платьѣ.

Оказалось, что китайцы ихъ накормили и одѣли.

Разсказываются все новыя и новыя версіи объ отбитомъ ночномъ штурмѣ Портъ-Артура, слухъ о чемъ, проникшій въ Ляоянь, я своевременно сообщилъ.

Говорятъ, что японцы, наступавшіе по большой портъ-артурской дорогѣ, до того увлеклись, что десять человѣкъ съ офицеромъ влѣзли на валъ крѣпости, оставивъ своихъ далеко позади.

Когда они увидали себя среди орудій и солдатъ, то сами сдались въ плѣнъ.

Цифра погибшихъ въ этомъ штурмѣ японцевъ, по рассказамъ, колеблется между 28—30,000 человѣкъ.

Въ Потръ-Артурѣ, по словамъ одного изъ бывшихъ изъ осажденной крѣпости, съ которымъ я бесѣдовалъ, живутъ всѣ очень хорошо и весело.

На бульварѣ играетъ музыка.

Толки о томъ, что будто всѣхъ оставшихся дамъ заставили стирать бѣлье, лишены всякаго основанія.

Бездѣтныя дамы исполняютъ обязанности сестеръ милосердія, а имѣющія дѣтей находятъ у себя дома.

Бѣлье стираютъ китайцы, недостатка которыхъ въ Портъ-Артурѣ не ощущается.

Въ Китаѣ, вообще, бѣлье стираютъ мужчины и по весьма странной таксѣ: 5—6 копѣекъ за штуку, будь это носовой платокъ или простыня и т. д.

Въ Ляоянѣ прибылъ сегодня раненый генераль Ренненкампфъ и проѣхалъ въ баракъ Краснаго Креста.

Я писалъ уже, что онъ раненъ въ ногу, но безъ поврежденія кости, пуля пробила мякоть.

Рана не опасна, но мучительна.

Обстоятельства, при которыхъ получилъ рану генераль, не лишены интереса.

Онъ раненъ въ засадѣ, которую очень хитро устраиваютъ японцы.

Кромѣ отряда, который ставится въ засаду, лучшіе стрѣлки разсыпаются впереди, образуя такъ называемыя „ворота“.

Когда развѣдочный отрядъ наталкивается на засаду, превосходящую его силами и начинаетъ уходить, его осыпаютъ выстрѣлами не только изъ засады, но и ея тыла—ворота изъ стрѣлковъ стягиваются.

Генераль Ренненкампфъ, конечно, не предпринималъ самъ развѣдку, но натолкнулся на неожиданно устроенную засаду, когда со своимъ штабомъ, объѣхавъ передовые отряды для раздачи людямъ георгіевскихъ крестовъ, нѣсколько отъѣхалъ въ сторону.

Неожиданно нашу кумирню „Бога войны“, Ляо-Міао, въ фанзахъ при которой, какъ я уже писалъ вамъ, помѣщается редакція „Вѣстника Манджурской Арміи“ и нѣсколько военныхъ корреспондентовъ: гг. Елецъ, Шуфъ, Макъ Кулей, Гвидо, Пардо, я и другіе—посѣтили петербургскіе гости—извѣстные художники-баталисты гг. Самокишъ и Мазуровскій.

Ихъ провелъ въ кумирню тоже знакомый Петербургу художникъ г. Россолимо, уже въ теченіе двухъ лѣтъ работающій на Дальнемъ Востокѣ.

Они рисовали „кумирню“, восхищаясь китайской архитектурой.

Внѣшность кумирни дѣйствительно очень оригинальна.

Ея возрастъ можно безошибочно считать тысячелѣтіемъ.

Она страшно запущена, какъ снаружи, такъ особенно внутри, не смотря на то, что въ ней разъ въ мѣсяць совершается богослуженіе.

Нѣтъ, кажется, народа на столько индеферентнаго въ вопросахъ религіи, какъ китайцы.

Въ кумирнѣ, которая для нихъ храмъ, вы можете увидѣть развѣшанное бѣлье, такъ какъ въ ней пріютился китаецъ-прачка, здѣсь же у подножія идоловъ китайцы дѣлаютъ папиросы и курятъ.

Идолы тоже въ полномъ запущеніи.

Одного изъ нихъ, при осмотрѣ европейцами, китаецъ, отрываясь отъ набивки папиросъ, безцеремонно со смѣхомъ толкаетъ въ бокъ, отчего идолъ двигаетъ рукой и ногой, устроенными на шарнирахъ.

При этихъ движеніяхъ своего „бога“ китаецъ хохочетъ визгливымъ смѣхомъ во все горло.

Противъ зданія кумирни помѣщается запущенное и разрушенное зданіе театра—театръ въ Китаѣ устроенъ при всѣхъ даже самыхъ маленькихъ кумирняхъ—въ немъ находятся двѣ громадныя деревянные обмазанныя глиной и раскрашенныя лошади, около которыхъ стоятъ по два колоссальныхъ всадника, сдѣланныхъ изъ того же матеріала.

Внутри театра складъ ячменя и муки.

Всѣ наши три художника для работы помѣсти-

лись на полуразрушенномъ помостѣ театра, который находится какъ разъ противъ портала кумирни.

Затѣмъ они пили чай у насъ въ фанзѣ.

Гг. Самокишъ и Мазуровскій только надняхъ пріѣхали въ Ляоянь, пробывъ довольно долго въ Мукденѣ.

Они не нахвалятся китайцами, которые не только не мѣшаютъ имъ работать, а относятся даже съ уваженіемъ къ ихъ занятіямъ.

Мнѣ невольно, какъ параллель, пришелъ на умъ недавній случай въ Россіи, когда крестьяне одной деревни окружили показавшихся имъ подозрительными путешественниковъ.

— Мы художники!—заявили тѣ.

— Слышь, ребята, сами сознаются... Вяжи, да въ волость...—послышалось въ толпѣ.

Оба художника-баталиста рвутся въ передовые отряды, чтобы увидѣть сраженіе, и были очень разочарованы, когда мы имъ объяснили, что въ сраженіяхъ для нихъ нѣтъ ничего интереснаго такъ какъ въ современныхъ войнахъ, при дальнотбойной артиллеріи воюющія арміи не видятъ другъ друга.

Приближеніе противниковъ другъ къ другу и штыковая работа—случаи рѣдкіе и исключительные, происходящіе обыкновенно подъ покровомъ непроглядной ночи.

— Интересная мѣстность, замѣчательно живописная, эти горы, покрытыя прозрачной синевою, эти быстро бѣгушія свѣтлыя кристальныя рѣчки и, наконецъ, отдѣльныя картинки биваковъ...

— Почему отдѣльныя картинки?

— А потому, что и армія въ нѣсколько десятковъ тысячъ людей разсыпана въ горахъ, и ее нельзя охватить даже вооруженнымъ хорошимъ биноклемъ глазомъ... Видна только ничтожная часть.

— А эти бѣлыя палатки на зеленомъ лугѣ...

— Палатокъ очень немного, всего нѣсколько... Но отдѣльныя картинки, повторяю, интересны...

Я указалъ, между прочимъ, на видѣннаго мной по дорогѣ въ восточный отрядъ часового на деревѣ.

Дерево служить вышкой и въ его вѣтвяхъ стоитъ часовой...

Невольно въ умѣ возникаютъ воспоминанія дѣтства и сказки о „соловьѣ-разбойникѣ“, сидѣвшемъ на дубу на распутьѣ изъ трехъ дорогъ.

Сегодня день визитовъ.

Посѣтилъ насъ д-ръ Павловскій, совершенно, по его словамъ, неожиданно очутившійся практическимъ врачомъ на войнѣ.

— Я окончилъ курсъ военно-медицинской академіи, но изучалъ медицину только теоретически для занятій біологіей и соціологіей, прямо изъ академіи поступилъ на юридическій факультетъ, мнѣ оставалось 1½ года до сдачи государственнаго экзамена, какъ вдругъ я былъ призванъ на службу младшимъ врачомъ въ дѣйствующую армію... Я— будущій біологъ...

Намъ думается, что д-ръ Павловскій правъ, находя, что военно-медицинскому вѣдомству слѣдовало бы имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о специальностяхъ врачей, изъ которыхъ комплектуется ме-

дицинскій персоналъ для театра войны, иначе неизбежно могутъ происходить такія трагико-комическія „qui-pro-quo“.

XXIV.

Корреспондентскія мытарства.

Мухи, мухи, міріады мухъ!

Онѣ черною скатертью застилаютъ всѣ столы черной простыней походныя кровати, отъ нихъ черны стѣны и ихъ движущаяся темная сѣтка виситъ въ воздухѣ.

Онѣ лѣзутъ въ носъ, ротъ, уши и кусаютъ, ожесточенно кусаютъ.

Среди нихъ и москиты, укусъ которыхъ производитъ страшную опухоль.

Въ фанзахъ—этихъ отвратительныхъ китайскихъ жилищахъ—всевозможныя насѣкомыя, говоря словами стараго стихотворенія,

Очень многія мнѣ даже
Вовсе незнакомыя.

Клопы, блохи, тарантулы... Все это какихъ-то особо громадныхъ размѣровъ.

Одинъ мѣстный остроумецъ-офицеръ увѣряетъ, что одного клопа изъ фанзы два китайца выводятъ подъ руки.

Жара прямо невозможная! 50° по Цельсію на солнцѣ, вечеромъ 30°, ночью немножко меньше, духота и пыль ѣдкая, засоряющая всѣ поры тѣла, глаза, носъ, уши и постоянно оставляющая въ пересохшемъ рту впечатлѣніе горсти песку.

Вонь черемшей, бобовымъ масломъ, китайскимъ потомъ и тому подобными пахучими прелестями.

Положительно изнемогаешь отъ духоты и жары, потъ льется буквально ручьями, нельзя дышать, мозги отказываются работать, рука писать.

Такова внѣшняя обстановка жизни въ Манджуріи — этой странѣ египетскихъ казней *par excellence*.

Отсутствіе всякихъ точныхъ свѣдѣній, полная скудость матеріала.

Оффициально — все тайна.

Неоффициально — трудно отличить ложь отъ правды.

Возьмемъ для примѣра хотя бы вчерашній день.

Утромъ намъ передано извѣстіе, что восточный отрядъ началъ наступленіе и весьма успѣшно.

Графъ Келлеръ съ 40,000 войска далеко отгѣснилъ японцевъ.

Не проходитъ и часу послѣ этого извѣстія, принесеннаго однимъ офицеромъ, является другой:

— Скверно!

— Что скверно?

— Въ восточномъ отрядѣ...

— Какъ, помилуйте, успѣшное наступленіе, японцы отступили, большія потери, но все же побѣда...

— Кто это вамъ навралъ, ничего подобнаго, мы отступили и едва удержали свои позиціи, съ огромными потерями.

И каждый являющійся въ редакцію „Вѣстника Манджурской арміи“ сообщаетъ совершенно противоположныя извѣстія.

Бросаясь въ развѣдочное отдѣленіе, въ полевой штабъ, бѣжишь, скачешь, по жарѣ, на огромныя разстоянія, чтобы услышать отъ официальныхъ лицъ:

— Ничего еще неизвѣстно!

— Сообщить ничего не можемъ...

— Говорятъ и такъ и эдакъ...

Подите и разберитесь во всемъ этомъ.

Наконецъ только позднею ночью на вокзалѣ отъ офицера, завѣдующаго передвиженіемъ санитарныхъ поѣздовъ, мы получили болѣе вѣрныя свѣдѣнія, на основаніи полученной имъ телеграммы.

Оказалось, по счастью, что первый „вѣстникъ радости“ былъ правъ.

Графъ Келлеръ съ 38 батальонами, послѣ ожесточеннаго боя, гдѣ нашихъ было ранено около 1,000 человѣкъ, заставилъ японцевъ отступитъ, занялъ Ланшенгуань—третій этапъ по Ляоянской дорогѣ и взялъ у нихъ восемь орудій.

Но это только случайно добытое точное свѣдѣніе изъ совершенно косвенныхъ источниковъ.

Счастливыя рѣдкія случаи!

Ихъ бываетъ мало.

Официальныя свѣдѣнія можно изрѣдка получить въ редакціи „Вѣстника Манджурской арміи“ изъ присылаемой главной квартирой туда хроники войны.

Мнѣ иногда удается получать ихъ еще въ рукописи до набора, или въ самомъ Дашичао, но они такъ туманны, такъ непонятны для непосвященныхъ людей, что положительно становишься въ тупикъ.

Я сообщалъ и буду, при случаѣ, сообщать ихъ—быть можетъ въ нихъ въ Петербургѣ разберутся специалисты военнаго дѣла и разъяснятъ большой публикѣ.

Я же съ своей стороны только ручаюсь, что они „съ подлинными вѣрны“.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что надо ѣздить на передовыя позиціи, въ отряды...

Ѣздишь, но что же изъ этого выходитъ...

Я былъ въ отрядѣ генерала Мищенко, генерала Келлера, но и тамъ тѣ же полуфантастическіе рассказы.

Въ Ляоянѣ стекаются по крайней мѣрѣ всѣ извѣстія, пріѣзжаютъ офицеры изъ частей, и изъ ихъ разнообразныхъ рассказовъ можно вывести хоть что-нибудь достовѣрное, иначе дѣйствительно мы здѣсь, слыша свистъ пуль и грохотъ орудій, находясь, такъ сказать, въ „креслахъ оркестра“ театра войны—это выраженіе одного генерала—знаемъ менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Для насъ все тайна.

Грустно и главное дѣло тяжело, тяжело, что чувствуешь себя бессильнымъ сообщить что-нибудь новое, интересное, а составлять изъ этихъ „крохъ“ перепадающихъ на нашу долю извѣстій, при описанной мною обстановкѣ—трудъ каторжный, да пожалуй и.. бесполезный.

Кое-что еще можно возсоздать въ смыслѣ картины боя отъ раненыхъ солдатиковъ, но легко раненыхъ быстро эвакуируютъ въ Мукденъ и Харбинь, а здѣсь, въ Ляоянѣ, оставляютъ лишь тяжело раненыхъ, которыхъ затрудняютъ вопросами жаль.

Замѣчу, кстати, что есть большая разница въ изложеніи сибирскаго и русскаго солдата.

Разсказъ послѣдняго всегда точнѣе и обстоятельнѣе.

Большинство этихъ разсказовъ могутъ, увы, пригодиться только для исторіи войны.

Итакъ бѣшься съ утра до вечера въ пыли, въ жару, въ погонѣ за новостями, а душной ночью пишешь, чувствуя, что у тебя нѣтъ для этого ни малѣйшей почвы.

Темная, жаркая, душная ночь глядится въ открытую дверь фанзы.

Воздухъ пропитанъ какимъ-то неуловимымъ, но нестерпимо отвратительнымъ чисто китайскимъ запахомъ.

Звуки этой ночи тоже отталкивающе непріятны.

Трещать цикады, квакають лягушки и этотъ негармоническій концертъ акомпанируется заунывнымъ звономъ гонговъ, не то призывающихъ китайцевъ къ молитвѣ, не то быть можетъ собирающихъ ихъ на таинственную бесѣду, и лаемъ голодныхъ собакъ.

Говорятъ, что въ кумирняхъ, подъ видомъ молитвъ, они собираются по ночамъ для обсужденія вопросовъ, касающихся не одной религіи, но и политики.

Кумирня, въ которой живемъ мы, посвященная Богу войны, запущена и оставлена и, конечно, въ виду сосѣдства насъ, европейцевъ, не служить мѣстомъ такихъ собраній.

За то она набита китайцами, больными, прокаженными, которыхъ близость не особенно пріятна.

Они собираются въ нее со своими „одрами“ и покоятся сладкимъ сномъ у подножія своихъ идоловъ.

Иногда сонъ этотъ лихорадоченъ—слышится бредъ.

А въ другихъ кумирняхъ, быть можетъ, въ настоящее время обсуждается отношеніе къ японцамъ до сихъ поръ мнящихъ себя побѣдителями.

Не даромъ они ушачиваютъ корейцамъ и китайцамъ за купленный провіантъ квитанціями будущей русской контрибуціи.

Уже ими опредѣлена и сумма этой контрибуціи.

Пятьсотъ милліоновъ іенъ!

Не понимаю, отчего такъ мало?..

Опредѣлены и условія, которыя Японія предложитъ Россіи, когда та будетъ просить у нея мира.

Границей Россіи, по мнѣнію японскихъ дипломатовъ, собственно говоря, долженъ быть Байкаль...

Но Японія снисходительна, она согласится на прирѣзку Россіи клочка Монголіи... пустыни Гоби или Шамо.

Вотъ съ какимъ великодушнымъ врагомъ мы имѣемъ дѣло.

Остается только благодарить.

Въ Манджуріи же они заведутъ свои собственные порядки.

Не даромъ Ояма уже возведенъ въ санъ манджурскаго вице-короля.

Кстати объ Оямѣ—онъ, оказывается, живъ и здоровъ, не смотря на то, что о его гибели телеграфировали во всѣ газеты, а въ „Вѣстникѣ

маньчжурской арміи“ такъ картинно было описано его самоубійство на гибнущемъ транспортѣ, во избѣжаніе русскаго плѣна.

Остается пользоваться слухами, а отъ этого и происходятъ сообщенія вродѣ гибели 30,000 японцевъ во время штурма Портъ-Артура.

Оказалось теперь, что 30,000 японцевъ дѣйствительно погибло, за все время осады крѣпости.

Кто бросить въ насъ камень за то, что мы сообщили извѣстіе, которое переходило въ Ляоянѣ у всѣхъ изъ устъ въ уста и которое такъ обрадовало наболѣвшее истинно русское сердце.

Переходя къ текущимъ военнымъ событіямъ, могу сообщить, что на югѣ идутъ лишь мелкія перестрѣлки и, какъ слышно, произойдутъ нѣкоторыя чисто служебныя перемѣны.

Поѣхалъ было въ Дашичао, но очутился снова въ Ляоянѣ и пишу въ своей грязной фанзѣ.

Объясняется это очень просто.

Я вернулся съ половины дороги, такъ какъ мнѣ на встрѣчу попался поѣздъ командующаго арміей, который со всѣмъ своимъ штабомъ ѣхалъ въ Ляоянѣ.

Въ Дашичао мнѣ дѣлать было нечего.

Сегодня мнѣ передавали душу потрясающій рассказъ.

Источникъ самый достовѣрный.

Послѣ перваго боя подъ Хаяномъ въ восточномъ отрядѣ, нѣкоторые раненые русскіе и японцы, упавшіе въ кустахъ, не были усмотрѣны, а найдены лишь спустя нѣсколько дней, живыми, но

съ уже загнившими ранами, въ которыхъ копошились черви.

Они конечно отправлены были въ военный госпиталь.

— Прележать нѣсколько дней безъ помощи, голодными... Это ужасно!—воскликнулъ я.

— Конечно!—согласился со мной присутствовавшій при разговорѣ врачъ.—Но это безболѣзненно и неопасно...

— Какъ не опасно!

— Конечно, рану сейчасъ же обмоютъ, дезинфицируютъ, и опасность зависитъ только отъ качества раны... Если же человѣкъ остался живъ въ теченіи нѣсколькихъ дней безъ помощи, то значитъ рана не особенно опасная...

Въ этомъ замѣчаніи высказалось высшее хладнокровіе врача.

Я не могъ разсуждать такъ и все-таки повторялъ, какъ повторяю теперь:

— Это ужасно!..

По словамъ того же врача, японцы оказываются очень выносливы и живучи.

Въ здѣшнемъ 13 военномъ госпиталѣ находится плѣнный японецъ, получившій пять ранъ и одну изъ нихъ въ животъ.

Онъ теперь уже ходитъ, кланяется, улыбаясь, и благодаритъ за уходъ.

Наши солдатики, по отъывамъ всѣхъ врачей, ведутъ себя героями.

Они прямо-таки, послѣ перевязки даже довольно серьезныхъ ранъ, ни за что не соглашаются оставаться въ госпиталяхъ и лазаретахъ.

— Мнѣ уже дозвольте, ваше благородіе, къ товарищамъ...—говорять они.

И никакія убѣжденія на нихъ не дѣйствуютъ.

— Нѣтъ, ужъ дозвольте...

И солдаты, такъ сказать, дезертируютъ на поле брани.

„Съ такими солдатами нельзя не быть побѣдителями!“.

Таково общее мнѣніе на театрѣ войны.

Здѣсь продолжаютъ глядѣть на ходъ событій оптимистически.

Считаютъ первую, теперь окончившуюся, часть компаніи крайне удачной.

Мы съ меньшими силами сѣумѣли задержать японцевъ, которые, не будь боевъ при Тюренченѣ и Вафангоу, давно бы могли быть у Харбина.

Между тѣмъ теперь они не дошли до Дашичао, и мы спокойно сидимъ въ Ляоянѣ.

Моментъ ими упущенъ, а за это время все собираются и собираютая наши силы, которыхъ уже японцамъ не одолѣть.

Въ этомъ видятъ мудрое рѣшеніе трудной стратегической задачи со стороны командующаго манджурской арміей генераль-адъютанта А. Н. Куропаткина.

XXV.

Генералы Келлеръ и Ренненкампфъ.

Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Въ Манджуріи темнѣетъ рано и какъ-то сразу.

Въ 9 часовъ вечера, 3 іюля, надъ восточнымъ

отрядомъ Келлера, расположеннымъ въ 60 верстахъ отъ Ляояна, спустился уже ночной мракъ.

Небо было безоблачно, но узенькій серпъ луны тщетно боролся съ вечернею мглою.

Отрядъ двинулся съ позицій впередъ въ черную даль.

Началось наступленіе.

Темныя массы войска двигались почти безшумно.

До разсвѣта приказано было спрятать патроны и идти безъ выстрѣла.

Въ рядахъ не слышно было даже тихихъ разговоровъ.

Наши словоохотливые солдатики шли молча, сосредоточено, какъ они обыкновенно идутъ „передъ дѣломъ“.

— О чемъ они думаютъ?—мысленно задавалъ я себѣ вопросъ.

И мнѣ представлялись самыя разнообразныя картины родимыхъ мѣстъ, хатъ, семей, которыя проносятся въ эти мгновенія въ умъ каждаго солдатака.

— Пошлетъ-ли Богъ увидѣть, свидѣться?

Отрядъ идетъ все дальше и дальше.

Но вотъ на востокъ заалѣла полоска утренней зари.

Луна какъ то сконфуженно поблѣднѣла.

Вырисовались силуеты мѣстности, очертанія сопокъ, узкія долинки, изрѣдка полянки, поросшія гаолянномъ, достигающимъ вышины болѣе человеческого роста.

Поля гаоляна излюбленное мѣсто, гдѣ скрываются хунхузы.

Гаоляць, растеніе съ длинными широкими листьями, служить для китайцевъ въ самыхъ разнообразныхъ нуждахъ.

Плоды его идутъ въ пищу; солома употребляется на кормъ лошадей, на покрытіе крышъ и т. д.

Разсвѣтъ продолжаетъ довольно быстро вступать въ свои права.

На ближайшихъ сопкахъ уже ясно видны позиціи японцевъ.

Четыре часа утра. Грянулъ первый выстрѣлъ.

Это было какъ бы сигналомъ для начавшейся перестрѣлки.

Съ чьей стороны былъ этотъ первый выстрѣлъ, уловить было невозможно.

Началась та трескотня, которая ужасаетъ съ перваго раза, но къ которой такъ странно быстро привыкаетъ ухо.

Запѣли низкой фистулой желѣзныя птички-пули.

Загремѣла наша артиллерія, несомнѣнно наша, что легко различить по болѣе густому звуку выстрѣла; японцы стали было отвѣчать, но смолкли.

Они были сразу сбиты.

Наши идутъ все впередъ и впередъ.

Поручикъ 12 полка Олторжевскій съ отрядомъ охотниковъ появляется на одной изъ сопокъ, на сосѣдней на разстояніи 600 шаговъ копошится отрядъ.

Поручикъ командуетъ стрѣлять.

— Ваше благородіе, кажись это наши!—докладываетъ унтеръ-офицеръ.

— Наши?

Въ этотъ самый моментъ съ сопки слышенъ громкій вопросъ:

— Охотники?

— Охотники, охотники...—отвѣчаетъ поручикъ, уже не думая повторить распоряженіе стрѣлять.

Онъ опускается въ долину.

Вдругъ отрядъ на сопкѣ начинаетъ осыпать его выстрѣлами.

— Что вы дѣлаете?—кричитъ онъ.—Свои, свои!

Но крики эти не помогаютъ.

Свинцовый дождь сыплется на отрядъ.

Отрядъ па сопкѣ оказывается японскимъ въ походе на русское обмундированіи, чѣмъ и воспользовались, вмѣстѣ со знаніемъ русскаго языка, хитрые „макаки“.

Отрядъ охотниковъ тоже, конечно, открываетъ огонь.

Наши стрѣлки бьютъ мѣтко.

Японцы не знаютъ прицѣльной стрѣльбы—они обстрѣливаютъ мѣстность.

У нихъ пуля болѣе дура, нежели у насъ.

Потому-то ихъ огонь, адски сильный, въ большинствѣ случаевъ малорезультатенъ.

Такъ и теперь, у насъ двое тяжело раненыхъ.

Поручика Олторжевскаго пуля задѣваетъ въ правую руку ниже локтя.

— Сподобила!—улыбаясь говоритъ онъ, наскоро дѣлая себѣ перевязку лѣвой рукой.

Охотники идутъ дальше.

Общее наступленіе удачно.

У японцевъ отнято десять орудій...

Они отступаютъ безъ выстрѣла черезъ Ланхе.

Наши ихъ преслѣдуютъ, но японцы, видимо, получаютъ подкрѣпленія и, по своему обыкновенію, начинаютъ обходное движеніе и на оба фланга.

Снова вспыхиваетъ бой.

Особенно подъ сильнымъ огнемъ очутился седьмой полкъ.

Одинъ ротный командиръ падаетъ раненымъ, и на глазахъ нашихъ солдатъ японцы бросаются на него и рубятъ.

Двухъ другихъ раненыхъ командировъ ожидала та же участь, и солдаты успѣли отстоять ихъ и увести за линію огня.

Мы принуждены нѣсколько отойти, японцы тоже останавливаются.

Тогда считать мы стали рапы.

Товарищей считать!

Убитымъ оказался молодой симпатичный поручикъ Юдинъ, еще всего за часъ до своей безвременной смерти такой жизнерадостный, веселый, довольный, что получаетъ огневое крещеніе.

Осколокъ шрапнели прекращаетъ молодую жизнь...

Раненъ на вылетъ въ животъ подполковникъ Колоровичъ, его несутъ на перевязочный пунктъ, но дорогой онъ умираетъ.

Бравый офицеръ, прекрасный товарищъ, всѣ сожальютъ о немъ.

Раненъ штабъ-капитанъ 12 полка Артемьевъ двумя пулями въ правую ногу, двѣ другія пули попали въ шашку.

Штабъ-капитанъ Артемьевъ раненъ уже вторично—первый разъ подъ Тюренченомъ.

Онъ прихрамывая самъ идетъ на перевязочный пунктъ.

Ранено много другихъ.

Нижнихъ чиновъ выбыло изъ строя болѣе тысячи.

Генераль графъ Келлеръ все время на передовыхъ позиціяхъ, все время въ огнѣ, но пули щадятъ доблестнаго начальнака, онѣ какъ пчелы жужжать вокругъ него, не жаля.

Къ нему прискакалъ ординарецъ отъ генерала Гершельмана, дѣйствующаго южнѣе и идущаго на соединеніе съ отрядомъ графа Келлера.

Генераль Гершельманъ проситъ подкрѣпленія.

Къ нему по распоряженію генерала идетъ полкъ.

По сообщенію ординарца отрядъ генерала Гершельмана дѣйствуетъ успѣшно, японцы отгѣснены, у нихъ отбито четыре орудія, но силы ихъ увеличиваются, отрядъ однако стоитъ стойко, ожидая подкрѣпленія.

Ординарецъ уѣзжаетъ.

Наши въ порядкѣ отступаютъ—шесть часовъ вечера, бой продолжается непрерывно болѣе двадцати часовъ.

Со мной происходитъ непріятное приключеніе.

Моя лошадь оступается на краю оврага, ударясь о большой торчащій камень.

Я лечу въ оврагъ, а у лошади оказывается сломанной нога.

Она приподнимается на трехъ ногахъ и стоитъ, вся дрожа отъ боли.

Передняя правая нога болтается на кожѣ.

Я поднимаюсь тоже со страшной болью въ правой ногѣ—она сильно ушиблена.

Лошадь разсѣдываютъ, приводятъ другую, сѣдлаютъ и помогаютъ мнѣ взобраться на сѣдло.

Но боль въ ногѣ увеличивается.

Я, и такъ непривыкшій къ верховой ѣздѣ, не въ состояніи сидѣть верхомъ.

Пришлось возвращаться въ двуколкѣ, бросивъ сѣдло и другія походныя вещи.

Обѣщались доставить.

Участвующіе въ бою снова выносятъ впечатлѣніе, что японцы, стрѣляющіе пачками, не выносятъ залповъ.

Послѣдніе производятъ въ ихъ рядахъ замѣшательство.

— А у насъ еще поговаривали объ отмѣнѣ стрѣльбы залпами...—замѣчаетъ одинъ офицеръ.

Нѣсколько словъ объ огнѣ японцевъ.

Я уже говорилъ, что онъ не прицѣльный и мало результатный, но, видимо, рассчитанъ на то, чтобы нравственно вліять на противника.

И дѣйствительно, адскій огонь, который открываютъ японцы, ошеломляютъ, но лишь на первое время.

Генераль Ренненкампфъ, раненый какъ извѣстно, въ ногу въ дѣлѣ у деревни Фанцзяпуцзы и находящійся въ баракахъ Краснаго Креста подъ Ляояномъ, уѣзжаетъ для окончательнаго излеченія въ госпиталь въ Харбинъ.

Меня посѣтилъ сегодня ординарецъ генерала сотникъ Бушинскій.

Онъ не безызвѣстенъ въ Петербургѣ, какъ зять популярнаго, но, увы, за послѣднее время несчастнаго увеселителя Д. А. Полякова.

Передаю его разсказъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ былъ раненъ генераль Ренненкампфъ.

Разсказъ этотъ полонъ интереса.

— Генераль—сказалъ онъ мнѣ — 30 іюня вышелъ самъ на рекогносцировку изъ Мицзы въ деревню Фанцяпуцзы. Съ нимъ было четыре сотни казаковъ, взводъ конно-саперъ и конно-охотничьей команды. Подойдя къ деревнѣ Фанцяпуцзы, генераль остановилъ отрядъ и выслалъ впередъ сотню казаковъ, чтобы узнать, свободенъ-ли переваль. Вскорѣ прискакалъ казакъ съ донесеніемъ отъ командира передовой сотни; генераль Ренненкампфъ сталъ читать его, и въ этотъ самый моментъ съ высоты сопки раздались выстрѣлы. Сѣвъ на камень, генераль сталъ смотрѣть туда, откуда раздавались выстрѣлы. Рядомъ съ нимъ стояли начальникъ штаба полковникъ Россійскій, адъютантъ есаулъ Поповицкій, хорунжій Гейлеръ и я. На правой горѣ шаговъ въ 600-хъ намъ была ясно видна цѣпь японцевъ, стрѣляющихъ по нашей группѣ. Мѣстность была совершенно открытая, ни куста ни дерева.

— Идемъ на переваль,—сказалъ мнѣ генераль и внезапно всталъ съ камня,—надо отдавать распоряженія, а если суждено быть убитыми, убьютъ и здѣсь и тамъ! Тамъ все-же ближе къ своимъ, хоть мертвыхъ, а подберутъ...

И мы подъ убійственнымъ огнемъ, буквально

подъ свинцовымъ градомъ стали взбираться на переваль.

На вершинѣ перваго мы остановились.

Вдругъ генераль Рененкампфъ спокойно замѣтилъ:

— Я раненъ въ лѣвую ногу, надо узнать не сломана-ли кость?

И генераль опустился на траву, легъ на спину и попробоваль поднять раненую ногу.

— Нѣтъ, славу Богу, нога цѣла...—произнесъ онъ.

— А я раненъ въ правую руку...—послышался голосъ адъютанта Поповицкаго.

Лежа на спинѣ, генераль вынулъ часы и сказалъ.

— Безъ десяти минутъ часъ.

Онъ всталъ на одной ногѣ и попробоваль наступить на раненую ногу, но не могъ.

Въ это время подбѣжалъ отставшій во время входа на переваль начальникъ штаба и трубачъ.

Всѣ мы, не смотря на просьбы генерала, не желавшаго подвергать нашу жизнь опасности, такъ какъ выстрѣлы не прекращались, подняли генерала и понесли его изъ линіи огня. Подбѣжавшій врачъ Саличевъ остановилъ кортежъ и тутъ-же подъ огнемъ сдѣлалъ генералу первую перевязку.

Онъ хотѣлъ остаться въ строю и только по настоятельному совѣту врачей и командующаго арміей уѣхалъ въ Ляоянь.

Такъ ведутъ себя герои.

XXVI.

Роль китайцевъ на войнѣ.

Роль китайцевъ въ настоящей войнѣ далеко не двусмысленна.

Помогая во всемъ японцамъ, они уклоняются отъ насъ, прикрываясь приказомъ о соблюденіи строгаго нейтралитета.

Чтобы все это разъяснить, приведу лишь факты, предоставляя каждому дѣлать выводы по своему усмотрѣнію.

Идетъ разъѣздъ японцевъ—впереди дозорные китайцы.

Свалила вражья пуля христолюбиваго воина—обдираетъ его китаецъ.

Спрашиваетъ казачекъ дорогу или названіе села у китайца—отвѣтъ „бутунды“, что значить: не понимаю. Это въ лучшемъ случаѣ, въ худшемъ же его выводятъ изъ села и направляютъ на устроенную японцами засаду.

Это „бутунды“ является прямымъ продуктомъ приказа властей и сношеній съ японцами. Вотъ случай, какъ иллюстрація:

Проѣзжаетъ офицеръ съ небольшой командой черезъ деревню.

Выходитъ рослый, пожилыхъ лѣтъ китаецъ и, даже не скрывая намѣреніе, громко пересчитываетъ число проходящихъ людей.

— Какъ зовется деревня?—спрашиваетъ офицеръ:

— Бутунды!—слѣдуетъ обычный отвѣтъ.

Но наученный опытомъ офицеръ знаетъ, что ему надо предпринять. Нагайка свистнула въ воздухъ и оставила полосу на физиономіи китайца.

— Сундзяпуза! шанго капитанъ, татады капитанъ *)—отвѣчаетъ китаецъ.

— Сколько версть до такой-то деревни?

— Бутунды!

Опять нагайка, а за ней точный и вѣрный отвѣтъ китайца.

Другой случай.

Обращается офицеръ за чѣмъ-либо къ китайцу. Отвѣтъ обычный.

Зовутъ переводчика, переводчикъ къ несчастью китайца самъ манза. Спрашиваетъ. Результатъ тотъ-же. Переводчикъ начинаетъ усовѣщевать, говоря, что онъ такой-же манза, слѣдовательно не понять его невозможно. И это не помогаетъ. Подходить другой китаецъ, переводчикъ къ нему, но первый китаецъ уже кричитъ:

— Не смѣй отвѣчать этимъ чертямъ.

Вновь пришедшій китаецъ упирается на своемъ проклятомъ „бутунды“ и конецъ. Опять нагайка и вновь прекрасный результатъ ея дѣйствія. Полное просвѣтленіе мозговъ и великолѣпное пониманіе не только китайскаго, но даже и русскаго языковъ.

Посылаютъ людей на фуражировку, и, само собой, у китайцевъ нѣтъ ничего продажнаго, а между тѣмъ, поискавъ немного, находятъ спрятанные въ лѣсу стога. Деревушка въ три фанзы, потребность

*) Значить: хорошій начальникъ, большой начальникъ.

ея въ солонѣ крайне незначительна, даже допустивъ, что всѣ жители обладаютъ скотомъ, все же запасъ кажется чуть-ли не годовымъ. Зная предусмотрительность японцевъ и уже не первый разъ пользовавшіеся ихъ устроенными въ тылу нашихъ передовыхъ частей складами, нижніе чины хорошо понимаютъ, въ чемъ дѣло, но должны проходить мимо,—насилъно отбирать нельзя.

Посылаютъ за коровой. Нашли, торгуются. Китаецъ за плохенькую пудовъ въ 5 проситъ 150 рублей. Рядятся, ничего не выходитъ. Отсчитавъ согласно справочной цѣнѣ по 7 р. за пудъ 35 цѣлковыхъ, корову забираютъ и ведутъ. Китаецъ со злостью бросаетъ деньги на полъ, объявивъ:

— Если мнѣ не дадутъ 150 р., то я дарю ее вамъ! денегъ не надо!

Но все-же онъ идетъ за фуражирами и приноситъ жалобу начальнику: не уплатили молъ за корову.

Виновный разыскивается и зачастую платится, благодаря показаніямъ китайца.

Хунхузы, да и мирные жители (отличить ихъ другъ отъ друга нельзя) подкрадываются къ нашимъ постанамъ или нападаютъ на развозящихъ легучую почту и, гоняясь лишь за оружіемъ, убиваютъ ихъ, раненыхъ истязуютъ, надъ трупами надругаются.

Примѣры кражи изъ фанзъ у спящихъ винтовокъ нерѣдки.

Узнать, кто укралъ — хунхузъ или землепашецъ—нельзя, послѣдніе всегда скрываютъ первыхъ.

Остановлюсь на этомъ и выясню положеніе нашихъ войскъ, которое въ свою очередь очертитъ дѣятельность китайцевъ.

Въ бою китайцы помогаютъ японцамъ, нашихъ раненыхъ грабятъ, указанія даютъ ложныя—подводятъ подъ пули японцевъ, фуражъ и провіантъ добровольно не продаютъ, устраиваютъ склады для непріятеля, своими часто лживыми жалобами вызываютъ незаслуженное наказаніе, стоитъ отдѣлиться по дѣламъ службы, какъ солдата убиваютъ, заснетъ солдатъ въ фанзѣ—и тутъ ему покоя отъ манзы нѣтъ, его обкрадываютъ, выгоняютъ же хозяина изъ его дома не позволяють—не гуманно, достаточно того, что бѣдному китайцу приходится стѣснить свою семью на ночь.

Политика гуманности принимается азіатомъ какъ признакъ слабости, великодушіе и малодушіе въ его понятіи одно и тоже.

Изъ вѣка въ вѣкъ привыкшія поклоняться одной лишь силѣ, которая выражается физически—казнью, пытками, поркой, китаецъ положительно увѣренъ, что тотъ, кто его бьетъ, именно и есть его начальникъ—властелинъ.

Чувство же справедливости на практикѣ манзѣ неизвѣстно. Въ внутреннемъ строѣ государства, гдѣ на подкупѣ основана даже раздача высшихъ должностей, слово богатство вполнѣ замѣняетъ правосудіе.

Простой манза привыкъ откупаться и отъ мандарина и отъ хунхуза и отъ солдата, онъ не уважаетъ ихъ, зная, что за деньги всѣхъ ихъ можно купить. Китаецъ уважаетъ одно лишь, дающее

ему возможность спокойно жить и заниматься своимъ дѣломъ, это деньги.

Поэтому всякая расточительность въ его глазахъ принимаетъ размѣры смертнаго грѣха.

Не удивительно, что щедрость русскихъ вызываетъ въ душѣ манзы презрѣніе къ этому совсѣмъ не умѣщающемуся въ рамки его понятій, поступку и невольно онъ доводитъ его до убѣжденія, что русскіе люди, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, а черезъ нихъ и вся нація—моты.

XXVII.

Незамѣтные герои.

Война родитъ героевъ.

Это не древнеклассическая фраза, это дѣйствительность, происходящая передъ нашими глазами.

Герои рождаются каждый день, въ каждой даже незначительной стычкѣ съ непріателемъ, въ каждомъ сраженіи.

Эти герои незамѣтны, они не стоятъ во главѣ отрядовъ, не руководятъ дѣломъ, о нихъ даже зачастую не упоминаютъ въ реляціяхъ, но своею личной отвагой и храбростью они вызываютъ удивленіе товарищей, поднимаютъ свои части.

Они дѣйствительно герои.

Примѣромъ такого геройства служитъ юнкеръ Ковалевскій.

Не высокаго роста, довольно полный, крѣпко сложенный, именно такъ, какъ мѣтко опредѣляетъ русскій народъ: неладно скроенъ, но крѣпко сшить,

съ нѣсколько раскосыми глазами и какой-то неподдающейся описанію жизнерадостностью на лицѣ.

Онъ былъ студентомъ новороссійскаго университета, но ушелъ со второго курса юридическаго факультета въ юнкерское училище.

Какъ только была объявлена война, онъ на свой счетъ помчался на Дальній Востокъ и явился въ Ляоянь, не имѣя никого знакомыхъ, ни малѣйшихъ связей среди военнаго начальства.

Случайно въ немъ принялъ участіе командиръ 3 батальона 11 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка Раевскій, теперь находящійся въ плѣну у японцевъ.

— Намъ такіе молодцы нужны! — сказалъ онъ и зачислилъ его вольноопредѣляющимся въ полкъ.

Ковалевскій пошелъ въ походъ въ юнкерскомъ обмундированіи, безъ всякаго оружія, съ одной коробкой англійскихъ папиросъ.

Веселость и жизнерадостность не покидали его, онъ безъ умолку болталъ, заразительно смѣялся и скоро сдѣлался любимцемъ всего полка, устроившись въ пемъ, въ какомъ-то всѣми признанномъ, привилегированномъ положеніи.

— Это сдѣлалъ Ковалевскій!

— Ахъ, Ковалевскій, это другое дѣло.

Послѣ перваго же дѣла съ непріателемъ онъ болѣе чѣмъ вооружился, добывъ двѣ шашки, винтовку и револьверъ.

Обѣ шашки онъ такъ и носилъ.

Офицеры шутили, что ему недостаетъ только маленькой пушки, чтобы представлять изъ себя

самостоятельный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія.

Онъ особенно отличился подъ Тюренченомъ.

За убылью офицеровъ онъ принялъ командованіе надъ ротой и вывелъ ее изъ боя.

Наградами ему были Георгіевскій крестъ и чинъ подпоручика.

Но у него, оказалось, была сломана нога еще до поступленія въ военную службу—тяжесть похода не прошла ему даромъ, произошло воспаленіе надкостницы и онъ долженъ былъ сперва лечь въ передвижной госпиталь, а затѣмъ уѣхать въ Петербургъ лечиться.

— Ковалевскій безусловно человѣкъ выдающейся, беззавѣтной храбрости — говорилъ мнѣ адъютантъ 11 полка—такіе люди незамѣнимы на войнѣ, но въ мирное время съ нимъ нѣсколько тяжело.

— Почему?

— А потому, что онъ говорилъ безъ умолку цѣлый день... Мы разъ ходили вмѣстѣ съ нимъ на рекогносцировку... Прошли болѣе 35 верстъ, и онъ во все время дороги говорилъ не умолкая... Когда мы пришли на бивакъ, онъ обратился ко мнѣ со словами

— Благодарю васъ, мы такъ пріятно съ вами побесѣдовали...

Я не могъ не расхохотаться.

— Какая же это бесѣда, вы говорили одни.

— Нѣтъ, сколько мнѣ помнится, и вы...

— Не произнесъ ни полслова...

— Скажите пожалуйста, а я этого и не замѣтилъ...

Таковъ несомнѣнный герой—Ковалевскій.

Дай Богъ намъ побольше такихъ отважныхъ людей!

Духъ нашего войска бодрый, солдаты рвутся впередъ.

Озлоблены солдаты, а въ особенности казаки, противъ японцевъ страшно.

Набросаю въ заключеніе со словъ одного офицера картинку поимки японскаго шпіона.

— Стою я съ моимъ разѣздомъ изъ восьми снѣшившихся казаковъ на сопкѣ, смотрю—въ гаолянѣ, уже сильно подросшемъ, мелькаетъ подозрительная черная фигурка. Я началъ слѣдить за ней въ бинокль: то скроется, то снова вынырнетъ въ зелени... Вотъ спряталась въ кустъ и что-то тамъ закопошилась... Я неотводно гляжу въ бинокль на этотъ кустъ и вдругъ вижу—изъ за него выходитъ китаецъ. Я тотчасъ сообразилъ, что это японецъ, переодѣвшійся за кустомъ въ китайское платье. Приказать уряднику поймать этого китайца было, конечно, дѣломъ одного мгновенія... Урядникъ побѣжалъ... Я слѣдилъ за этой охотой съ напряженнымъ вниманіемъ... Вотъ китаецъ повернулъ въ сторону... Эхъ—думаю—уйдетъ! Нѣтъ, смотрю китаецъ пошелъ на перерѣзъ уряднику, послѣдній пустился бѣгомъ и схватилъ китайца за шиворотъ... Черезъ какихъ-нибудь три четверти часа урядникъ съ китайцемъ былъ передо мной... По виду это оказался китайскій бонза (священникъ) съ нѣсколькими книгами буддійской религіи.

— Это вашъ бонза?—спрашиваю я у нѣсколькихъ подошедшихъ къ намъ китайцевъ.

— Бонза, бонза!—кричатъ они.

— Бонза-ли?—задаетъ китайцамъ вопросъ урядникъ, показывая свой увѣсистый кулакъ.

Китайцы смѣются и молчатъ.

— Я отправилъ подозрительнаго бонзу въ штабъ.

Тамъ на допросѣ онъ сознался, что онъ японецъ, капитанъ генеральнаго штаба.

Онъ, какъ я слышалъ—уже разстрѣлянъ.

— Японцы любятъ переодѣваться бонзами — добавилъ мой собесѣдникъ — потому что бонзы стригутъ голову, японцамъ не нужно подвязывать косу, которая можетъ выдать, оставшись въ рукахъ казака... Много такихъ переодѣтыхъ бонзъ бродить по Манджуріи вообще, а по театру войны въ частности...

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣренъ.

XXVIII.

На восточныхъ позиціяхъ.

Продолжаю рассказъ о моей поѣздкѣ на восточныя передовыя позиціи.

Меня сопровождалъ В. А. Шуфъ и его неизмѣнный спутникъ, слуга-другъ Османъ Мамутовъ.

Оба ѣхали верхами.

Мы приблизились къ этапу Сяолиндзе по дорогѣ въ Ляоянъ когда со стороны Анпина услышали громъ орудійныхъ выстрѣловъ.

Повернули по Анпинской дорогѣ.

Это мѣсто опасное и часто посѣщаемое бродячими шайками хунхузовъ.

Здѣсь поэтому часты наши казацкіе разбѣзды. И дѣйствительно, не проѣхавъ и нѣсколько верстъ, мы нагнали одинъ изъ нихъ.

Проѣхали вмѣстѣ съ казаками.

— Гдѣ это, братцы стрѣляютъ? — спросилъ В. А. Шуфъ.

— Генераль Гершельманъ бьется...—отвѣчалъ одинъ изъ казаковъ.

Я невольно обратилъ вниманіе, что нѣкоторые изъ казаковъ были въ китайскихъ головныхъ уборахъ—остроконечныхъ соломенныхъ шляпахъ.

Вдругъ одинъ изъ казаковъ спѣшился и сталъ пристально всматриваться въ дорогу, тоже сдѣлали и другіе.

— Японцы и здѣсь проѣзжали...—вдругъ заявили они.

— Почему вы знаете?

— А слѣдъ отъ подковъ ихнихъ видѣнъ...

— Развѣ есть разница...

— А то какъ-же!.. У нихъ подкова длинная и чистая, слѣдъ явствененъ... А у насъ круглая... На слѣду смазывается...

Мы всѣ стали пристально смотрѣть на дорогу, и дѣйствительно оказалось, что смѣтливый казакъ правъ.

Гуль выстрѣловъ между тѣмъ продолжался.

— А не проѣхать-ли намъ туда?.. Какъ дорога?

Послѣдній мой вопросъ относился къ заказамъ.

— Дорога хорошая и долиной и горкой...

Выстрѣлы слышались все ближе и ближе.

Отрядъ генерала Гершельмана составлялъ лѣвый флангъ отряда генерала Келлера.

На сопкахъ, тамъ и тутъ, то появлялись, то исчезали фигуры китайцевъ.

Дорога все время шла между сопокъ, покрытыхъ зеленой травой, или же низкорослымъ кудрявымъ лѣскомъ.

Вѣхавъ на одну изъ такихъ спокъ, я услышалъ тонкій свистъ, короткій, но все чаще и чаще повторяющійся,

— Въ лѣску поютъ птички...—подумалъ я.

Но меня разочаровалъ въ этомъ первоначальномъ идиллическомъ предположеніи другой звукъ, болѣе рѣзкій, похожій на „дзы“.

Я понялъ, что мы попали въ линію огня.

Японскія пули достигали до насъ и падали на камни и песокъ, производя этотъ неприятный металлическій звукъ.

Мы приблизились къ рѣкѣ Тайцыхе и были не вдалекѣ отъ Сихяна, который отстоитъ отъ Ляояна въ 60 верстахъ.

Но вотъ передъ нами вырисовался отрядъ казаковъ.

Мы поѣхали къ нему на встрѣчу.

Это оказалось отступавшая сотня Аргунскаго полка.

Къ сожалѣнію, мы попали въ моментъ когда наши стали отходить.

— Что, какъ? — задали мы въ одинъ голосъ стереотипный вопросъ молодому хорунжему Т.

При этомъ мы повернули за отступавшей сотней, тѣмъ болѣе что канонада прекратилась и свинцовыя птички-пули перестали пѣть свои пѣсенки.

— Бой идетъ уже третій день... — отвѣчалъ хорунжій. Японцы четыре раза мѣняли позиціи своихъ батарей, но мы счастливо и мѣтко подбивали ихъ и наконецъ нѣкоторыя батареи замолчали... Японцы стали отступать... Мы подбили у нихъ около десяти орудій, и полковникъ Трухинъ съ двумя сотнями казаковъ отправился взять подбитыя орудія, но сотни были встрѣчены цѣпью стрѣлковъ, открывшихъ сильный огонь, и принуждены были отступать.

— Безъ потерь?

— Почти... Подъ полковникомъ Трухинымъ была убита лошадь.

— Что же потомъ?

— Японцы, видимо, получили подкрѣпленіе изъ резервовъ, у нихъ вездѣ есть резервы, но все же мы сильно тѣснили ихъ... Кромѣ того, въ нашу артиллерію съ фланга начали стрѣлять хунхузы, несомнѣнно организованные японцами въ цѣлый отрядъ. Мы имъ однако дали знать себя, врубились въ нихъ... До девяноста человѣкъ было зарублено, а тринадцать взято живьемъ...

— И долго продолжается каждый день бой?..

— Съ разсвѣта вотъ до этого времени, до сумерокъ...

Солнце дѣйствительно въ это время закатывалось за сопки, обливая ихъ вершины яркимъ свѣтомъ, какъ бы послѣднею вспышкою догорающаго дня.

— А японцевъ много?..—спросилъ я.

— Есть таки, ихъ всегда много, просто не знаешь: откуда они берутся... Наши казаки очень мѣтко выражаются про ихъ численность, „что грязи“. Говорятъ, теперь они сосредоточиваютъ свои силы противъ Сихіана съ намѣреніемъ отрѣзать Ляоянъ отъ Мукдена... Не знаю вѣрно-ли это.

Сотня остановилась, чтобы расположиться на биваки, а мы поѣхали обратно въ Ляоянъ.

Ночевавъ на первомъ же встрѣтившемъ этапѣ, мы уже днемъ послѣ обѣда вернулись въ Ляоянъ. Ляоянъ снова въ тревогѣ.

Разсказываютъ, что китайцы массами уходятъ изъ города.

Полагаютъ, что это признакъ того, что японцы идутъ на Ляоянъ, хотятъ отрѣзать его отъ Мукдена.

Я хочу разсказать небольшой эпизодъ изъ моей бродячей жизни по театру военныхъ дѣйствій; какъ-то ускользнувшій изъ моей памяти подъ впечатлѣніемъ болѣе потрясающихъ картинъ, а теперь вдругъ выплывшій на поверхность моихъ воспоминаній.

Ночь, темная, непроглядная, словомъ, манджурская ночь.

На передовыхъ позиціяхъ не спятъ, но и огни не зажигаются.

Японцы близко—они расположились на сосѣднихъ сопкахъ.

Еще съ вечера видѣли, какъ они копошились на нихъ.

Непроглядный мракъ иногда вдругъ разсѣивается внезапнымъ и мгновеннымъ свѣтомъ.

То тутъ, то тамъ появляются разноцвѣтные, вспыхивающіе огни.

Это японцы сигнализируютъ другъ другу.

— Эхъ, какъ на свѣтъ этотъ да тарарахнуть...— слышится возлѣ меня замѣчаніе, произнесенное пониженнымъ шепотомъ.

Я лежу на травѣ, со сложенной буркой подъ головою, рядомъ съ офицеромъ.

— И ничего, дурья голова, не будетъ... Потому ень сигнальщикъ одинъ и завсегда ень китаецъ...

— Китаецъ?

Даже по шепоту можно различить свѣжіе ноты голоса—онъ принадлежитъ, очевидно, молодому солдатику, недавно прибывшему въ часть.

— Завсегда оцъ, длинокосый...—хрипло шепчетъ, видимо, старый боевой казакъ. — Такъ-бы, кажись, ихъ всѣхъ и прирѣзаль, да начальство не допускаетъ...

Я въ первый разъ видѣлъ такую усиленную сигнализацию и также тихо обратился къ моему сосѣду-офицеру:

— Вы спите?

— Что вы? Развѣ мнѣ можно спать... Каждую минуту на чеку надо быть... Желтолицы что-то сегодня сигналами разыгрались!. Можетъ къ намъ пошлютъ гостинцы...

— И сигнализируютъ имъ, дѣйствительно, все китайцы?

— Все они... Казакъ правъ... Мы недавно набрели на самой вершинѣ сопки на одинокую ки-

тайскую фанзу... Въ ней живетъ китаецъ съ семьей. Въ фанзѣ, какъ обыкновенно, большое окно, половина котораго заклеена бѣлой, а половина красной бумагой, а въ фанзѣ, какъ-бы вы думали, что?

— А что?

— Лампа-молнія... Откуда у китайца такой комфортъ? конечно, японцы снабдили для сигнализаціи... поставить передъ одной половиной окна—красный свѣтъ, передъ другой—бѣлый...

— Что-же вы сдѣлали съ этимъ китайцемъ?

— Какъ что? Ничего!

— Ничего?—удивился я.

— Конечно, ничего, вѣдь онъ мирный житель, къ нему надо относиться съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Мой сосѣдъ замолчалъ.

Я тоже.

Говоръ между сосѣдными солдатиками тоже замолкъ.

Водворилась гробовая тишина.

Сигнализація прекратилась.

Слышится разговоръ, видимо, разводящаго посты.

До меня явственно доносятся слѣдующія слова:

— Ты смотри ни-ни, а чуть что, такъ сейчасъ...

Вотъ онъ, казачій лаконизмъ.

Прислушиваюсь къ снова наступившей тишинѣ.

Тамъ и сямъ опять начинаются солдатскія бесѣды.

Вотъ совсѣмъ близко отъ меня и явственно слышу слѣдующую рѣчь:

Говорить, судя по голосу, несомнѣнно старый солдатъ.

— Лонись съ братаномъ по елани сундулой хлыняли на баракланѣ...

— Это на какомъ-же языкѣ онъ говорить? — шепнулъ я офицеру.

— По-забайкальски...

— Развѣ есть такой языкъ?

— Значить есть, коли на немъ говорятъ...

— И вы понимаете?

— Привыкъ...

— Что-же значить эта ффраза?

— Въ прошломъ году мы съ двоюроднымъ братомъ по склону горы вдвоемъ шли тропотомъ на двухгодоваломъ бычкѣ...

Я подивился забайкальскому языку, о существованіи котораго даже не подозрѣвалъ.

Въ этотъ самый моментъ впереди насъ послышалось нѣсколько выстрѣловъ, по звуку японскихъ, на нихъ отвѣчали наши.

Офицеръ вскочилъ и бросился впередъ.

Выстрѣлы на нѣсколько минутъ смолкли, но затѣмъ съ горы началась трескотня.

Это японцы стрѣляли пачками прямо въ нашу сторону.

Срѣляли они на звуки выстрѣловъ, или-же по сигналамъ—неизвѣстно.

Но вотъ выстрѣлы стихли и лишь нѣсколько пуль просвистало надъ нами.

Мой сосѣдъ-офицеръ возвратился.

— Что случилось?

— Подкрался японскій разъѣздъ и началъ

стрѣлять, его угостили, какъ слѣдуетъ... Едва-ли всѣ ушли... Вѣдь наглость-то какая, думаютъ ночью спать... Лѣзутъ на цѣлый передовой отрядъ...

— Да мальчики удалые... замѣтилъ я.

— Тѣмъ скорѣй себѣ сломятъ голову... — ска- залъ мой собесѣдникъ, укладываясь снова рядомъ со мной.

На востокѣ заалѣла свѣтлая полоса.

Здѣсь какъ быстро темнѣетъ, такъ быстро и разсвѣтаетъ.

Скоро изъ-за сопокъ брызнули на землю первые лучи яркаго, жгучаго солнца.

Насталъ день.

Мой сосѣдь-офицеръ оказался правымъ.

Японскій отрядецъ, дѣйствительно, угостили какъ слѣдуетъ.

Шесть человѣкъ японцевъ лежали убитыми, по совершенно раздѣтыми.

— Что это значить?..

— Ихъ раздѣли китайцы... Это всегда бываетъ... Они по ночамъ шастаютъ, какъ гіены, и видятъ также, какъ онѣ.

Мнѣ бросился въ глаза одинъ убитый японскій солдатъ, лежавшій съ распростертыми руками.

Худенькій, маленькій, совершенно мальчикъ съ широко раскрытыми глазами, въ которыхъ мнѣ показалось, остановились слезы.

Кажется, до конца моей жизни я не забуду этой ужасной картины, достойной кисти, увы, покойнаго Верещагина, какъ протестъ противъ страшнаго общечеловѣческаго зла—войны.

На противоположныхъ двухъ сопкахъ располо-

жились въ большомъ числѣ японцы—ихъ маленькія фигурки перебѣгали съ мѣста на мѣсто.

Я ясно видѣлъ ихъ въ бинокль.

У насъ оказалось также нѣсколько легко раненыхъ и два контуженныхъ рикошетомъ.

— Самое скверное пораненіе это — рикошетомъ,—сказалъ мнѣ офицеръ,—контузія-то пустяки... Я говорю о ранахъ... Онѣ ужасны. Я самъ видѣлъ два пораненія... Одного ранило въ грудь и кусокъ легкаго вылетѣлъ черезъ спину... У другого сорвало кусокъ черепа, казаки подхватили его и повезли на перевязочный пунктъ на двухъ лошадахъ рядомъ, но, увы, не довели живого, отъ сотрясенія у него выпалъ мозгъ.

XXIX.

Терпѣнье, терпѣнье!

Командующій манджурской арміи А. Н. Куропаткинъ, произнесшій передъ отъѣздомъ въ дѣйствующую армію слова: „терпѣнье, терпѣнье, терпѣнье“, которыя несомнѣнно станутъ историческими, показалъ этимъ мудрое предвидѣніе совершающихся въ настоящее время передъ нашими глазами событій.

Видимо онъ весьма основательно не раздѣлялъ того высококомѣрнаго взгляда, который до начала войны, и частью послѣ ея начала былъ господствующимъ не только въ общественныхъ сферахъ, но и въ военныхъ кругахъ, на японцевъ какъ на совершенно неопасныхъ враговъ, на численность ихъ войскъ и на боевое ихъ качество.

Онъ хорошо зналъ и тогда, какъ знаютъ теперь всѣ, что борьба съ японцами будетъ упорна и продолжительна, что они, находясь по близости къ своей базѣ—морю, уже этимъ однимъ имѣютъ надъ нами преимущество численности, которой мы противопоставить свою численность можемъ лишь черезъ очень большой срокъ времени.

Онъ хорошо понималъ, что японцы взяли послѣднее слово военной науки и техники, что къ этому они прибавили чисто азіатскую хитрость и поразительную наблюдательность, и такимъ образомъ, въ общей сложности, представляютъ изъ себя болѣе чѣмъ серьезнаго противника.

Онъ принялъ тоже во вниманіе условія мѣстности, хорошо знакомой и привычной для японцевъ, а для насъ представляющей почти непреодолимую трудность.

Все это легло въ основу созданнаго имъ плана кампаніи, который до сихъ поръ блестяще выполняется,—выманить японцевъ изъ горъ на равнину, гдѣ и дать имъ рѣшительное сраженіе.

Гдѣ будетъ сраженіе еще неизвѣстно, но японцы, увлекшіеся легкостью, съ которой русскіе оставляютъ свои позиціи, уже достаточно зашли впередъ, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени дать возможность развернуться и нашей кавалеріи, нашей желѣзной пѣхотѣ и уже достаточно грозной артиллеріи.

Слѣдуетъ ли признать такимъ сраженіемъ бой на южномъ фронтѣ, начавшійся съ разсвѣта 10 іюля и продолжавшійся до 12-го іюля?..

Я думаю, что нѣтъ, и это не мое единичное

мнѣніе, а многихъ представителей генеральнаго штаба, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать по этому поводу, почти въ виду шедшаго боя, при громѣ артиллерійскихъ снарядовъ, при свистѣ пуль, многія изъ которыхъ перелетали на далекое пространство, но бессильно падали на землю, даже не зарываясь, какъ камешки.

— Это не рѣшительный бой—говорили они— вы увидите, что воюющіе останутся на своихъ позиціяхъ... Мы снова отступимъ...

— Снова отступимъ?—тревожно спросилъ я.

— Почему васъ это такъ пугаетъ?—улыбаясь сказалъ мнѣ симпатичный полковникъ генеральнаго штаба, фамилія котораго ускользнула изъ моей памяти.—Это такъ и слѣдуетъ...

Такъ и произошло.

Съ разсвѣтомъ 10 іюля наши казаки выдвинулись впередъ, спѣшили и, открывъ огонь, стали подходить къ позиціи японцевъ.

Послѣдніе, слѣдуя своему обыкновенію, подпустили ихъ, а затѣмъ открыли убійственный огонь и выслали пѣхоту.

На поддержку казакамъ выѣхала батарея, дала нѣсколько выстрѣловъ, снялась и укрылась въ другомъ мѣстѣ.

Японцы стали осыпать градомъ снарядовъ то мѣсто, откуда наша батарея дала первые выстрѣлы—это было довольно высокая сопка, которая вся была изрыта артиллерійскими снарядами.

Японцы стрѣляли съ комической, если можно только, при такихъ обстоятельствахъ, употребить это слово, настойчивостью.

Мѣжду тѣмъ наша батарея изъ прикрытія стала обстрѣливать японскія колонны, которыя казались, даже въ бинокль, темной вьющейся лентой.

Это былъ только мѣстный эпизодъ боя, разывравшагося на огромномъ пространствѣ между Нью-чжуаномъ и Дашичао.

Къ семи часамъ вечера 10 іюля бой утихъ.

Потери наши были въ этомъ мѣстѣ ничтожны.

Я вернулся въ Дашичао, гдѣ весь день 11 и утро 12 іюля, когда поѣздъ двинулся въ Харбинъ, слышалъ непрерывную канонаду.

Отъ прибывшихъ на станцію офицеровъ я узналъ, что у командующаго южнымъ отрядомъ генерала барона Штакельберга было 20 баталіоновъ пѣхоты, бригада артиллеріи и дивизія казаковъ, и что онъ стягиваетъ свои силы вокругъ японцевъ.

Позиція послѣднихъ положительно засыпана русскими артиллерійскими снарядами, но вслѣдствіе высоты позицій ими не было причинено много вреда.

Это происходило на востокъ отъ Дашичао, въ горной мѣстности.

Атаку вела дивизія подъ командой генерала Кондратовича.

По словамъ офицеровъ, наши солдаты уже стали примѣняться къ мѣстности и безъ труда лазать по прежде трудно проходимымъ для нихъ сопкамъ.

Къ чему только не примѣнитъ русской солдатъ.

— Теперь ужъ казакъ лѣзетъ на сопку съ лошадыю въ поводу и, достигнувъ вершины, высовываетъ только одну голову и смотритъ, а прежде,

бывало, вытянется во весь ростъ и стоитъ какъ столбъ... Понятно, что японцы, увидя постъ, могутъ сообразить, особенно имѣя карты полверсты въ дюймѣ, гдѣ находится бивакъ и начать его обстрѣливать почти съ математической точностью... Ихъ часовые обыкновенно лежатъ, ихъ и не видно... Принаровились ложиться теперь и наши, отбросивъ русскую откровенность...

Мой собесѣдникъ оказался человѣкомъ бывалымъ, долгое время проведенный въ отрядѣ генерала Ренненкампа, сильно тревожившемъ японцевъ своими быстрыми передвиженіями.

Разговоръ перешелъ на самое больное мѣсто настоящей войны—участіе въ ней китайцевъ и хунхузовъ.

— Кто ихъ разберетъ—сказалъ онъ—мирный ли онъ китаецъ или хунхузъ... На моихъ глазахъ былъ такой случай... Идешь съ развѣздомъ мимо поля... На немъ работаютъ китайцы... Только отошли на значительное разстояніе, какъ сзади раздаются выстрѣлы... Это стрѣляютъ по насъ тѣ же китайцы...

— И вы ихъ не преслѣдуете?

— Какъ тутъ преслѣдовать... Онъ выстрѣлитъ и убѣжитъ, спрячетъ ружье въ укромномъ мѣстѣ и опять „мирный китаецъ“. А объ сигнальщикахъ-китайцахъ нечего и говорить... Только остановишься какъ-нибудь съ отрядомъ, вдругъ съ сопки столбъ дыма.... Это китаецъ зажегъ приготовленный заранѣе на вершинѣ стогъ соломы гаоляна и тоже убѣжалъ,—ищи его...

Въ это время поѣздъ тронулся и мы разстались.

Въ Харбинѣ ходять упорные слухи, что мы очистили Дашичао и Инкоу, но японцы не заняли еще ни того, ни другого.

Слухи эти подтверждаются тѣмъ, что А. Н. Куропаткинъ, побывавъ въ Аньпинѣ въ восточномъ отрядѣ графа Келлера, гдѣ также, какъ слышно, происходилъ бой, перенесъ свою главную квартиру въ Хайченъ.

Японцы видимо идутъ на Ляоянъ кольцомъ и хотятъ окружить его.

Подъ Ляояномъ и произойдетъ вѣроятно рѣшительное сраженіе.

Таково мнѣніе здѣшнихъ высшихъ военныхъ сферъ.

Поживемъ—увидимъ!

XXX.

Бой подъ Дашичао.

Только послѣ двухмѣсячной жизни въ вагонахъ, грязныхъ китайскихъ фанзахъ, въ палаткахъ и подъ открытымъ небомъ на бивакахъ, проведя сутки въ приближающейся къ человѣческой обстановкѣ въ городѣ Харбинѣ, можно кое-какъ разобраться въ томъ страшномъ, мучительномъ впечатлѣніи, которое я вынесъ изъ послѣдняго боя подъ Дашичао—для меня, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно послѣдняго, такъ какъ мои нервы окончательно не выдержатъ повторенія подобнаго испытанія.

Я какъ-то уже имѣлъ случай замѣтить, что современные битвы лишены поэзіи.

Поэтому и художникамъ здѣсь дѣлать нечего— онѣ могутъ интересоваться лишь орудейныхъ техниковъ.

Личная храбрость, удаль, сметка, сила, выносливость—качества, отличающія русскаго солдата и вызывавшія удивленіе великихъ полководцевъ всего міра, теряютъ всякое свое значеніе подъ свинцовымъ дождемъ артиллерійскихъ снарядовъ, Богъ вѣсть откуда осыпающихъ людей, такъ какъ непріятель даже не видѣнъ невооруженному биноклемъ глазу, или-же въ лучшемъ случаѣ видны только какіе-то темные движущіяся массы.

Такъ было и при Дашичао.

Я воспользовался любезностью одного капитана генеральнаго штаба, предложившаго мнѣ свою вторую лошадь, и поѣхалъ въ шестомъ часу утра отъ станціи Дашичао по направленію слышавшейся канонады.

Отѣхавъ около 7 верстъ, мы приблизились къ деревнѣ Чангацзы, откуда начинались наши позиціи.

— Эта деревня—сказалъ мнѣ мой спутникъ— замѣчательна недавнимъ подвигомъ нашего невооруженнаго солдатика, который, войдя въ одну изъ фанзъ, засталъ въ ней двухъ японскихъ солдатъ и китайца въ мирной бесѣдѣ. Винтовки были положены въ сторонѣ. Солдатикъ не растерялся и бросился на японца, схватившаго было винтовку, другой убѣжалъ въ окно, позабывъ свою. Японецъ съ винтовкой не успѣлъ опомниться, какъ солдатикъ отнялъ у него винтовку, повалилъ на землю и приперъ колѣномъ въ грудь. Держа отнятую

винтовку въ лѣвой рукѣ, онъ правой схватилъ остолбенѣвшаго отъ неожиданности хозяина-китайца за косу, обмоталъ ею руку и взявши этой же рукой за шиворотъ японца, доставилъ своихъ плѣнниковъ на постъ.

— Какъ звали нашего солдатака?

— Этого не съумѣю вамъ сказать.

Мы приблизились къ нашимъ позиціямъ.

Артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ былъ страшно силенъ.

При этомъ я замѣтилъ, что наши орудія даютъ при выстрѣлѣ легкій дымокъ, между тѣмъ какъ японскія не даютъ ни малѣйшаго, видѣнь только огонь, что указываетъ на посланную въ васъ шрапнель.

Я посмотрѣлъ въ бинокль и различилъ движущуюся между сопками черную ленту японской пѣхоты, которую обстрѣливали наши стрѣлки.

Наши батареи—говорятъ, что у насъ дѣйствовало болѣе ста орудій—направили свои выстрѣлы противъ непріятельскихъ баттарей.

Этихъ баттарей не было видно даже въ мой, довольно сильный бинокль.

Ихъ расположеніе можно было только опредѣлить по мелькавшимъ огонькамъ.

Едва видимая пѣхота, въ свою очередь, отстрѣливалась отъ нашей.

Въ воздухѣ стоялъ какой-то трескъ и гулъ, заглушавшій свистъ пуль и шипъ шрапнелей, которы были слышны лишь во время небольшихъ перерывовъ между выстрѣлами.

Пули долетали до насъ, но не причиняли намъ вреда, въ виду слишкомъ далекаго разстоянія.

Онѣ падали, какъ мелкіе камушки.

Поэтому меня крайне удивило, когда одинъ солдатикъ, стоявшій вблизи отъ меня, вдругъ упалъ какъ подкошенный.

— Онъ убить!—воскликнулъ я.

— Солнцемъ...

— Какъ такъ?

— Съ нимъ солнечный ударъ.

Несчастнаго солдатика понесли въ подвижной лазаретъ.

— Часты случаи солнечныхъ ударовъ?

— Нельзя сказать, чтобъ часты, но бываютъ...

Вѣдь солнце-то жжетъ какъ бѣшеное.

Дѣйствительно, воздухъ казался накаленнымъ, трудно было дышать и даже тонкая чечучевая сорочка и шаравары составляютъ страшную тяжесть.

Я не отрывался отъ бинокля.

Мнѣ ясно была видна одна изъ нашихъ баттарей, всѣ шесть орудій которой дѣйствовали прекрасно и, видимо, приносили сильный ущербъ непріятельской.

Японскія баттары сосредоточили на ней свой убійственный огонь, но долго безрезультатно.

Ихъ снаряды или недолетали, или перелетали и рвались сзади.

Кстати мнѣ по поводу перелета снарядовъ говорилъ одинъ артиллеристъ.

— Самое худшее, когда граната упадетъ сзади и шипить... Впереди ее по крайней мѣрѣ видишь,

а тутъ только слышишь, и повернуться жутко... Неприятное чувство... Шрапнель та лучше, разрывается въ воздухѣ, а граната брякается на землю и начнетъ крутить и шипѣть, кажется, цѣлую вѣчность...

Но я прервалъ нить моего разсказа.

Послѣ довольно продолжительной безрезультатной бомбардировки нашей батареи вдругъ я увидѣлъ, какъ одно изъ орудій, какъ живое, подпрыгнуло и затѣмъ склонилось,

— Подбили таки одно орудіе...—раздался возлѣ меня голосъ моего сосѣда, тоже смотрѣвшаго въ бинокль. Теперь пойдутъ крошить по прицѣлу... Надо перемѣнить мѣсто...

Батарея вскорѣ дѣйствительно, исчезла изъ поля моего зрѣнія.

Она перемѣнила позицію.

Канонада и стрѣльба продолжалась, но между противниками разстояніе не уменьшалось.

— Почему же наши стрѣлки не переходятъ въ наступленіе и не бросаются въ штыки?—вырвалось у меня.

— Это невозможно! Японцы не принимаютъ, штыкового удара.

— А какое намъ дѣло, что не принимаютъ, ударить, да и только...

— Они быстро раступятся, впустятъ въ середину и откроютъ ружейный огонь съ боковъ... Штыковая работа съ ними можетъ быть только ночью.

Совершенно разбитый, оглушенный, съ подавленными нервами я поѣхалъ назадъ на станцію

Дашичао, откуда позднимъ вечеромъ долженъ былъ отходить поѣздъ въ Харбинъ, но онъ отошелъ только утромъ.

Въ моментъ отправленія поѣзда бой продолжался.

Какъ я узналъ впоследствіи, онъ окончился въ 11 часовъ вечера и возобновился на другой день.

Настоящая война отличается продолжительностью боя.

Японцы имѣютъ надъ нами преимущество количествомъ выпускаемыхъ снарядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ объясняется и медленность ихъ движенія.

Это мнѣніе высказалъ мнѣ подполковникъ генеральнаго штаба Д. Э. Конге.

— Почему?

— Это типичная, характерная десантная, операція. База у нихъ море. Подвозъ снарядовъ близокъ... Они выпускаютъ ихъ безъ счета, а затѣмъ останавливаются, укрѣпляются и только съ подвозомъ новыхъ идутъ далѣе.

Уже по дорогѣ въ Харбинъ я узналъ, что бой происходилъ на другой день въ теченіи четырнадцати часовъ съ большими потерями съ обѣихъ сторонъ, но мы не могли удержать нашу позицію и отошли въ полномъ порядкѣ къ Хайчену въ 50 верстахъ отъ Ляояна.

По общимъ отзывамъ, наши солдаты проявили изумительное мужество и стойкость.

Но что въ этомъ случаѣ мужество противъ свинцоваго града.

Мнѣ невольно припомнилось при этомъ выска-

занное не разъ академиками Д. И. Менделѣевымъ и И. Р. Тархановымъ мнѣніе, что усовершенствованіе въ дѣлѣ военной техники и смертоубійственныхъ орудій сдѣлаеть то, что въ концѣ концовъ война будетъ невозможной.

Къ этому и идетъ.

Уже теперь люди сражаются другъ съ другомъ, зачастую не видя врага.

Причемъ же здѣсь люди и ихъ смерть?

Въ числѣ раненыхъ при Дашичао генераль-маіоръ Шишковскій.

Маститый генераль раненъ шрапнелью въ руку выше локтя, причемъ повреждены большіе нервы.

Осколокъ шрапнели извлеченъ въ санитарномъ поѣздѣ, и генераль, человѣкъ здоровый и сильный, вѣроятно скоро оправится отъ раны.

Командовавшій баттареей капитанъ Побуковскій раненъ пулями въ поясицу и бедро.

Поручикъ артиллерійской бригады Лѣнивцевъ раненъ пулей въ поясицу.

Дѣятельное участіи въ оказаніи хирургической помощи во время боевъ при Дашичао принималъ летучій лазаретный отрядъ имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

XXXI.

Занятіе Инкоу японцами.

Харбинъ пореполненъ офицерами разныхъ родовъ оружія.

Это не только офицеры мѣстныхъ частей войскъ,

составляющій запасъ дѣйствующей арміи, или тѣхъ частей, которыя идутъ изъ Россіи на театръ военныхъ дѣйствій и временно останавливаются въ Харбинѣ, но и офицеры, уже побывавшіе на передовыхъ позиціяхъ, окрещенные непріятельскимъ огнемъ, болѣе или менѣе сильно раненые, заболѣвшіе, и отправленные сюда на поправку, или же временно командированные въ тылъ арміи за разными запасами, необходимыми войскамъ тамъ, на поляхъ брани.

Встрѣчи и бесѣды съ послѣдними представляютъ особый интересъ.

Въ то время, когда раненые и больные офицеры уже обжились въ Харбинѣ и ихъ воспоминанія относятся къ болѣе раннимъ, всесторонне и много разъ описаннымъ эпизодамъ войны, командированные являются со свѣжими новостями, находятся подъ ихъ свѣжимъ впечатлѣніе и довольные сравнительнымъ, такъ долго неиспытаннымъ при бивачной жизни, харбинскимъ комфортомъ, дѣлаются общительнѣе и разговорчивѣе.

Ихъ рѣчи и воспоминанія льются безъ конца.

Къ сожалѣнію командированные офицеры въ тылу арміи сравнительно рѣдки.

Мнѣ сегодня, однако, удалось встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ, бывшимъ поручикомъ павлоградскаго полка, нынѣ сотникомъ 5 сибирскаго казачьяго полка Чариковымъ.

Онъ все время находился въ отрядѣ генерала Самсонова, оперировавшемъ между Гайджоу и Ньючжуаномъ или Инкоу.

Сотникъ Чариковъ провелъ памятную для рус-

скихъ жителей этого послѣдняго города ночь на 12 іюля, когда они принуждены были поспѣшно очистить городъ, въ Инкоу.

Вотъ какъ онъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ.

— Я пріѣхалъ въ Инкоу для закупки подковъ и другого провіанта для отряда 11 іюля и остановился въ гостиницѣ „Маньчжурія“. Это англійская, самая комфортабельная гостиница, съ прекраснымъ табль-д’отомъ, съ великолѣпно обставленными, въ смыслѣ удобствъ, нумерами. Со мной, по счастію, было шесть казаковъ. Закупивъ провіантъ и заказавъ подковы, я съ аппетитомъ поужиналъ въ гостиницѣ и съ наслажденіемъ растянулся на мягкой постели. Вы вѣроятно, испытали это отрадное чувство здѣсь, въ Харбинѣ, послѣ вашихъ скитаній по Ляояну, Хайчену, Дашичао и бивакамъ передовыхъ позицій... Но вы не истомлялись на десятую долю такъ, какъ мы, казаки, безсмѣнно находившіеся на передовыхъ позиціяхъ, носъ съ носомъ съ неприятель, всегда на чеку, лишеныя удобствъ, а подчасъ и возможности, вслѣдствіе постоянныхъ передвиженій, утолить свой голодь... Да и Харбинъ не можетъ сравняться съ Инкоу... Поэтому вы должны удесятерить, по крайней мѣрѣ, мое наслажденіе... И такъ я легъ въ свѣжую мягкую постель, и сладкую истому вскорѣ смѣнилъ крѣпкій сонъ... Вдругъ — страшный стукъ заставилъ меня вскочить съ постели... Съ просонокъ я съ трудомъ понялъ, что стучать мою дверь... Отворяю—передо мной стоитъ одинъ изъ моихъ казаковъ...

— Чего тебѣ?

— Такъ что, ваше благородіе, уходить надо...

— Почему?

— Такъ что идутъ японцы...

— Я быстро одѣлся, сдалъ казаку свой небольшой багажъ и вышелъ на улицу... Тамъ уже все было въ тревогѣ... Русскіе бѣжали къ катеру, который долженъ былъ перевезти ихъ на станцію желѣзной дороги, понукая китайцевъ, несшихъ за ними ихъ багажъ и всякій домашній скарбъ... Много въ этой трагической обстановкѣ было и комическаго. Слышался плачъ женъ, воркотня мужей. Особенно комичны были фигуры одного чиновника и чиновницы, затѣявшихъ на улицѣ семейную сцену... Я нашелъ моихъ казаковъ около почты, гдѣ тоже была суета, складывались тюки корреспонденцій, посылокъ, служебныхъ книгъ и бумагъ... Казаковъ я отправилъ въ отрядъ, а самъ поспѣшилъ на катеръ... Въ толпѣ я наткнулся на что-то ногой, нагнулся посмотрѣть и выронилъ изъ наружнаго бокового кармана моей рубашки портсигаръ... Мнѣ стало жаль потерять его, началъ искать, нашелъ, но это промедленіе было для меня роковымъ... Катеръ ушелъ. Можно было, конечно, добраться до станціи по берегу излучины рѣки Ляохе, но это очень далеко и при томъ въ городѣ не было ни одного свободнаго рикши. Въ это время показался приближающій къ берегу катеръ... Надежда добраться на немъ до станціи мелькнула въ душѣ, но не надолго. Катеръ, оказалось, прибылъ за градоначальникомъ и его канцеляріей... Тутъ между китайцемъ-командиромъ катера и мною разыгралась любопытная сценка.

— Когда отойдетъ катеръ?—спросилъ я.

— Когда прикажетъ градоначальникъ...

— Онъ знаетъ, что ему приготовили катеръ?

— Не знаю, я даже не знаю, гдѣ онъ здѣсь живетъ...

— Какъ же это вы, командиръ катера, пріѣхали за градоначальникомъ и не знаете, гдѣ найти его...

Но китаецъ остался видимо при полномъ убѣжденіи, что это въ порядкѣ вещей.

— Видя, что толку тутъ не добьешься, я нанялъ китайскую шаланду и поѣхалъ на станцію. Пріѣзжаю, поѣзда нѣтъ!

— Гдѣ поѣздъ?

— Онъ стоитъ за двѣ версты отсюда.

— Почему?

— Видите, что разрушаютъ путь...

И дѣйствительно солдатики уже снимали шпалы и рельсы и ломали стрѣлки и т. д.

— Пройдя версты двѣ, я нашелъ поѣздъ, который уже въ теченіи нѣсколькихъ недѣль стоялъ на станціи подъ парами на случай отступленія... Меня поразило то, что въ поѣздѣ было довольно много свободнаго мѣста. Я обратился за разъясненіемъ этого къ одному изъ желѣзнодорожныхъ агентовъ...

— Въ виду того, что поѣздъ долженъ отойти далеко отъ города, многіе побросали свои пожитки. а нѣкоторые просто остались въ городѣ...

Жители впрочемъ все еще прибывали и поѣздъ въ концѣ-концовъ наполнился и отошелъ къ Дашичао.

Тѣсно впрочемъ не было.

Японцы, какъ извѣстно, заняли Инкоу.

Они вошли въ городъ около пяти часовъ дня 12 іюля и поставили посты.

Китайскія городскія власти вышли имъ на встрѣчу, милиція перешла на ихъ сторону.

Нашъ горнизонъ до этого времени, конечно, успѣлъ оставить городъ, увезя всѣ интендантскіе запасы.

Къ вечеру въ городъ вступилъ отрядъ японской пѣхоты, состоящей изъ совершенно молодыхъ солдатъ.

Оставшіеся русскіе подданные находятся подъ покровительствомъ французскаго консульства, и на ихъ домахъ развѣваются французскіе флаги.

— Въ сколькихъ верстахъ отъ города были японцы, когда началось очищеніе Инкоу?—спросилъ я сотника Чарикова.

— Верстахъ въ десяти...

— Долго, какъ вы думаете, удержатся тамъ японцы?..

— Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ! Вся русская администрація Инкоу живетъ въ настоящее время въ Харбинѣ въ вагонахъ, готовая, вернуться тотчасъ по взятіи Инкоу обратно, но во-первыхъ, наши военныя операціи отодвинулись теперь дальше на сѣверъ между Хайченомъ и Айсазаномъ, а во вторыхъ, японцы, конечно, постараются удержать за собою Инкоу, сдѣлавъ изъ него базу для доставленія продовольствія... Не даромъ они проводятъ дорогу отъ Гайджоу къ морю... Устье рѣки Ляохе для нихъ драгоцѣнно...

— А какая судьба постигла канонерскую лодку „Сивучь?“. Вѣдь онъ стоялъ въ устьѣ Ляохе?..

— Этого я не знаю! я ее не видалъ въ Инкоу и когда спросилъ, гдѣ она, мнѣ сказали, что „Сивучь“ ушелъ за двадцать верстъ вверхъ по теченію... Быть можетъ онъ направился къ Хайчену...

Рѣка Ляохе на всемъ этомъ пространствѣ судходозна для мелкихъ морскихъ судовъ.

Послѣ разсказа объ очищеніи Инкоу, сотникъ Чариковъ перешелъ къ отдѣльнымъ эпизодамъ изъ жизни южнаго отряда генерала Самсонова.

— Кавалерія въ настоящую войну — началъ онъ — несетъ тяжелую службу... Она вездѣ на передовыхъ позиціяхъ и въ силу этого ежедневно терпитъ, хотя и незначительную, но постоянную убыль въ людяхъ убитыми или ранеными... Она же подвергается всевозможнымъ ухищреніямъ японцевъ... Не такъ давно былъ, напримѣръ, слѣдующій случай. Стоитъ на посту ночью казакъ и видитъ близъ него кто-то ползеть...

— Кто идетъ?

— Свой...

— Кто свой?

— Раненый, ползу...

На этотъ разговоръ подошелъ унтеръ-офицеръ и началъ продолжать допросъ:

— Ты чей?

Это казацкомъ языкѣ значитъ, какого полка.

Но ползущій, какъ оказалось потомъ, японецъ, не понялъ этой формы рѣчи, или-же лексиконъ выученныхъ имъ русскихъ словъ истощился, только

онъ повернулъ обратно и, пригнувшись, побѣждалъ, за нимъ побѣждало еще нѣсколько человѣкъ, но пуля часового положила „своего раненаго“ на мѣстѣ.

— Многіе японцы выучились говорить по русски и этимъ пользуются для введенія русскихъ въ заблужденіе... Наглы они ужасно... Но и русскіе уже приноровились къ нимъ и не остаются у нихъ въ долгу. Четыре японскихъ кавалериста, съ цѣлью разсмотрѣть расположеніе нашего отряда, пробрались съ фланга на горку, засѣянную гаолянѣ... Но въ гаолянѣ былъ нашъ разъѣздъ изъ четырехъ казаковъ... Увидя непрошенныхъ и безцеремонныхъ гостей, наши притаились въ гаолянѣ и стали ждать... Впереди ѣхалъ одинъ японскій драгунъ, а сзади трое... Имъ показывали дорогу нѣсколько китайцевъ... Какъ только первый японецъ поровнялся съ залегшимъ въ гаолянѣ нашимъ казакомъ, послѣдній вскочилъ и за ноги стащилъ его съ сѣдла на землю... Тотъ не успѣлъ выхватить сабли, какъ уже былъ скрученъ нашимъ казакомъ. Остальные японцы бросились на утекъ. Нашимъ казакамъ достались только проводники-китайцы, да стащенный съ сѣдла японскій драгунъ. Первыхъ они привязали косами другъ къ другу и доставили всѣхъ своихъ плѣнниковъ живьемъ въ штабъ отряда.

— Чѣмъ вы объясняете эту смѣлость японцевъ?

— Пьянствомъ! Ихъ положительно спаиваютъ „ханшиномъ“. Отъ плѣнныхъ, раненыхъ и убитыхъ такъ и несетъ отвратительнымъ запахомъ

этой китайской водки. Ханшинъ—вѣдь это такое снадобье, что стоитъ, напившись съ вечера, выпить на другой день воды, какъ человѣкъ дѣлается снова пьянымъ...

— Не извѣстны-ли вамъ какіе-нибудь еще интересные военные эпизоды послѣдняго времени?—спросилъ я.

— Пожалуй, вотъ случай съ моимъ товарищемъ по полку, тоже бывшимъ поручикомъ павлоградскаго полка Ванъ-Бенингеномъ. Его спасъ отъ смерти висѣвшій у него на груди большой эмалированный крестъ. Въ кавалерійской атакѣ японскій офицеръ нанесъ ему ударъ саблей, но ударъ пришелся по кресту и былъ такъ силенъ, что вся эмаль съ креста слетѣла, но это препятствіе сдѣлано то, что сабля соскользнула и у Ванъ-Бенингена оказалось лишь разрублено лѣвое плечо, а иначе-бы была разрублена вся грудь...

* *
* *

Въ Харбинѣ мнѣ удалось видѣть два интересныхъ документа.

Одинъ изъ нихъ письмо на французскомъ языкѣ нѣкоего Гофонга изъ Чуфу.

Въ немъ онъ рассказываетъ одному офицеру, что обращался къ японскимъ властямъ съ просьбою разрѣшить его женѣ выѣхать изъ Портъ-Артура, но получилъ категорическій отказъ.

„Впрочемъ—замѣчаетъ онъ—сюда, въ Чифу, очень часто пріѣзжаютъ изъ Портъ-Артура русскіе, которые сообщаютъ, что въ крѣпости жизнь идетъ своимъ чередомъ, спокойно и даже весело,

поэтому онъ, Гофонгъ, не особенно тревожится за свою жену.“

Другой документъ—это два письма раненаго и взятаго въ плѣнъ японскаго офицера Хоа-ю-ди, адресованныя въ Японію въ городъ Іоко-Кень, нѣкому Ито, а другое—ротмистру кавалеріи Сазаки.

Письма писаны, конечно, по японски, но къ нимъ присоединенъ сдѣланный здѣсь переводъ.

Авторъ писемъ не нахвалится обращеніемъ съ нимъ русскихъ властей, офицеровъ и солдатъ и замѣчаетъ, между прочимъ что на его здѣсь положеніи всецѣло оправдывается японская пословица: „Съ ружьемъ—врагъ, безъ ружья—пріятель“.

XXXII.

Бой подъ Сихеяномъ.

Я уже писалъ о боѣ подъ Сихеяномъ отряда генерала Гершельмана.

Спѣшу теперь подѣлиться подробностями этого славнаго боя, полученными мною отъ одного изъ его участниковъ, штабъ-ротмистра Шацкаго.

Отрядъ нашъ—сообщаетъ онъ—въ составѣ шести баталіоновъ пѣхоты, четырехъ батарей 9 артиллерійской бригады и пяти сотенъ нашего 1-го аргунскаго казачьяго полка занималъ укрѣпленную позицію у деревни Сихеянь.

Позиція недурна, но, какъ и всѣ онѣ здѣсь, обходилась съ обоихъ фланговъ, вслѣдствіе чего

для противодѣйствія необходимо было отрядить два баталіона и горную старую баттарюю.

Слѣдовательно, на позиціи осталось четыре баталіона и 32 орудія.

5 іюля, часовъ около двухъ дня началась перестрѣлка на заставахъ, и не прошло часу времени, какъ показались густыя цѣпи японской пѣхоты, спускавшіяся большими массами съ горъ.

Артиллерія наша открыла по нимъ огонь, что заставило ихъ пріостановиться, но черезъ нѣкоторый промежутокъ времени ихъ наступленіе вновь возобновилось и уже съ большей энергіей, особенно въ обходъ нашего праваго фланга.

Наша артиллерія открыла по наступающимъ убійственный огонь и, несмотря на всевозможныя закрытія, высокій гаолянъ, скрывавшій совершенно наступающія колонны, клала ихъ массами.

Часовъ около шести начался и ружейный огонь, который японцы развили до страшной силы.

Баттарей ихъ не выѣзжали, такъ какъ сдѣлать это было невозможно въ виду трудности выѣзда на позицію.

Перестрѣлка продолжалась безостановочно, орудія наши громыхали до самой темноты и уже съ наступленіемъ мрака снялись, оставивъ ночью дежурныя орудія.

Ружейная перестрѣлка продолжалась тоже до поздняго вечера.

Часовъ около девяти вечера пріѣхалъ къ полку подполковникъ Гурко и передалъ приказаніе генерала Гершельмана атаковать непріятельскую кавалерію.

лерію, появившуюся передь фронтомъ позиціи, т. е. передь нашими окопами.

Мы на рысяхъ двинулись исполнять приказаніе, но передь деревней Сихеянъ, за которой шель спускъ къ рѣкѣ, остановились, выславъ впередь лаву изъ сборной сотни казаковъ 2-й, 4-й и 5-й сотенъ.

Не смотря на то, что я командовалъ 5 сотней, послѣднюю я оставилъ на мѣстѣ, а самъ, какъ знающій Сихеяцкую позицію, какъ свои пять пальцевъ, съ сотникомъ Бакшеевымъ повелъ лаву впередь.

Пройдя окопы, на самомъ берегу рѣки, я пріостановился и сталъ спрашивать стрѣлковъ о кавалеріи, и уже двинулся впередь черезъ рѣку, какъ блеснула линія огней съ того берега и насъ осыпали дождемъ пуль.

Какъ мы вывернулись и прибыли къ полку, одинъ Господь знаетъ, но уцѣлѣли всѣ и только потеряли нѣсколько лошадей.

Японская цѣпь, какъ оказалось, была на томъ берегу рѣки и стрѣляла по насъ въ 100—150 шаговъ.

Этимъ эпизодомъ окончился бой 5 іюля.

Остальныя сотни полка тоже были осыпаны пулями, но потерь въ людяхъ не было.

Въ два часа ночи я сталъ съ сотней на лѣвомъ фронтѣ позиціи съ цѣлью ея прикрытія отъ ближайшаго обхода, разставилъ посты на рѣкѣ, сотню размѣстилъ въ деревнѣ, чтобы прикрыть отъ могущаго быть огня, а самъ сталъ наблюдать передвиженіе нашихъ войскъ.

Въ три съ половиною часа начался разсвѣтъ

чуднаго утра и ровно въ четыре грянулъ орудійный залпъ со стороны японцевъ.

Наши батареи отвѣтили частымъ огнемъ, и началась борьба стальныхъ чудовищъ.

Часа два безостановочно грохотали орудійные выстрѣлы.

Наши развили адскій огонь, японцы отвѣчать не успѣвали и стрѣляли не особенно мѣтко, такъ что потерь у насъ было мало.

Затѣмъ канонада прекратилась минутъ на пятнадцать, но потомъ возобновилась съ такой страшной силой, что все гудѣло и стонало, и тутъ-то выяснилось, что у нихъ имѣется шесть или семь баттарей.

Шрапнели рвались всюду.

Кажется не было мѣста, куда бы японцы не бросали свои снаряды.

Но разгуляться имъ не дали.

Наши батареи дѣйствовали выше всякой похвалы и, несмотря на убійственный огонь, прислуга работала какъ на ученьи.

Наши шрапнели рвались подъ самыми японскими баттареями, и въ бинокль отлично было видно, какой безпорядокъ и суету производили онѣ на непріятельскихъ баттареяхъ, которыя съ каждой минутой стрѣляли все хуже и хуже.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ двѣ японскія батареи замолчали окончательно—погубило ихъ желаніе занять новую, болѣе удобную позицію.

Сняться имъ дали, но вѣхаться уже не удалось! Около половины перваго начались ружейныя

перестрѣлки, которыя походили скорѣе на барабанную дробь, то усиливаясь, то уменьшаясь.

Около этого времени пришло донесеніе, что три роты съ горной батареей обходятъ нашъ лѣвый флангъ, имѣя тяготѣніе къ рѣкѣ съ цѣлью выйти на Гутцяузы, и тогда же сдѣлалось извѣстно, что японцы обходятъ и правый флангъ, и тамъ уже давно, сзади позиціи идетъ бой нашихъ пяти ротъ.

Къ тремъ часамъ дня японцы подтянули всѣ свои силы и готовились къ общей атакѣ.

Въ это время нашимъ батареямъ пришло приказаніе сниматься съ позицій и вытягиваться по дорогѣ на Гутцяузы, что и было исполнено съ замѣчательнымъ искусствомъ и неожиданно для японской артиллеріи, которая открыла страшный огонь только тогда, когда всѣ орудія были свежены внизъ и потому стрѣльба ихъ была безрезультатна.

Пѣхотный бой вступилъ въ свой фазисъ.

Трескотня, залпы сливались въ одинъ рокоть.

Японцы наступали густыми цѣпями, роились въ громадныя кучи и быстро приближались съ фронта позиціи.

Лѣзли они всюду, какъ тараканы изъ щелей.

На фронтѣ позиціи ихъ буквально разстрѣливали.

Весь берегъ рѣки былъ покрытъ трупами, вода окрашивалась кровью.

Японская артиллерія, освободившись отъ огня нашихъ батарей и почувствовавъ свободу, безпре-

рывными выстрѣлами и залпами стала посылать свои гостинцы въ наши окопы.

Сидѣть въ нихъ становилось невозможнымъ.

Около половины пятаго пришло приказаніе отступать, задерживаясь на удобныхъ мѣстахъ, и весь отрядъ постепенно сталъ втягиваться въ долину и отходить.

Японская кавалерія сдѣлала было попытку повести атаку по отступавшимъ цѣпямъ, но нѣсколькими залпами была разсѣяна.

Я, штабъ-ротмистръ Шацкій, съ своей 5-й сотней, и 2-я сотня подъ начальствомъ подъесаула Токмакова получили приказаніе атаковать японскую кавалерію, если она покажется, но ея и слѣдъ простылъ.

Поэтому пропустивъ весь отрядъ, спрятавшись въ разныхъ мѣстахъ, мы устроили засады, но пострѣлять не пришлось, такъ какъ японцы не показывались.

Отрядъ нашъ благополучно дошелъ до Гутцауза, гдѣ и сталъ бивакомъ.

Генераль Гершельманъ остался на 2-мъ этапѣ старо-ляоянской дороги въ деревнѣ Ляндесянъ.

На перевалѣ восточнѣе деревни Ляндесянъ стала на позицію 4-я Забайкальская казачья батарея подъ прикрытіемъ роты пѣхоты и сотни нашихъ казаковъ.

Я съ сотней сталъ на заставу и выставилъ посты.

Скоро совершенно стемнѣло.

Потери наши не особенно велики.

Артиллеристы потеряли 56 человекъ убитыми и ранеными.

По нашимъ подсчетамъ японцы имѣли въ бою около двухъ дивизій пѣхоты, а съ обходными колоннами ихъ было пожалуй и больше.

Насъ, слѣдовательно, было ровно въ три раза меньше.

Бой этотъ, поэтому, можетъ дѣйствительно назваться славнымъ.

XXXIII.

Въ тылу арміи.

Крайнимъ сѣвернымъ пунктомъ манджурской дѣйствующей арміи является городъ Харбинъ.

Это—тылъ арміи.

Познакомиться съ этимъ пунктомъ было очень интересно, особенно, когда мы, военные корреспонденты попали, волею судебъ, въ Харбинъ по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ.

Тылъ арміи это, такъ сказать, ея сердце и пищеводъ, отсюда она получаетъ свои жизненные силы и продовольствіе.

Всѣ эти органы тѣла дѣйствующей арміи и сосредоточены въ Харбинѣ.

Я нашель случай, при любезномъ содѣйствіи и д. начальника окружнаго штаба подполковника Д. Э. Конге, познакомиться насколько это возможно подробно со всѣми этими учрежденіями, имѣющими, какъ я уже сказалъ, огромное значеніе въ жизни того колоссальнаго тѣла, которое именуется „дѣйствующей арміей“.

Мы начали со сводныхъ госпиталей, какъ расположенныхъ по близости отъ Новаго Харбина.

Четыре барака этихъ госпиталей помѣщаются въ бывшихъ казармахъ, но тщательно отремонтированныхъ, свѣтлыхъ, чистыхъ и полныхъ воздуха.

Всѣ они одного типа, такъ что, описавши одинъ, можно имѣть полное представленіе о всѣхъ другихъ.

Это длинное каменное или деревянное зданіе, раздѣленное на двѣ палаты, по пятидесяти кроватей въ каждомъ, въ серединѣ помѣщается перевязочная и операціонная комната и комната для сестеръ милосердія.

Въ каждомъ баракѣ на стѣнѣ виситъ карта театра войны, и больные солдатики видимо ея очень интересуются, такъ какъ въ каждомъ посѣщенномъ мною баракѣ я видѣлъ около нея группу больныхъ и раненыхъ, состояніе здоровья которыхъ позволяетъ имъ ходить по бараку.

Почти всегда въ вазахъ и въ банкахъ букеты полевыхъ цвѣтовъ, собранные самими поправляющимися отъ ранъ солдатами во время прогулки по сосѣднему полю.

Въ каждомъ баракѣ есть маленькая библіотека.

Видъ у выздоравливающихъ и отправляющихся отъ ранъ довольно бодрый.

Всѣ они стремятся назадъ, на поле брани и, по словамъ врачей, надоѣдаютъ просьбой отправить ихъ обратно въ часть.

— При возможности, конечно, исполняешь это желаніе, но есть раненые, для которыхъ это не мыслимо, а между тѣмъ они только и живутъ этою мыслью, и отказъ волнуетъ ихъ...

Въ обоихъ госпиталяхъ штатныя сестры изъ

московской общины сестеръ милосердія „Утоли моя печали“, но кромѣ того, есть и сестры-доброволицы изъ дамъ мѣстнаго высшаго общества, Н. М. Конге, жена подполковника, изящная Л. П. Лазаревичъ, дочь генерала, начальника мѣстнаго инженернаго округа, г-жи Логинова и Мезенцова.

Л. П. Лазаревичъ, несмотря на юные годы, несетъ службу человѣколюбія наравнѣ со штатными сестрами милосердія, а г-жа Мезенцева обрекла себя на завѣдываніе кухней для офицерскихъ бараконъ, что является болѣе чѣмъ мучительнымъ при невыносимо жаркой погодѣ.

Докторъ А. Г. Делятицкій любезно указаль мнѣ на нѣсколько дѣйствительно интересныхъ оперированныхъ больныхъ.

Произведенныя имъ операціи доказываютъ, что докторъ очень искусный хирургъ.

Вотъ рядовой 36 сибирскаго восточнаго стрѣлковаго полка Иванъ Анисимовъ.

Онъ въ сраженіи подъ Вафангоу былъ раненъ пулею въ лобъ съ разрушеніемъ лѣвой глазницы, перенесъ тяжелую мозговую операцію.

Д-ръ Делятицкій вынулъ разрушенную глазницу, и теперь лѣвый глазъ раненаго находится лишь въ мякоти, а между тѣмъ раненый видитъ и въ настоящее время настолько поправился, что сидитъ, читаетъ и ходитъ.

Голова его, конечно, забинтована, но заживленіе идетъ въ полномъ порядкѣ.

Докторъ показаль мнѣ кости глазницы Анисимова, которыя хранятся у него въ спирту.

Другой, тоже раненый при Вафангоу, рядовой

34 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка Шифіу-нинъ.

Ему шрапнелью пробило черепъ, образовался мозговой нарывъ, пришлось сдѣлать операцію черепа—вскрытіе нарыва и выпускъ гноя.

Операція удалась въ совершенствѣ.

Любопытный экземпляръ раненаго не шрапнелью, не пулею, а головой своего товарища, представляетъ изъ себя рядовой Степанъ Меньшенинъ.

Онъ такъ стукнулся головой о голову своего однополчанина, что проломилъ себѣ темя.

Голова товарища осталась цѣла.

Послѣдній, вѣроятно, имѣетъ право, подобно фонвизинскому Скотинину, ударившись со всего размаху о каменные ворота, спросить: „Цѣлы ли ворота?“

Много совершенно оправившихся солдатиковъ раненыхъ въ грудь и въ животъ на вылетъ.

Но это все раны пулевья—въ данномъ случаѣ надо отдать справедливость японскимъ пулямъ: онѣ или убиваютъ на повалъ или пронизываютъ насквозь, не засоряя раны.

Впрочемъ, за послѣднее время японцы стали употреблять пули болѣе крупнаго калибра и даже надрѣзанныя, разрывныя, такъ называемыя „думъ-думъ“.

Самый большой процентъ пораненій въ ноги, иногда съ раздробленіемъ костей.

Много переломовъ ногъ отъ пуль и шрапнелей, а также отъ упавшихъ на ноги двуколокъ.

Всѣ эти раненые ходятъ тотчасъ по наложеніи повязки при помощи аппарата доктора Валковича.

Это очень несложный деревянный аппарат, позволяющій однако раненому передвигаться съ мѣста на мѣсто, не препятствуя процессу срастанія костей, и облегчающій уходъ за нимъ.

Съ такими аппаратами много раненыхъ бродятъ по баракамъ.

— Процессъ заживленія сквозныхъ пулевыхъ ранъ въ грудь и въ животъ идетъ чрезвычайно быстро,—сказалъ мнѣ въ другомъ баракѣ того же госпиталя д-ръ Э. В. Ланда-Безверхій изъ Кіева.

При этомъ онъ указалъ мнѣ на раненыхъ 11 роты 12 восточно-сибирскаго полка Севастіанова и 5 роты 11 восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка Ничугина.

Оба ранены подъ Тюренченомъ.

Севастіановъ въ лѣвое подреберье, причемъ пуля вышла въ спинѣ, около позвоночнаго столба, а Пичугинъ на вылетъ въ грудь.

Оба въ настоящее время совершенно оправились.

— Пользуетесь-ли вы при операціяхъ лучами Рентгена?—спросилъ я.

— Увы, нѣтъ! Рентгеновскій аппаратъ, и то неполный, только рентгеноскопъ, безъ рентгенографа, есть въ мѣстной желѣзнодорожной больницѣ. Мы же все еще ждемъ переносныхъ рентгеновскихъ аппаратовъ для двухъ кабинетовъ, но до сихъ поръ ихъ не получали...

Я невольно вспомнилъ петербургскаго д-ра Добрянскаго, который еще въ началѣ мая возбудилъ вопросъ о необходимости рентгеновскихъ аппаратовъ.

Любопытный больной лежитъ въ одномъ изъ баракѣвъ того же 2-го своднаго госпиталя.

Это вольноопредѣляющійся, сынъ недавно умершаго адмирала Лениша—Константинъ Ленишъ.

У него солнечный ожогъ спины, полученный на бивакѣ.

Вся спина еще и теперь свѣтло-бураго цвѣта.

Интересная операція черепа произведена д-ромъ М. Я. Хоршакомъ рядовому тобольскаго полка Леониду Шибанову.

Интересна самая личность этого солдата—онъ пошелъ на войну охотникомъ за своего родного брата, а до поступленія въ ряды арміи былъ послушникомъ въ монастырѣ.

У него пулевая рана за правымъ ухомъ, причемъ пуля проломила ему черепъ съ вдавленіемъ осколковъ костей.

Пришлось сдѣлать трепанацію черепа, вынуть осколки и часть мозговой ткани.

Раненый въ настоящее время чувствуетъ себя очень хорошо.

Завѣдуютъ другими бараками этихъ госпиталей д-ра Д. М. Шварцъ, М. Д. Гринбергъ и т. д.

Съ удовольствіемъ констатирую, что съ апрѣля мѣсяца, когда сталъ функціонировать 3-й сводный госпиталь, изъ 2500 человекъ больныхъ и раненыхъ умерло всего шесть отъ чахотки.

Офицерскій баракъ 9-го своднаго госпиталя помѣщается, какъ и другіе офицерскіе баракы, въ бывшихъ офицерскихъ квартирахъ, что придаетъ ему болѣе семейную и уютную обстановку.

Среди раненыхъ въ этомъ баракѣ находится

легко раненый въ лѣвую ногу и лѣвую руку на Финшулинскомъ перевалѣ братъ нашей извѣстной артистки М. Г. Савиной—хорунжий Н. Г. Подраменцовъ.

Возвращаясь изъ госпиталя, мы застали Харбинъ украшенный флагами.

Городъ готовится къ встрѣчѣ намѣстника Дальняго Востока, который прїѣзжаетъ завтра, въ 7 часовъ утра изъ Мукдена.

Госпитальное дѣло поставлено въ Харбинѣ болѣе чѣмъ образцово.

Въ настоящее время Харбинъ можетъ принять до 5500 больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ и 225 офицеровъ, а черезъ недѣлю—до 7500 нижнихъ чиновъ и 350 офицеровъ, независимо отъ баржъ и возможности дальнѣйшаго эвакуированія.

За больными и ранеными въ сводныхъ военныхъ госпиталяхъ особый тщательный уходъ и большая строгость при выпускѣ, чего, къ сожалѣнью, нельзя сказать о госпиталяхъ „Краснаго Креста“ и дворянскихъ и земскихъ отрядовъ.

Въ погонѣ за, такъ сказать, „статистическимъ успѣхомъ“, т. е. за наибольшимъ числомъ пропущенныхъ черезъ госпиталь больныхъ, они выпускаютъ недостаточно оправившихся.

Было нѣсколько случаевъ, когда такіе больные долечивались въ сводныхъ-военныхъ госпиталяхъ и довольно продолжительное время.

Нельзя не отдать справедливость военнымъ врачамъ, работающимъ въ харбинскихъ госпиталяхъ.

Они не ограничиваются этой тяжелой и утомительной работой, но находят время разрабатывать и общие вопросы, касающиеся практической медицины в военное время.

Такъ д-ръ Розовъ занятъ изслѣдованіемъ современныхъ пулевыхъ ранъ.

По его словамъ, раны эти отличаются по своему виду и теченію въ зависимости отъ разстоянія выстрѣла.

При выстрѣлахъ на 200 шаговъ наблюдается сильное разрушеніе костей.

На большомъ разстояніи раны отъ ружейныхъ пуль имѣютъ характеръ ушибленныхъ.

Докторъ Н. С. Безродный поднялъ очень важный и очень интересный вопросъ о вредѣ раннихъ манипуляціи надъ ранеными на перевязочныхъ пунктахъ передовой позиціи: зондированія, введенія турундъ, извлеченія пуль и тому подобныхъ оперативныхъ вмѣшательствъ.

— Для послѣднихъ,— сказалъ онъ мнѣ,— нѣтъ благоприятныхъ условій на передовыхъ перевязочныхъ пунктахъ, этапахъ, въ летучихъ госпиталяхъ. Трудно, почти невозможно соблюсти безусловную чистоту при этой работѣ и дать оперируемому необходимый покой при современной ихъ транспортировкѣ и эвакуаціи.

— Но что-же дѣлать?

— Примѣнять консервативный методъ леченія, т. е. ограничиваться асептической повязкой и сравнительнымъ покоемъ раненой части. Желательно было, конечно, при этомъ достаточное количество благоустроенныхъ госпиталей не только въ

тылу арміи, но и ближе къ самому театру войны и возможно удобное и покойное транспортированіе раненыхъ. Послѣднее оставляетъ въ настоящее время желать многого. Вы, конечно, знакомы съ арбами и двуколками?

— Къ несчастію, знакомъ!—отвѣтилъ я. — На нихъ ѣхать и здоровому—пытка...

— А на нихъ перевозятъ тяжело раненыхъ...

— За послѣднее время ихъ замѣняютъ крытыми носилками на двухъ мулахъ, идущихъ гусемь...—замѣтилъ я.

— Такихъ носилокъ мало, да и онѣ не представляютъ даже далекаго приближенія къ идеалу...

XXXIV.

Въ складѣ Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Убить генераль графъ Келлеръ!

Эта печальная вѣсть облетѣла Харбинъ еще 19 іюля вечеромъ.

Большая утрата для русской арміи!

Я еще не особенно давно былъ въ восточномъ отрядѣ, которымъ начальствовалъ покойный, и видѣлъ симпатичнаго генерала.

Какъ живой стоитъ онъ и теперь передо мной.

Онъ встрѣтилъ меня у своей болѣе чѣмъ скромной палатки рядомъ съ однимъ изъ своихъ любимыхъ развѣдчиковъ, поручикомъ Лангъ.

Глубокій, въ душу западающій взглядъ его глазъ какъ-то странно ясно представляется мнѣ

именно теперь, когда эти глаза сомкнулись на вѣки.

Онъ погибъ въ славномъ дѣлѣ у Далинскаго перевала, гдѣ наши три корпуса, перейдя въ наступленіе, отгѣснили японцевъ до Симучена.

Этотъ-то успѣхъ нашего орудія запечатлѣнъ смертью доблестнаго генерала.

Намѣстникъ Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востока генералъ-адъютантъ Е. И. Алексѣевъ, только что 19 іюля утромъ прибывшій въ Харбинъ и предполагавшій посвятить осмотру харбинскихъ учрежденій два дня, въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ обратно въ Мукденъ.

Его высокопревосходительство посѣтилъ только братскую могилу, гдѣ похоронены вольные дружинники, павшіе въ бою съ хунхузами, осаждавшими Харбинъ 13 іюля 1900 года, лагерь артиллеріи и отдѣленіе конскаго запаса, лазаретъ Дворянскаго отряда, Иверскую и Елизаветинскую общины Краснаго Креста, 1-й свободный госпиталь, казармы 17-го стрѣлковаго полка и складъ Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.

Складъ этотъ является однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ и благодѣтельныхъ учрежденій, созданныхъ для нуждъ русской арміи.

Его задача—раздача бесплатно офицерамъ и нижнимъ чинамъ всего необходимо, начиная съ бѣлья, одежды и кончая папиросами, табакомъ, книгами и бумагой съ конвертами для писемъ и проч.

Цѣлые транспорты съ этими вещами рассылаются въ части войскъ, расположенныя на театрѣ войны и на передовыхъ позиціяхъ.

Я встрѣченъ былъ въ складѣ помощникомъ завѣдующаго имъ капитаномъ Тыртовымъ, который любезно согласился быть моимъ чичероне по этому колоссальному учрежденію.

— Все, что вы видите здѣсь, кромѣ большого главнаго каменнаго зданія, устроено нами по пріѣздѣ сюда съ неимовѣрною быстротою. У каменныхъ флигелей были однѣ кирпичныя стѣны, сараевъ для складовъ вовсе не было. Этой быстротой мы всецѣло обязаны содѣйствію управленія Китайско-Восточной желѣзной дороги.

Складъ Государыни Императрицы Александры Θεодоровны представляетъ изъ себя цѣлый городокъ.

Въ главномъ одноэтажномъ каменномъ зданіи, куда провель меня капитанъ Тыртовъ, помѣщаются, если можно такъ выразиться, различныя склады, изъ которыхъ идетъ выдача вещей офицерамъ и нижнимъ чинамъ.

Каждый складъ помѣщается въ отдѣльной комнатѣ, заставленной деревянными полками отъ полу до потолка съ проходомъ между ними.

Первый складъ, въ который я вошелъ, былъ „посудный“.

Въ немъ было не много предметовъ хозяйственнаго обихода: чайниковъ, чашекъ, стакановъ, флягъ и проч.

— На этотъ отдѣлъ—сказалъ мнѣ капитанъ Тыртовъ—къ сожалѣнію обращено мало вниманія. Вѣдь складъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны существуетъ, какъ извѣстно, большею частью на пожертвованія част-

ныхъ лицъ, а жертвователи почему-то не считаютъ необходимыми для воиновъ вещи для хозяйственнаго обихода. Въ этомъ случаѣ онѣ очень и очень ошибаются...

Затѣмъ идетъ отдѣлъ книгъ, иконъ, письменныхъ принадлежностей.

Въ числѣ книгъ, раздаваемыхъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, находится сочиненіе Заіончковскаго: „Оборона Севастополя“; книга эта прислана Государемъ Императоромъ.

Среди письменныхъ принадлежностей обращаютъ на себя вниманія присланныя Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной „письма для безграмотныхъ“.

Это напечатанные бланки, составленные въ очень трогательныхъ выраженіяхъ, вполне припоровленныхъ къ чувствамъ русскаго солдата.

Въ немъ надо только „сестрѣ милосердія“ или грамотному товарищу заполнить мѣста для собственныхъ именъ, и письмо на родину готово.

Въ этомъ же книжномъ отдѣлѣ есть кистеты, табакъ, гильзы и даже одна балалайка.

Цѣлый ассортиментъ бѣлья и халатовъ для больныхъ.

— Въ этотъ отдѣлъ — сказалъ мнѣ капитанъ Тыртовъ — пожертворанія стекаются чрезвычайно обильно... Да и, вообще, есть очень любопытныя жертвы. Такъ недавно одинъ крестьянинъ прислалъ двѣ бутылки наливки для Е. И. Алексѣева и А. Н. Куропаткина съ трогательными надписями. Намѣстникъ, во время посѣщенія склада 19 іюля, взялъ самъ адресованную ему бутылку.

Мы обратили вниманіе, что многія полки въ отдѣлахъ пусты, и замѣтили объ этомъ нашему симпатичному спутнику.

— Это только доказываетъ, что складъ работаетъ успѣшно — улыбнулся онъ — не успѣваемъ приносить вещи изъ кладовыхъ, какъ онѣ уже разбираются... Каждую недѣлю мы снабжаемъ всѣмъ необходимымъ какъ прибывающія части, такъ и эвакуируемыхъ больныхъ и раненыхъ. По моему мнѣнію идеаль подобныхъ складовъ—пустота!

Я не могъ не согласиться съ этимъ остроумнымъ тезисомъ.

Въ складѣ во время моего посѣщенія кипѣла работа—распаковывались тюки сестрами милосердія и распредѣлялись по отдѣламъ пожертвованія.

Обращаетъ на себя вниманіе слуга при складѣ—красавецъ индусъ Кара-Синга.

Говорятъ, что онъ заставляетъ биться усиленно сердца многихъ харбинскихъ дамъ.

Мы перешли въ аптечный отдѣлъ склада.

Завѣдуетъ этимъ отдѣломъ провизоръ Д. Я. Блюменталь, помощникомъ у него г. Швецовъ, братъ доктора Швецова, попавшагося въ плѣнъ къ японцамъ подъ Тюренченомъ.

Отдѣлъ этотъ устроенъ образцово, масса лекарственныхъ запасовъ, перевязочныхъ средствъ, хирургическихъ инструментовъ и т. д.

На эту часть зданія, какъ мнѣ сообщили капитанъ Тыртовъ и Д. Я. Блюменталь, было въ концѣ апрѣля вооруженное нападеніе китайцевъ.

Слѣды ихъ пуль до сихъ поръ видны въ дверяхъ и окнахъ отдѣла.

Д. Я. Блюменталь контуженъ въ шею.

Рядомъ съ аптечнымъ отдѣломъ помѣщается роскошно устроенная, какъ по внѣшней отдѣлкѣ, такъ и по огромному комплекту лекарствъ и хирургическихъ инструментовъ „Царская аптека“. Здѣсь, между прочимъ, капитанъ Тыртовъ разсказалъ мнѣ любопытный эпизодъ съ конфискованными въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Харбина, содержимыхъ японцами, лекарствами.

Японцамъ было предложено выѣхать, товары ихъ были конфискованы, и Д. Я. Блюменталю было предложено изслѣдовать лекарства.. Опытъ имъ былъ произведенъ надъ собакой, которой былъ данъ порошокъ хины.. Собака околѣла. Оказалось, что всѣ лекарства были отправлены японцами примѣстью стрихнина и другихъ ядовъ..

Затѣмъ мы вмѣстѣ съ капитаномъ осмотрѣли многочисленные сараи, построенные изъ гофрированной жести.

Въ этихъ сараяхъ хранятся всевозможныя пожертвованія, платье, бѣлье, табакъ, сигары, консервированное и стерилизованное молоко, консервы, носилки для раненыхъ, костыли, палки, словомъ, перечислить все ихъ содержимое не представляется возможности.

Въ этихъ сараяхъ помѣщаются, впрочемъ, и склады „Краснаго Креста“, которыми завѣдуетъ тотъ же капитанъ Тыртовъ.

Въ сараяхъ также кипитъ усиленная дѣятельность—тамъ отбираютъ и упаковываютъ предметы для разсылки въ части на передовыя позиціи.

Я простился съ капитаномъ Тыртовымъ и побла-

годарилъ его за любезное сопровожденіе по этому интересному учрежденію и за сдѣланныя имъ разъясненія.

Для нуждъ дѣйствующей арміи рѣшено, какъ извѣстно, устроить военные огороды.

Главный изъ такихъ огородовъ, по количеству отведенной для него земли, находится въ полуверстѣ отъ Харбина.

Я отправился на эти огороды.

Въѣздъ въ нихъ, по случаю предполагавшагося посѣщенія намѣстника, за внезапнымъ его отъѣздомъ изъ Харбина несостоявшагося, украшенъ двумя арками изъ зелени съ національными флагами.

Туть-же построена очень хорошенькая бесѣдка, подъѣхавъ къ которой, я засталъ въ ней завѣдующаго „военными огородами манджурской арміи“—таково ихъ оффиціальное названіе, небезъизвѣстнаго А. В. Герцыга.

Онъ любезно принялъ меня, познакомилъ со своимъ помощникомъ, студентомъ новороссійскаго университета г. Шиттомъ завѣдующимъ огородомъ въ Іоамини.

Въ его сопровожденіи я объѣхалъ верхомъ огромную площадь военныхъ огородовъ.

Въ Харбинѣ эта площадь равняется $80\frac{1}{2}$ десятинамъ.

Картина этого огромнаго пространства огородной земли очень внушительна, хотя нельзя сказать, чтобы всходы овощей особенно были сильны.

Я откровенно высказалъ это А. В. Герцыгу, когда мы вернулись въ бесѣдку.

— Это происходит оттого,—сказалъ онъ—что мы нынѣшній первый годъ, работаемъ при исключительныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Во-первыхъ, только 10 мая прибылъ первый вагонъ съ сѣмянами и орудіями, а во вторыхъ, у насъ не было совершенно дождей. Периодическихъ дождей въ нынѣшній годъ, видимо, не будетъ совсѣмъ... Мы ждемъ дождичка, какъ манны небесной... Если его не будетъ—все сгорить...

— И вамъ придется, пожалуй, пѣть:

И зачѣмъ было огородъ городить,

И зачѣмъ было капусту садить...—пошутилъ я.

— Пожалуй, что и такъ...—согласился со мной А. В. Герцыгъ.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на самую организацию военныхъ огородовъ манджурской арміи.

— Дѣло это огромное и, несомнѣнно, полезное!—сказалъ А. В. Герцыгъ.—Всѣ эти огороды въ Манджуріи занимаютъ площадь въ 171 десятину, изъ нихъ въ Харинѣ—80¹/₂ десятинъ, въ Яомыни—54¹/₂ десят., въ Гунтулинѣ—18 десят., на рѣкѣ Сунгари 14¹/₂ десятинъ и въ Ашихэ—3¹/₂ десятины.

Я простился съ А. В. Герцыгомъ, пожелавъ ему съ успѣхомъ кормить дѣйствующую армію овощами.

Прямо съ „военныхъ огородовъ манджурской арміи“ я уѣхалъ въ городской питомникъ.

Это учрежденіе уже, такъ сказать, совершенно „мирное“.

Въ немъ разводятся деревья и цвѣты для будущаго украшенія растущаго не по днямъ а по часамъ города Харбина.

XXXV.

Душевные заболѣванія на войнѣ.

Вопросъ о душевныхъ заболѣваніяхъ во время войны интересовалъ меня и ранѣе въ Петербургѣ.

Я бесѣдовалъ на эту тему со многими психіатрами, но разрѣшить, его здѣсь на мѣстѣ, такъ сказать, на театрѣ войны, было еще болѣе интересно.

Поэтому, узнавъ, что при 1 сводномъ госпиталѣ существуетъ отдѣленіе для душевно-больныхъ, которымъ завѣдуетъ петербургскій психіатръ, извѣстный дѣятель въ попечительствѣ о глухонемыхъ, докторъ медицины Е. С. Боришпольскій, я поспѣшилъ посѣтить этотъ госпиталь и его отдѣленіе,

1-й сводный госпиталь находится въ самой людной части гор. Харбина, за большимъ мостомъ черезъ Сунгари, соединяющимъ такъ называемый „Новый Харбинъ“ съ „Пристанью“, исключительно торговою частью города.

Онъ состоитъ, какъ и другіе сводные госпитали, изъ четырехъ бараконъ и ряда домиковъ, гдѣ помѣщаются офицерскія отдѣленія, канцелярія, квартиры врачей и служащихъ, пріемной и проч.

Госпиталь этотъ находится въ завѣдываніи чисто русскаго человѣка д-ра мед. Глаголева и поставленъ дѣйствительно образцово.

Здѣсь я снова видѣлъ поразительныя выздоровленія раненыхъ на вылетъ пулями въ грудь и животъ.

Таковъ, напримѣръ, рядовой 3 восточно-сибирскаго полка Филиппъ Желтиковъ, раненый при Вафангоу, рядовой 139 моршанскаго полка Августъ Фишеръ и т. д.

— Настоящая война, сказалъ мнѣ д-ръ Глаголевъ, замѣчательна тѣмъ, что даетъ очень незначительный процентъ раненымъ которымъ необходимо производить ампутаціи.

— А гдѣ у васъ отдѣленіе для душевно-больныхъ?—спросилъ я.

— Это дальше, въ самомъ крайнемъ флигелѣ... Сначала душевно-больные помѣщались здѣсь ближе, но оказалось для нихъ очень шумно, а потому они были переведены въ болѣе тихій уголокъ...

Въ сопровожденіи смотрителя госпиталя я отправился въ отдѣленіе для душевно-больныхъ.

Мы ѣхали мимо цѣлаго ряда маленькихъ домиковъ, среди которыхъ, на правой рукѣ я увидалъ уже почти готовое, довольно обширное каменное зданіе.

— Что это такое?

— Это „Царская баня“, т. е. баня для солдатъ, строящаяся на личныя средства Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны.

Постройка ея стоитъ 35,000 рублей.

Наконецъ, сдѣлавъ довольно большой конецъ, мы остановились у крайняго флигеля.

Въ немъ-то и помѣщается отдѣленіе для душевно-больныхъ нижнихъ чиновъ и офицеровъ.

Это очень чисто содержимый флигелекъ, состоящій изъ корридора и пяти комнатъ—палатъ.

Въ день моего посѣщенія больныхъ было 19 человекъ—14 нижнихъ чиновъ и 5 офицеровъ.

Въ самой задней отдѣльной комнаткѣ домика помѣщается полковникъ С., въ настоящее время произведенный въ генераль-маіоры.

Онъ раненъ въ лѣвый глазъ съ поврежденіемъ передней части мозга.

Я повидался съ нимъ.

Несчастный производитъ тяжелое впечатлѣніе.

Онъ видимо находится въ страшно угнетенномъ состояніи, и со слезами въ лѣвомъ глазу, правый скрытъ повязкой, лепечетъ чисто по дѣтски:

— Вы, дяденька, пришли навѣстить меня... Это хорошо, очень хорошо... Вѣдь я генераль... У меня было три человекъ и тридцать пушекъ, и японцы отъ меня бѣжали, а теперь меня посадили дяденька, въ каюту и везутъ... Я не знаю, куда везутъ...

Слезы катятся градомъ изъ здороваго глаза больного.

— Какъ вы себя чувствуете?

— У меня въ головѣ было три пъявицы, одну изъ нихъ вытащили, а двѣ остались...

И снова слезы и слезы.

Я не выдержалъ и тихо вышелъ изъ комнаты страдальца.

Встрѣча съ завѣдующимъ отдѣленіемъ докторомъ Е. С. Баришпольскимъ нѣсколько отвлекла меня отъ тяжелаго впечатлѣнія только что видѣнной картины душевныхъ страданій доблестнаго генерала.

Я зналъ доктора Баришпольскаго еще до Пе-

тербурга, а потому встрѣча на далекой чужбинѣ была болѣе чѣмъ сердечная.

Прежде, всего, конечно, я спросилъ о больномъ С.

— Шрапнелью онъ раненъ въ голову, причемъ произошло пораненіе лѣваго глаза и передней части лѣвой лобной доли мозга, гдѣ залегаетъ, какъ прежде думали, характеръ человѣка, а теперь дознано, что въ этой части мозга сосредоточена вся психика человѣка и двигательные центры рѣчи... Поэтому С. превратился въ совершеннаго ребенка. Онъ всѣхъ называетъ „дяденька“ „тетенька“, всѣ предметы называетъ уменьшительными именами, онъ очень упрямъ и капризенъ, и ранѣе онъ доставлялъ мнѣ много хлопотъ и заботъ... Кромѣ того у него наблюдается „эмпастическая афазія“ и „парафазія“.

— Что это значить?

— При „эмпастической афазіи“ человѣкъ забываетъ названіе предмета, онъ напишетъ вамъ его названіе, укажетъ на него, но произнести это названіе не въ состояніи, а при „парафазіи“ больной одинъ предметъ называетъ другимъ.

— Это все неизлечимо?

— Почему неизлечимо? Напротивъ, очень и очень излечимо, и С. теперь поправляется. У него происходитъ всасываніе въ пораженной части мозга... Лѣваго глаза онъ, дѣйствительно, лишится...

— Много наблюдается въ арміи душевныхъ заболѣваній?

— Ежедневно бываетъ 2—3 заболѣванія?

— Куда вы направляете больных?

— Къ намъ на помощь приходитъ образцово, благодаря энергичной дѣятельности полковниковъ Дементьева и Климовскаго, организованная эвакуація душевно-больныхъ. Эвакуаціонный поѣздъ отходитъ черезъ каждые десять дней и доставляетъ больныхъ до Москвы. Нижніе чины помѣщаются въ вагонахъ третьяго класса, снабженныхъ тюфяками, бѣльемъ, посудой, сахаромъ, чаемъ, а офицеры размѣщаются въ купѣ второго класса... Поѣздъ сопровождаетъ врачъ-спеціалистъ, фельдшеръ-санитаръ и большое количество прислуги, по расчету: на спокойнаго больного—два человѣка, а на буйнаго—четыре.

— А какого режима вы держитесь здѣсь... У васъ нѣтъ, какъ я вижу, ни рѣшетокъ, ни замковъ...

Дѣйствительно, всѣ больные ходятъ свободно, всѣ двери палатъ не заперты.

— Да, я придерживаюсь двухъ англійскихъ принциповъ при леченіи душевно-больныхъ... Одинъ изъ этихъ принциповъ гласитъ: *no restraints* (нестѣсненіе), а другой—*open-door* (открытыя двери). Съ 20 марта, т. е. того времени какъ я завѣдую отдѣленіемъ для душевно-больныхъ въ Харбинѣ, я не разу не употреблялъ такъ называемую „смирительную“ рубашку, хотя были больные и съ припадками буйства; я предпочитаю, чтобы ихъ держали служителя. Военное начальство, въ этомъ случаѣ, оказалось очень отзывчиво на мои просьбы и дало мнѣ много прислуги. У меня прислуги до 20 человѣкъ.

Здѣсь очень много наблюдается такъ называемыхъ „эпилептическихъ психозовъ“.

Объясняется это той-же концентраціей неблагоприятныхъ условій, при которыхъ эпилептическіе припадки усиливаются и учащаются... Таковъ рядъ душевныхъ заболѣваній, вызываемыхъ войной „посредственно“.

— Значить есть заболѣванія, вызываемыя непосредственно?

— Да, примѣръ полковникъ С. котораго вы видѣли. Къ непосредственно вызываемымъ войной психическимъ заболѣваніямъ относятся тѣ, которыя происходятъ отъ травматическаго поврежденія головы и спинного мозга... Поврежденія послѣдняго происходятъ не только отъ непріятельскихъ снарядовъ и отъ ушибовъ спинного хребта камнями... Въ то время когда отрядъ взбирается на сопки, слѣдующимъ за первыми рядами приказываютъ прикрывать голову скатывающихся внизъ камней... Но камни часто съ большой силой ударяютъ въ спины взбирающихся, осыпаясь съ сопки при движеніи отряда, отчего происходятъ серьезные ушибы спинного хребта и какъ результатъ психическое заболѣваніе: истеріи, невралгіи и т. д.

— Вы наблюдали за содержаніемъ бреда душевно-больныхъ?

— Да, и очень внимательно...

— Вѣроятно онъ касается военныхъ событій, сраженій съ японцами и т. п.

— Далеко нѣтъ! Изъ случаевъ бреда, которые я наблюдалъ, только два было типичныхъ бреда—

одинъ у штабсъ-капитана Z—который въ бреду билъ японцевъ, одного больного, а другого маленькаго, которые постоянно являлись передъ нимъ, а второй—у одного 19-ти лѣтняго добровольца, которому казалось, что японцы ползуть къ нему подъ ноги и онъ давитъ ихъ цѣлыми массажи. Въ общемъ же чаще всего, какъ я уже говорилъ вамъ, наблюдается бредъ самообвиненія. Бреда страха передъ врагомъ я не наблюдалъ ни разу.

XXXVI.

Смерть гр. Ф. Э. Келлера.

Къ пассажирскому поѣзду прицѣпленъ маленькій товарный вагонъ, украшенный краснымъ крестомъ.

Этотъ вагонъ почти незамѣтенъ въ составѣ поѣзда.

А между тѣмъ онъ несетъ въ Россію первую крупную жертву сухопутной русско-японской войны—тѣло убитаго 18 іюля генерала графа Федора Эдуардовича Келлера, въ самомъ началѣ войны смѣнившаго генерала Засулича въ командованіи „восточнымъ отрядомъ“.

„Восточный отрядъ“ представлялъ изъ себя одну изъ крупныхъ частей русской арміи, которой выпало на долю сдерживать наступленіе главныхъ силъ арміи японской, послѣ перехода послѣдней черезъ Ялу и битвы подъ Тюренченомъ.

И покойный генералъ съ честью, успѣхомъ и несомнѣннымъ стратегическимъ талантомъ вплоть

до своей трагической кончины впереди своихъ войскъ исполнилъ эту задачу.

18 іюля его не стало!

Вагончикъ съ краснымъ крестомъ болѣе чѣмъ скромно уноситъ его прахъ на дальнюю родину къ осиротѣвшей вдовѣ, графинѣ М. А. Келлеръ.

Его сопровождаетъ его единственный сынъ, ѣдущій въ купэ I класса, бывшій корнетъ-кавалегардъ, а нынѣ нѣжинскаго драгунскаго полка, стоящаго на южномъ фронтѣ подъ командой генерала Бильдерлинга, у котораго молодой графъ Александръ Ѳедоровичъ Келлеръ состоитъ ординарцемъ.

Я ранѣе еще познакомился съ графомъ въ Харбинѣ.

Крайне неловко было при первомъ знакомствѣ спрашивать подробности постигшаго его тяжелаго горя.

Но совмѣстная дорога сближаетъ, и встрѣтившись снова съ графомъ на станціи Манджурія и совершая оттуда путь въ одномъ вагонѣ, мы сошли и разговорились.

— Вы провожаете тѣло вашего батюшки до самаго имѣнья Сѣнницы въ Рязанской губерніи?— спросилъ я.

— Нѣтъ, только до Иркутска...

— А оттуда?

— Оттуда вагонъ останется на попеченіи двухъ деньщиковъ моего отца, которые ѣдутъ со мною... Кромѣ того я телеграфировалъ, чтобы гробъ встрѣтили въ Челябинскѣ нѣкоторые изъ родственниковъ.

— А вы возвратитесь на войну?

— Конечно! Мой отецъ перевернулся бы въ гробу, если бы я поступилъ иначе...

— А ваша матушка? Развѣ вы не думаете, что потерявъ мужа, ея горе усугубится мыслью, что и ея единственный сынъ находится въ постоянной опасности?

— Все это я понимаю, но это неизбежно, разъ мой отецъ находился на военной службѣ, а я состою на ней, это былъ его долгъ, а теперь это долгъ мой...

— Все это такъ, но жена и мать...

— Жена и мать солдата должна быть готова къ этому... Я думаю даже, что мимолетное свиданье со мною и новая разлука для матушки будетъ тяжелѣе...

— Это-то конечно, но я думаю, что въ виду постигшаго несчастія, вы могли-бы совсѣмъ не возвращаться на войну...

— На это я никогда не соглашусь.

— Скажите, графъ, у васъ есть желаніе отомстить японцамъ за смерть вашего отца?—спросилъ я.

— Вообразите, этого чувства во мнѣ нѣтъ и слѣда, да я думаю, что появленіе его было бы нелогично... Если-бы мой отецъ былъ убитъ кѣмъ-либо не во время войны, по чувству злобы или съ корыстною и иною цѣлью, конечно я бы могъ желать отомстить убійцѣ, но на войнѣ японцы лишь исполняли свой долгъ, и отецъ точно также, если не самъ убивалъ, то это дѣлалось по его распоряженію... Мнѣ думается, что если, бы судьба

впослѣдствіи столкнула меня съ человѣкомъ, по приказанію котораго стрѣляли въ моего отца, я не могъ питать и не питалъ бы къ нему ни малѣйшей злобы... Я не скажу, чтобы я не хотѣлъ имѣть случай убить японскаго офицера, или генерала, я это сдѣлалъ бы съ удовольствіемъ, исполняя этимъ свой долгъ солдата... Чувство мести къ японцамъ у меня вызываетъ не смерть моего отца, страшно меня поразившая, а ихъ звѣрство съ ранеными, ихъ глумленіе и надруганіе... Вотъ за что я готовъ мстить имъ, а смерть отца—это такой естественный фактъ войны... И я думаю, что не одинъ я такъ чувствую... У меня есть для этого поразительный примѣръ, это случай съ моимъ родственникомъ княземъ Радзивиломъ. Онъ во время англо-бурской компаніи сражался добровольцемъ въ рядахъ англичанъ, и во время одного изъ сраженій одинъ буръ выстрѣлилъ въ него на столь близкомъ разстояніи, что князь Радзивиль запечатлѣлъ въ своей памяти лицо своего врага. Князь былъ раненъ въ бокъ, и рана была настолько опасна, что онъ пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ... Послѣ войны судьба столкнула князя Радзивила съ этимъ буромъ, стрѣлявшимъ въ него, за границей... Они познакомились и даже дружески позавтракали вмѣстѣ въ ресторанѣ... Война порождаетъ между людьми иные счеы!..

— Куда былъ раненъ вашъ отецъ?

— Спросите лучше, куда онъ не былъ раненъ? Въ него попала шрапнель, причемъ онъ былъ раненъ тридцатью шестью пулями, въ грудь, въ животъ, въ обѣ руки и обѣ ноги, а дистан-

ціонная трубка снаряда врѣзалась ему въ лѣвую сторону груди. Изъ висѣвшихъ у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ образковъ, пять были повреждены пулями, а на одномъ оттиснулся отпечатокъ золотой цѣпочки.

— Въ офіціальному сообщеніи было сказано что онъ жилъ двадцать минутъ...

— Это ошибка... Онъ былъ убитъ на мѣстѣ... Рядомъ съ нимъ стоялъ на верху сопки—это было у Ляндисяна—начальникъ его штаба полковникъ Ароновскій. Силою взрыва шрапнели онъ былъ отброшенъ далеко отъ отца... Въ это время поднимался на сопку ординарецъ отца сотникъ Нарышкинъ, и вдругъ увидѣлъ столбъ пыли и паденіе двухъ офицеровъ.

Полковникъ Ароновскій, по счастью, не раненый и не контуженный, вскочилъ и крикнулъ:

— Генералъ убитъ, носилки!..

— На войска это извѣстіе, вѣроятно, произвело страшное впечатлѣніе?—спросилъ я.

— Да, солдаты отца очень любили, и его смерть дѣйствительно, поразила ихъ... Мнѣ рассказывали любопытную подробность. У отца какъ будто было какое-то тяжелое предчувствіе... Когда онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Ароновскимъ подошелъ къ подножію сопки, на которой ему суждено было найти смерть, онъ остановился какъ бы въ раздумьѣ, но затѣмъ махнулъ стехомъ—англійскимъ каучуковымъ хлыстомъ—и сталъ подниматься...

— Гдѣ вы получили извѣстіе о смерти вашего отца?

— Я былъ въ это время въ Ляоянѣ... Мнѣ сообщили, что отецъ тяжело раненъ... Я поскакалъ къ Ляндинсяну и сдѣлалъ этотъ путь въ шесть часовъ... На мѣстѣ я узналъ роковую истину... Тѣло отца пришлось положить въ тяжелый деревянный китайскій гробъ. На крышку его положили шашку, шапку и ордена, и понесли на рукахъ до этапа. Начальникъ этапа хотѣлъ для дальнѣйшей перевозки тѣла дать лафетъ, но въ виду того, что бой продолжался и каждое орудіе могло пригодиться, гробъ поставили на артиллерійскую фуру и повезли въ Ляоянъ. Торжественна и умирительна была картина, когда печальный кортежъ проѣзжалъ мимо 2-й бригады 35 дивизіи. Всѣ солдаты обнажили головы и перекрестились какъ одинъ человѣкъ. Выраженіе этихъ простыхъ русскихъ лицъ краснорѣчиво говорило о состояніи ихъ души, и той печали, которую они испытываютъ. Гробу были отданы воинскія почести. По прибытіи въ Ляоянъ мнѣ съ трудомъ удалось достать цинковый ящикъ, въ который поставить гробъ. Цинковый ящикъ, въ свою очередь, поставленъ въ деревянный, и въ такомъ видѣ гробъ поставленъ въ вагонъ и препровождается въ Россію.

Разговоръ перешелъ на другія, менѣе печальныя темы.

Я никогда не встрѣчалъ среди представителей нашей гвардіи болѣе симпатичнаго, болѣе милаго, болѣе привлекательнаго человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнаго разскащика, какъ графъ Александръ Ѳедоровичъ Келлеръ.

Не смотря на его офицерскіе эполеты, онъ не

достигъ еще гражданскаго совершеннолѣтія—ему нѣтъ двадцати одного года, но вмѣстѣ съ тѣмъ всестороннее образованіе его прямо поразительно— онъ не только свободно говоритъ и читаетъ на трехъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ, но успѣлъ прочесть на нихъ очень много, знакомъ съ русской и иностранной литературой, съ всеобщей исторіей, философскими ученіями и естественными науками, увлекается химіей, физикой и оккультическими знаніями, ища между ними связи, въ существованіи которой онъ убѣжденъ.

На ряду съ этимъ онъ любитъ свой полкъ, съ одушевленіемъ говоритъ о полковой жизни, о праздникахъ и попойкахъ.

Словомъ, онъ не рисуется своими знаніями, столь разнообразными и рѣдкими для молодого офицера—приобрѣтеніе ихъ было для него, видимо, не трудомъ, а удовольствіемъ.

Бесѣда коснулась обнаруженнаго нами въ настоящей войнѣ незнанія силъ противника.

— Мнѣ по этому поводу—сказалъ молодой графъ—припоминается разсказъ моего покойнаго отца, относящійся ко времени русско-турецкой войны. Онъ былъ тогда молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба, участвовалъ передъ объявленіемъ войны Россіи Турціи въ сербско-турецкой войнѣ вмѣстѣ съ М. Г. Черняевымъ, а ко времени объявленія войны находился въ Кишеневѣ. Разъ въ обществѣ нѣсколькихъ генераловъ, среди которыхъ былъ и М. И. Драгомировъ, зашла рѣчь о предстоящей войнѣ. Генералы заявляли, что

побѣдить турокъ для русскихъ войскъ пустое дѣло. „Какіе они солдаты! Побѣгутъ послѣ перваго серьезнаго натиска!“ Мой отецъ рѣшилъ возразить противъ этого мнѣнія, сказавъ, что турки, на сколько онъ успѣлъ съ ними ознакомиться, очень хорошіе солдаты и притомъ прекрасно вооружены. „Что вы тамъ говорите?“ „Это на васъ съ братушками турки могли нагнать страху, а не на наши войска!“ — обрушились на отца генералы. Онъ, какъ младшій въ чинѣ, принужденъ былъ замолчать. Русско-турецкая война доказала, что отецъ былъ правъ.

Такимъ образомъ незнаніе силъ противника для русскихъ людей не новость.

Россія слишкомъ сильна, чтобы справляться о силахъ врага.

XXXVII.

Подарки артиллеристамъ.

Студентъ с.-петербургскаго университета А. А. фонъ-Гагемейстеръ только что исполнилъ интересную миссію, для которой онъ прибылъ на театръ военныхъ дѣйствій, и возвращается въ Петербургъ.

Миссія его состояла въ раздачѣ подарковъ артиллеристамъ отъ „кружка помощи артиллеристамъ“, организованнаго съ самаго начала войны въ Петербургѣ вдовою генерала баронессой Е. В. Бильдерлингъ и Е. А. фонъ-Гагемейстеромъ.

Кружокъ тогда-же началъ собирать пожертвованія для нуждъ артиллеристовъ на Дальнемъ Во-

стокъ, причемъ наибольшая доля труда и суммы жертвъ выпала на долю учредительницы кружка баронессы С. В. Бильдерлингъ.

Крупными жертвовательницами на это доброе дѣло были графиня Платеръ изъ Кіева и графиня Баранцева изъ Варшавы.

„Кружокъ помощи артиллеристамъ“ кромѣ того, что задался цѣлью собрать пожертвованія деньгами и вещами, но и рѣшилъ, чтобы пожертвованныя и купленные на пожертвованныя деньги вещи были доставлены по назначенію и переданы изъ рукъ въ руки.

Это была благая мысль.

Съ двумя вагонами, нагруженными подарками артиллеристамъ, А. А. фонъ-Гагемейстеръ отправился изъ Петербурга въ далекій и трудный путь.

Подарки эти состояли изъ бѣлья, мыла, табаку, махорки, сахару, папирозъ, антисептическихъ пакетовъ, книгъ для солдатъ, пожертвованныхъ „обществомъ грамотности“, макаронъ, табаку въ кисетахъ, кожаннаго сапожнаго товару и инструментовъ для сапожнаго ремесла, подошвъ и кусковъ кожи для заплатокъ.

Въ офицерскихъ пакетахъ-подаркахъ заключалось по шести штукъ и паръ всякаго бѣлья.

Кромѣ того для нихъ же предназначались папирсы.

А. А. фонъ-Гагемейстеру удалось блестяще исполнить его миссію.

Онъ былъ на всѣхъ передовыхъ позиціяхъ въ отрядахъ; покойнаго генерала Келлера, генерала

Мищенко, генерала Зарубаева, генерала Штакельбергъ и полковника Леша.

Небольшую часть подарковъ онъ роздалъ въ Ляоянѣ находящемуся тамъ артиллерійскому полупарку.

Я имѣлъ случай познакомиться съ А. А. фонъ-Гагемейстеромъ.

Это чрезвычайно симпатичный молодой человекъ въ студенческой формѣ, весь исполненный горячимъ желаніемъ послужить своей родинѣ на полѣ брани.

— Я хотѣлъ поступить вольноопредѣляющимся, но моя матушка воспротивилась этому. Я съ радостью ухватился за порученіе „кружка помощи артиллеристамъ“, все-таки надѣясь принести нѣкоторую пользу борцамъ на театрѣ войны...

Отрадно видѣть такое патріотическое одушевленіе въ богатомъ и независимомъ юношѣ.

— Особенно оставались довольны солдатики, получившіе ящики съ сапожнымъ товаромъ и инструментами, обрадовались очень книгамъ и кисетамъ съ табакомъ. Нѣкоторые кисеты были сшиты изъ бархата и шелковой матеріи. Солдаты обыкновенно брали эти кисеты и говорили:

— Такъ что, ваше благородіе, дозвоьте фельдфебелю отдать... Очень нарядный.

Я конечно позволялъ, а затѣмъ уже самъ обыкновенно выбиралъ самый красивый кисеть и говорилъ;

— Отдайте этотъ фельдфебелю...

— Какія выяснились особенныя нужды нашей

арміи? вамъ, конечно, это было виднѣе, — спросилъ я.

— Я бы лично не рѣшился вамъ отвѣтить на этотъ вопросъ,—отвѣчала мнѣ А. А.,—но у меня есть документъ компетентнаго лица, а именно и. д. инспектора артиллеріи манджурской арміи генераль-маіора Михѣева, который вполнѣ разрѣшить интересующій васъ вопросъ... Я покажу его вамъ...

И А. А. фонъ-Гагемейстеръ далъ мнѣ прочесть письмо генераль-маіора Михѣева, въ которомъ послѣдній горячо благодарить „кружокъ помощи артиллеристамъ“ за присланные прекрасные подарки и перечисляетъ на случай вторичнаго присыла необходимыя вещи.

Вещи эти слѣдующія: сапоги самыхъ большихъ размѣровъ, теплыя портянки, валенки, хотя бы не обшитыя кожей, кожаныя подошвы и лоскуты кожи для починки, сапожный товаръ и инструменты, полушубки, фуфайки, штаны стеганые на ватѣ въ верхней ихъ части (для верховыхъ), шерстяныя перчатки, варешки, папахи, препараты противъ обмерзанія; свиное сало, колодіумъ въ малыхъ коробкахъ.

Для офицеровъ, по мнѣнію генерала Михѣева, необходимы: фуфайки, мѣховыя перчатки, короткіе полушубки, походныя сумки съ целулоидовой пластинкой и компасомъ.

Надо надѣяться, что это указаніе генерала Михѣева пригодится на будущее, такъ какъ не можетъ быть сомнѣнія, что пожертвованія въ „Кружокъ помощи артиллеристовъ“, обставляющій такими

солидными гарантіями доставку лепть добрыхъ людей, потекутъ широкою волною.

Я отъ души желаю ему этого.

XXXVIII.

Ляоянъ.

Ожесточенный бой на ляоянскихъ позиціяхъ снова приковываетъ къ этому городу вниманіе всего міра.

Движеніе японцевъ на Ляоянъ не явилось неожиданнымъ. Его ожидало еще въ началѣ іюня, когда изъ Ляояна начали массами уходить китайцы, игравшіе въ данномъ случаѣ роль мышей на корабляхъ, которымъ предстоитъ опасность. Молва, какъ всегда, преувеличивала страхи.

Говорили о намѣреніи японцевъ окружить Ляоянъ и создать такимъ образомъ второй Седанъ.

Все это, конечно, относилось къ области „вранья на войнѣ“, которое какъ извѣстно, достигаетъ геркулесовыхъ столповъ.

Но люди съ натянутыми до невозможности нервами всему этому вѣрятъ.

Я помню тревожную ночь на 9 іюля, передъ которой былъ возбужденъ даже вопросъ о переездѣ редакціи „Вѣстника Манджурской арміи“, помѣщавшейся въ кумирнѣ бога войны у западныхъ воротъ Ляояна, и типографіи, находившейся въ товарномъ вагонѣ въ Тъелинѣ.

На утро оказалось, что опасенія были нѣскольکو преждевременны.

Хорошимъ барометромъ служилъ въ данномъ случаѣ русско-китайскій банкъ, который продолжалъ существовать въ Ляоянѣ.

Но и онъ былъ съ первыхъ чиселъ іюля на готовѣ.

Въ концѣ іюля и редакція, и типографія, и банкъ переѣхали въ Тъелинъ, туда-же стали вывозить всѣ тяжести и запасъ, и тамъ-же искалъ себѣ помѣщенія лазаретъ Краснаго Креста.

Словомъ, Ляоянъ уже давно приготовился къ встрѣчѣ врага на позиціяхъ, которыя, по отзывамъ знатоковъ фортификаціоннаго дѣла, представляютъ изъ себя послѣднее слово военной обороны.

Тутъ имѣются и окопы, и рвы, и волчьи ямы, и проволочныя загражденія, и подземныя мины и фугасы.

Словомъ, не забыто ничего для встрѣчи „жданыхъ гостей“, но...

Объ этомъ роковомъ „но“ говорилъ мнѣ одинъ артиллерійскій полковникъ, выдержавшій четыре компаниі—русско-турецкую, ахаль-текинскую, китайскую и нынѣшнюю—русско-японскую.

— Но,—сказалъ онъ—увы, всѣ эти „послѣднія слова обороны“ теряютъ свое значеніе при современныхъ дальнобойныхъ орудіяхъ и „математической стрѣльбѣ“, которая практикуется японцами... Они раздѣляютъ обстрѣливаемую мѣстность на квадраты и засыпаютъ эти квадраты массою снарядовъ...

Такъ дѣйствуютъ несомнѣнно японцы и у Ляояна.

Противопоставить силѣ ихъ артиллеріи необходимо ту же орудійную силу.

Бой подъ Дашичао показалъ, что наша артиллерія находится на должной высотѣ своего признанія.

Такимъ образомъ подъ Ляояномъ встрѣтились равныя силы.

И кромѣ того, окрестности Ляояна представляютъ сравнительную равнину, т. е. говоря словами поэта,

Есть разгуляться гдѣ на волѣ...

Но это далеко не значить, чтобы бой подъ Ляояномъ имѣлъ какое-либо рѣшающее значеніе и чтобы оставленіе русскими войсками этого города что-либо измѣняло въ планѣ кампаніи.

Ляоянъ—одна изъ позицій, прекрасная позиція, но и только..!

Кромѣ того она также страдаетъ общимъ недостаткомъ манджурскихъ позицій—она обходима.

Ляоянъ, собственно говоря, не особенно значительный китайскій городъ, получившій европейскую извѣстность со временъ „китайскихъ событій“ въ виду проявленнаго его китайскими властями особаго звѣрства надъ русскими. Тутъ былъ замученъ инженеръ Верховскій, голова котораго долгое время висѣла въ желѣзной клѣткѣ у западныхъ воротъ города.

Тутъ изрѣзанные ножами умирали заживо съѣдаемые червями, подъ лучами палящаго солнца, русскіе мученики—манджурскіе піонеры.

Во время настоящей русско-японской войны

Ляояну снова пришлось играть выдающуюся роль, но уже въ другомъ смыслѣ.

Въ немъ находилась главная квартира командующаго Манджурской арміей А. Н. Куропаткина.

Самъ китайскій городъ представляетъ изъ себя одну большую улицу, тянущуюся на протяженіи двухъ верстъ отъ западныхъ до восточныхъ воротъ, всю состоящую изъ лавокъ со скрытыми за ними фанзами для жилья.

Есть нѣсколько узкихъ и темныхъ переулковъ и боковыхъ улицъ.

Обрусеніе города выражается въ двухъ русскихъ убогихъ магазинахъ и двухъ-трехъ гостиницахъ, носящихъ громкія названія „Интернаціональной“, „Европейской“ и т. п., ютящихся въ плохо вычищенныхъ китайскихъ фанзахъ.

У западныхъ воротъ находится кумирня бога войны—Ляо-Мяо,—нѣсколько кумирень есть и въ другихъ мѣстахъ города—а за ней идетъ предмѣстье.

Въ послѣднемъ убогія фанзы-мазанки, гдѣ снова проявляется „русскій духъ“ въ видѣ пріютившихся въ тѣхъ фанзахъ гостинницъ - притоновъ, если впрочемъ ихъ содержателей, въ большинствѣ оборотистыхъ грековъ и армянъ, можно считать за носителей даже этого „русскаго духа“.

Все это предмѣстье идетъ по берегу оврага, на днѣ котораго протекаетъ не то грязная рѣченка, не то большая проточная лужа. Совершеннымъ особнякомъ стоитъ русскій поселокъ, расположенный вокругъ станціи желѣзной дороги. Онъ состоитъ изъ однообразныхъ деревянныхъ и

каменныхъ домиковъ, построенныхъ по ранжиру.

Во главѣ ихъ надо назвать домъ командующаго войсками, отличающійся и болѣе изящной архитектурой и шпиремъ, на которомъ во время пребыванія А. Н. Куропаткина въ Ляоянѣ развѣвается флагъ.

Тутъ же всѣ учрежденія, почта, телеграфъ, развѣдочное отдѣленіе.

На запасныхъ желѣзнодорожныхъ путяхъ стоятъ вагоны, тоже служащіе, лучше сказать, служившіе для жилья.

Подъ особымъ деревяннымъ навѣсомъ во время пребыванія А. Н. Куропаткина стоялъ его поѣздъ.

Лазаретные бараки Краснаго Креста находились въ двухъ верстахъ отъ русскаго желѣзнодорожнаго военнаго поселка.

Мѣстомъ прогулки и развлеченія для жителей Ляояна былъ прекрасный тѣнистый садъ, разрошійся вокругъ древней и замѣчательной по своей архитектурѣ корейской башни.

Этотъ рѣдкій живописный уголокъ ляоянской природы былъ испорченъ сквернымъ, рестораномъ.

Нечего и говорить, что ни въ городѣ, ни въ поселкѣ нѣтъ ни одной мощеной улицы и во время дождей грязь стоитъ невылазная.

Ляоянъ теперь горитъ!

Онъ подожженъ залетѣвшими въ него снарядами.

Желѣзнодорожная станція разрушена.

Мнѣ жаль этой станціи, по еще совершенно свѣжимъ недавнимъ воспоминаніямъ!

Довольно широкая и длинная деревянная плат-

форма шла около невысокаго и тоже длиннаго строенія самой станціи, большая часть котораго отведена была подъ буфетную залу.

Рядомъ помѣщалась товарная касса, входъ въ которую былъ слѣва въ пролетѣ, ведущемъ къ выходу.

Съ права находилось почтовое отдѣленіе и телеграфъ, а затѣмъ въ особой деревянной-же пристройкѣ—багажная касса.

Надъ зданіемъ станціи возвышалась традиціонная деревянная башенка со шпиремъ, на которомъ развѣвался флагъ,

У платформы громыхали приходящіе, отходящіе и маневрирующие поѣзда.

И теперь ничего этого нѣтъ.

А между тѣмъ не болѣе мѣсяца тому назадъ здѣсь кипѣла чисто-военная жизнь, въ которой и я принималъ участіе.

Тутъ въ буфетной залѣ съ утра до поздняго вечера толпились офицеры всѣхъ чиновъ отъ генерала до безусаго подпоручика и полустатскаго прапорщика, призваннаго изъ запаса.

Всѣ столики, какъ въ залѣ, такъ, въ хорошую погоду, и на платформѣ передъ залой были заняты.

Гудѣлъ военный улей.

Передавались рассказы объ эпизодахъ войны, объ удачныхъ и неудачныхъ развѣдкахъ, о подвигахъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ частей, слышались шутки, остроты, словомъ, кипѣла жизнь по сосѣдству со смертью, со все приближавшимися къ Ляояну передовыми позиціями.

Каждый день съ этихъ позицій появлялись здѣсь пріѣхавшіе офицеры.

Одни изъ нихъ вслѣдствіе той или другой хозяйственно-войсковой командировки, другіе легко раненые и отправленные, часто противъ ихъ воли, въ лаоянскій госпиталь для излеченія.

Разсказываются новости, сообщаются впечатлѣнія...

Итакъ до поздняго вечера, когда вся эта мѣняющаяся каждый часъ толпа людей, живущихъ сегодняшнимъ днемъ, такъ какъ завтра ихъ быть можетъ ожидаетъ могила, перекочевываетъ въ садъ Гамартели подъ Корейской башней, угрюмо поднимавшейся къ небу и какъ бы сообщающей ему свои вѣковыя воспоминанія о другіхъ болѣе раннихъ кровавыхъ распряхъ людей.

И здѣсь, за столиками, отвратительно сервированными, съ салфетками, напоминающими плохо выстиранные солдатскіе онучи, снова льются горячія рѣчи, вмѣстѣ съ замороженнымъ виномъ, продаваемымъ за баснословную цѣну.

И всего этого уже теперь нѣтъ!

Мнѣ жаль Ляояна!

Это сожалѣніе, конечно, чисто штатское и, пожалуй, немного сентиментальное.

Съ военной точки зрѣнія, какъ я уже имѣлъ случай говорить, отступленіе отъ Ляояна предвидѣлось заранѣе и ничего не измѣняетъ въ общемъ планѣ компаніи.

Мнѣ многіе сегодня послѣ прочтенія телеграммы о томъ, что Ляоянъ горитъ, задавали вопросъ:

— Что же горитъ въ Ляоянѣ?

Я постараюсь на него отвѣтить.

Несомнѣнно, что въ телеграммѣ рѣчь идетъ не о китайскомъ городѣ, гдѣ конечно могли лишь произойти пожары отъ залетѣвшихъ снарядовъ, тамъ всѣ строенія или каменные, или глинобитныя, т. е. огнеупорныя, а о такъ сказать новомъ русскомъ Ляоянѣ—желѣзнодорожно-военномъ поселкѣ, правильными рядами и четырехугольникомъ раскинувшемся около станціи.

Тутъ горѣть, конечно, есть чему.

Во-первыхъ, цѣлые кварталы деревянныхъ домовъ, гдѣ жили желѣзнодорожные служащіе, офицеры и военные и гражданскіе чиновники; во-вторыхъ, домъ командующаго войсками—обширное деревянное строеніе, желѣзнодорожная больница, зданіе полевого штаба и, наконецъ, пакгаузы, гдѣ хранились запасы какъ спеціально-военные, такъ и продовольственные.

Большая часть ихъ была вывезена ранѣе, въ послѣднихъ числахъ іюля.

А передъ самымъ наступленіемъ японцевъ на позиціи подъ Ляояномъ, послѣдній уже, конечно, освободился отъ тѣхъ жилыхъ помѣщеній, которыя могли быть увезены изъ него.

Я говорю о тѣхъ вагонахъ классныхъ и товарныхъ, которые стояли въ разныхъ пунктахъ обширнаго близъ станціи желѣзнодорожнаго полотна, и въ которыхъ жили пріѣзжіе офицеры, иностранные агенты, помѣщалась столовая для послѣднихъ, а въ товарныхъ вагонахъ находились разнаго рода небольшіе склады, типографія, гдѣ печатался „Вѣстникъ Манджурской Арміи“, вагонъ коман-

дующаго арміей, вагонъ его канцеляріи и типографіи поднесенной ему перербургской фирмой Леманъ.

Все это повторяю выѣхало изъ Ляояна свое временно и во многихъ мѣстахъ русскаго Ляояна образовались пустыри.

Желѣзнодорожное полотно конечно тоже разрушено.

Деревяныя постройки, вѣроятно, горять жарко и быстро.

Сгорѣть всему Ляояну недолго, и японскому главнокомандующему придется устроить свою главную квартиру, если вѣрить берлинскимъ газетамъ, на пожарищѣ.

Мнѣ все же жаль Ляояна!

XXXIX.

Мукденъ и Тъелинъ.

Мукденъ или по китайскому произношенію Мукде, на который, по словамъ телеграммъ, движется 10,000 японцевъ—чисто азіатскій китайскій городъ съ населеніемъ въ полмилліона.

Мукденъ—главный городъ Манджурии съ дворцомъ императоровъ манджурской династіи, находящимся въ полномъ запущеніи, и знаменитыми императорскими могилами.

Самый городъ выстроенъ по плану Пекина и разбитъ на кварталы, по сословіямъ, проживающихъ въ нихъ.

Главная кумирня святого Хаяма.

Мукденъ расположенъ на холмѣ, у подножія котораго протекаетъ большая рѣка Ляо-хе.

Самая мѣстность не отличается особой живописностью—она совершенно ровная.

Городъ съ высоты птичьяго полета имѣетъ видъ двухъ расположенныхъ одинъ на другомъ правильныхъ четырехугольниковъ.

Во внутреннемъ четырехугольникѣ помѣщается дворецъ цзянь-цзюня и присутственныя мѣста.

Всѣ улицы, сравнительно широкія, и не возможно узкіе переулки сплошь представляютъ изъ себя торговые ряды—лавки, лавки и лавки со всевозможными товарами.

Вонь, спеціально китайская вонь, невыносима, особенно въ кварталахъ города, гдѣ расположены „обжорныя лавки“.

Представить даже себѣ, что можно потребовать тѣ кушанья, которыя тамъ готовятся, для европейца прямо невозможно.

Я, по крайней мѣрѣ, не могъ безъ „боли сердца“, какъ говорятъ французы, выносить вида и запаха этихъ китайскихъ яствъ, которые грязные сыны поднебесной имперіи уплетаютъ, видимо, съ большимъ аппетитомъ.

Кромѣ торговаго, политическаго, какъ столица Манчжуріи, городъ Мукденъ имѣетъ еще для китайцевъ и религіозное значеніе.

Послѣднимъ онъ обязанъ „императорскимъ могиламъ“.

Первый желѣзнодорожный путь шелъ даже за двадцать верстъ отъ города, вслѣдствіе того, что китайцы не желали тревожить праха императоровъ

шумомъ желѣзнодорожнаго поѣзда, и уже только послѣ „китайскихъ событій“ дорога прошла въ разстояніи всего четырехъ верстъ отъ Мукдена, между городомъ и „императорскими могилами“.

Я посѣтилъ ихъ въ бытность мою въ Мукденѣ.

Этотъ памятникъ „китайской исторіи“ дѣйстви-тельно интересенъ.

Вы въѣзжаете въ наружныя ворота, устроенныя въ огромной стѣнѣ, и попадаете въ густую аллею многовѣковыхъ деревьевъ.

Эта аллея приводитъ васъ ко внутреннимъ во-ротамъ.

Здѣсь надо выходить изъ экипажа и идти пѣш-комъ.

Внутренній дворъ огроменъ и весь вымощенъ крупными каменными плитами.

По серединѣ его аллея, но уже не изъ деревьевъ, а изъ колоссальныхъ фигуръ слоновъ, верблюдовъ, муловъ, лошадей и проч.

Затѣмъ входъ въ храмъ.

Въ немъ находится огромная каменная черепаха, особо чтимая китайцами.

Позади этого храма, по бокамъ котораго на-ходятся другія кумирни, возвышается гигантскій искусственный холмъ—это могила Нурхаци—родо-начальника нынѣ царствующей въ Китаѣ ди-настіи.

На вершинѣ этого холма растеть многовѣковой дубъ, осѣняющій могилу своими густолиствен-ными и огромными вѣтвями, какъ-бы колоссальнымъ шатромъ.

Подъ самымъ Мукденомъ, кромѣ того, находится буддѣйскій монастырь съ 500 ламъ.

Въ извѣстные праздничные дни сюда стекается масса богомольцевъ.

Императорскія могилы были любимой цѣлью утреннихъ прогулокъ намѣстника Дальняго Востока Е. И. Алексѣева, имѣвшаго до самаго своего отъѣзда во Владивостокъ свою резиденцію въ Мукденѣ.

Намѣстникъ жилъ не въ самомъ городѣ, а въ военномъ поселкѣ, раскинувшемся возлѣ станціи желѣзной дороги.

Поселокъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ однообразнаго типа домиковъ, среди которыхъ по своей величинѣ выдѣляется домъ намѣстника, съ развѣвающимся надъ нимъ флагомъ, и домъ офицерскаго собранія.

Около Мукдена есть очень хорошая, по словамъ знатоковъ, укрѣпленная позиція.

Работы по ея укрѣпленію начались еще съ апрѣля мѣсяца текущаго года.

Въ виду религіознаго значенія Мукдена, онъ является сосредоточіемъ разнаго рода религіозныхъ сектъ, враждебныхъ европейцамъ.

Здѣсь, какъ говорятъ, было положено начало сектѣ „большихъ кулаковъ“, руководившей возстаніемъ 1900 года.

Война преувеличиваетъ слухъ.

Если вѣрить послѣднимъ, то и въ настоящее время въ Мукденѣ образовалась религіозная секта, подготовляющая анти-европейское движеніе.

Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ бытность мою въ Мукденѣ, Ляоянѣ и Харбинѣ.

Станція Тъелинъ восточно-китайской желѣзной дороги,—третья станція отъ Мукдена къ сѣверу.

Между Мукденомъ и Тъелиномъ находятся станціи Хушитой и Синьтайцзы и три развѣзда.

Разстояніе между этими двумя пунктами сто верстъ.

Вблизи станціи Тъелинъ китайскій городъ того-же названія.

У Тъелина, собственно говоря, оканчивается горная Манджурія и постепенно начинается равнина, которая тянется до Харбина и по всей сѣверной Манджуріи.

Но въ самомъ Тъелинѣ еще горные хребты, образующіе даже, какъ говорятъ спеціалисты военнаго дѣла, въ одномъ мѣстѣ „дефиле“, прозванное манджурскими Термопилами.

— Разница только та...—замѣчаютъ скептики,— что эти Термопилы можно легко обойти.

Въ Тъелинѣ устроены позиціи и по всей вѣроятности здѣсь тоже разыграется бой, подобный боямъ у Дашичао, Хайчена и Ляояна, бой, цѣлью котораго будетъ задержаніе японской арміи и ея обезсиленіе.

Для людей штатскихъ, для профановъ въ военномъ дѣлѣ отступленіе войска представляется чуть-ли не его пораженіемъ, а между тѣмъ „искусство отступить“, задерживая наступающія болѣе значительныя силы противника, высоко цѣнятся военными авторитетами.

Въ міровую военную исторію на ряду съ одержанными побѣдами занесены и знаменитыя отсту-

пленія, окончившіеся истощеніемъ врага, а затѣмъ и его пораженіемъ.

Отступленіе съ боемъ часто только искусная тактика, которая, увы, никогда не оцѣнивалась большой публикой въ тотъ-же моментъ.

Ей давали цѣну лишь впослѣдствіе, когда появлялись результаты.

Мы убѣждены, что и настоящее отступленіе русской арміи будетъ занесено на страницы міровой военной исторіи, какъ примѣръ выдающейся тактики въ колониальной войнѣ, каковой несомнѣнно является для Россіи война съ Японіей на поляхъ Манджуріи.

Но вернемся къ Тъелину, отъ котораго насъ отвлекли соображенія тѣмъ болѣе цѣнные, что они были сообщены намъ на театрѣ войны лицами, посвященными въ самую суть настоящей кампаніи.

Мѣстность за Тъелиномъ представляетъ изъ себя, какъ мы уже говорили, равнину.

Земледѣліе процвѣтаетъ.

Кругомъ прекрасно обработанныя поля.

Сотни китайцевъ, обнаженныхъ до пояса, кропотливо работаютъ на нихъ.

XL.

Военныя впечатлѣнія и встрѣчи.

Войска идутъ и идутъ.

„Сибирскій экспресъ“, который уноситъ меня кстаги сказать, по Сибири, „медленно поспѣшая“, въ Россію, почти на каждомъ разѣздѣ встрѣчаетъ идущіе эшелоны.

— Газетокъ позвольте, господа, газетокъ...—
просяť солдатѣки.

Желаніе узнать что-нибудь новое оттуда, куда имъ приходится совершать путь, очень сильно.

Къ сожалѣнію и у привилегированныхъ пассажировъ „сибирскаго экспреса“ газетъ не много.

Удивительно, какъ слабо организована продажа газетъ на восточно-китайской, забайкальской и сибирской желѣзныхъ дорогахъ.

Это большое лишеніе въ наше время, когда газеты читаютъ всѣ отъ мала до велика когда онѣ обратились въ предметъ первой необходимости, такъ сказать, въ „духовный хлѣбъ“.

И этого „хлѣба“ лишены войска.

Организація доставки арміи газетъ изъ Петербурга, видимо, не осуществилась, такъ какъ на мѣстѣ результатовъ ея не видно.

Да и ѣдущіе съ Дальняго Востока пассажиры, какъ я уже говорилъ, лишены газетъ по Восточно-Китайской, Забайкальской и Сибирской желѣзнымъ дорогамъ.

Попадаются московскія газеты, но болѣе полныя свѣжими свѣдѣніями о войнѣ, петербургскія почти отсутствуютъ.

Но вернемся къ проходящимъ войскамъ.

У солдатиковъ бодрый, веселый видъ.

Слышится смѣхъ, мѣткое словцо, игривая шутка удалая солдатская пѣсня.

Изъ оконъ классныхъ вагоновъ выглядываютъ лица офицеровъ.

Среди нихъ видимо, испытанные воины и совершенно юные подпоручики и поручики.

На ихъ лицахъ играетъ румяць, ихъ глаза блестятъ и искрятся.

Они полны молодой отваги и жгучаго одушевленія.

* *
*

Азіатская натура японцевъ проявляется на войнѣ во всей своей отвратительной откровенности.

Мнѣ рассказывалъ уполномоченный воронежскаго отдѣла Краснаго Креста В. И. Стемковскій со словъ раненыхъ, находившихся въ лазаретѣ, расположенномъ въ Тъелинѣ, что раненые японцы по окончаніи сраженія стараются подползти къ раненымъ русскимъ и стрѣляютъ по нимъ.

— Въ меня желтолицый выстрѣлилъ, да промахнулся,—говорилъ одинъ изъ раненыхъ,—ну да я его ошарашилъ такъ, что было моихъ силъ, шанцевымъ инструментомъ...

Какое звѣрское остервененіе!

* *
*

Воздушные шары въ Забайкальѣ.

Какъ извѣстно, изъ Забайкалья то и дѣло шли, если не идутъ и теперь, извѣстія о появляющихся тутъ и тамъ японскихъ воздушныхъ шарахъ.

Я говорилъ съ мѣстнымъ жандармскимъ полковникомъ, производившимъ разслѣдованіе по этому поводу.

— Все это оказалось вздоромъ, плодомъ разгоряченнаго воображенія обывателей... Одинъ допрошенный имъ солдатикъ показалъ, что видѣлъ

шаръ величиною съ вагонъ, но какой онъ былъ формы, точно опредѣлить не могъ... Одинъ капитанъ пограничной стражи рассказалъ ему, что онъ видѣлъ очень низко на горизонтѣ блестящій шаръ, казалось парившій надъ ближайшей сопкой, но когда онъ съ развѣдомъ въѣхалъ на эту сопку, то шаръ скрылся за слѣдующей сопкой..

— Почему-же вы думаете, что это воздушный шаръ? спросилъ полковникъ.

— Я служилъ на западной границѣ и видалъ нѣмецкіе шары, по формѣ было сходство..

Безъ сомнѣнія, капитанъ видѣлъ просто метеоръ.

Въ настоящее время толки о шарахъ прекратились...

* *
*

Японскіе плѣнные.

Плѣнные японцы съ потопленныхъ транспортовъ „Идзуми-мару“ и „Садо-мару“ въ количествѣ 27 офицеровъ и 110 нижнихъ чиновъ живутъ въ настоящее время въ Томскѣ въ ожиданіи отправки въ Пензу, гдѣ имъ готовится помѣщеніе.

О ихъ житьѣ-бытьѣ тамъ рассказалъ мнѣ инженеръ, постоянно живущій въ Томскѣ.

— Они находятся подъ довольно строгимъ надзоромъ, но помѣщены очень удобно и хорошо въ зданія военнаго клуба. Японскій маіоръ говоритъ по французски, а одинъ лейтенантъ довольно чисто по-русски. Русскій рисъ имъ не понравился. но зато русская водка и борщъ пришлись очень

по вкусу... При нихъ состоитъ жандармскій ротмистръ Ламени-Македонъ, котораго они очень полюбили, а потому всѣ возникавшія и возникающія недоразумѣнія улаживаются очень быстро.

* * *

Еще въ маѣ пронесся слухъ о созывѣ сибирскаго ополченія, которому будетъ поручена охрана желѣзнодорожнаго пути, причемъ нынѣ охраняющія его войска будутъ двинуты на театръ военныхъ дѣйствій.

Теперь это ополченіе уже создано.

Почти на каждой станціи сибирской желѣзной дороги можно видѣть отряды ополченцевъ, отправляющихся по тому или другому назначенію.

Костюмъ—суконный черный кафтанъ или сѣрая рубашка съ погонями краснаго сукна и желтымъ кантомъ, фуражка военнаго образца съ краснымъ околышемъ, на тульѣ которой пришить, вмѣсто кокарды, металлическій ополченскій крестъ, а на околышѣ номеръ изъ желтаго сукна; такой же номеръ и на погонахъ.

Ополченцы, все молодець къ молодцу, выглядываютъ бодро и весело.

Сибирь, для которой настоящая война и исходъ ея имѣетъ огромное экономическое значеніе, выславъ своихъ сыновъ въ ряды ополченія, напрягла этимъ всѣ свои силы.

* * *

Интересное и вполне разумное нововведеніе.

Въ воинскихъ поѣздахъ, на крышахъ большинства товарныхъ вагоновъ, въ которыхъ перевозятся

нижніе чины, носящихъ названіе „воинскихъ теплушекъ“, устроены брезентовые ящики, въ которыхъ везется грузъ Краснаго Креста, интендантскій и т. д.

Какъ извѣстно, сорокъ человекъ, помѣщающихся въ товарномъ вагонѣ, далеко не исчерпываютъ грузоподъемность вагона, а дополнительный грузъ на крышѣ ничуть не обременяетъ поѣзда, дѣлая экономію въ численности подвижнаго состава.

Слѣдовало грузить крыши вагоновъ до нормы на всѣхъ „воинскихъ теплушкахъ“.

* * *

Нынѣшняя война выдвинула и женщинъ-героинь.

Я уже имѣлъ случай говорить о развѣдчицѣ и переводчицѣ Соломкѣ, или Смолкѣ.

Она носитъ мужской костюмъ, говорить про себя въ мужскомъ родѣ и, говорятъ, чрезвычайно отважна.

Другая развѣдчица и переводчица носитъ тоже мужское имя—Іосифъ Клячко.

Выдѣлилась храбростью сестра милосердія г-жа Щеголева, тоже бросившая стѣснительный женскій костюмъ и отважно гарцующая подъ пулями верхомъ на конѣ.

Такой ее видѣли подъ Тюренченомъ.

Облеклись въ казацкое платье и жены одного степного коменданта близь Ляояна и пограничнаго офицера на посту, около Тъелина.

Объ онъ съ необычайнымъ безстрашиемъ являются товарищами по оружію своихъ мужей.

Современныя „кавалеристъ-дѣвицы“!

* *
*

Почтовые порядки на войнѣ оставляютъ желать многого.

Слышатся постоянно жалобы на пропажу писемъ.

Характерную сценку мнѣ рассказывалъ одинъ офицеръ.

— Выхожу на одной изъ станцій, но не помню какой, не доѣзжая Мукдена, хочу опустить письмо въ почтовый ящикъ, вижу—боковая дверца его открыта...

— Что же это такое, ящикъ отпертъ?—спрашиваю стоящаго тутъ же на платформѣ юнаго почтоваго чиновника, меланхолически курящаго папироску.

— Это все равно!

— Какъ, все равно?

— Открыть-ли, или закрыть, все равно писемъ никуда не отправимъ.

Просто, откровенно и рѣшительно!

ХЛІ.

Газеты, письма и деньги на войнѣ.

Въ газетахъ на войнѣ ощущается недостатокъ. Не говоря уже о передовыхъ позиціяхъ, но и въ городахъ, гдѣ помѣщаются главныя квартиры главнокомандующаго и командующаго арміей, газеты получаютъ рѣдко и неисправно.

А между тѣмъ, потребность въ нихъ сильная. Во время русско-турецкой войны, по словамъ ея участниковъ, въ настоящее время находящихся въ рядахъ дѣйствующей арміи, этой жажды газетъ не ощущалось.

Четверть вѣка, промчавшаяся съ тѣхъ поръ, видимо, сильно развила въ русскихъ людяхъ потребность къ чтенію газетъ.

— Но зачѣмъ-же тамъ газеты, тамъ, въ центрѣ самыхъ событій, извѣстіями о которыхъ интересуется весь міръ?—спросить, быть можетъ, недоумѣвающей читатель.—Вѣдь тамъ все совершается передъ глазами...

И онъ очень ошибется.

Тамъ, въ центрѣ событій, знаютъ не только менѣе того, что знаютъ въ Петербургѣ, но даже, безъ преувеличенія можно сказать, ничего не знаютъ...

Извѣстія сосредоточиваются въ главныхъ квартирахъ, а оттуда идутъ въ Петербургъ.

Отсюда страстное желаніе узнать о положеніи дѣла вообще, желаніе, которое можетъ быть удовлетворено только газетами.

Петербургскія и московскія приходятъ поздно, неаккуратно и много въ двухъ, трехъ экземплярахъ.

Эти экземпляры положительно рвутъ на части и подчасъ стараются всѣми правдами и неправдами, подъ предлогомъ передачи, получить съ почты экземпляръ раньше адресата.

Иногда экземпляръ достигаетъ до послѣдняго, хоть и въ помятомъ видѣ, а иногда просто зачитывается.

Кто читаль послѣдній, концовъ не найдешь.

На станціяхъ въ Ляоянѣ и Мукденѣ, въ помѣщеніи, гдѣ продаются отдѣльные номера „Харбинскаго Вѣстника“ и „Вѣстника Маньчжурской Арміи“, эти номера берутся прямо съ бою.

Но эти мѣстныя газеты далеко не отличаются полнотою извѣстій и не удовлетворяютъ читателей.

Они жаждутъ столичныхъ газетъ, какъ болѣе полныхъ.

А ихъ нѣтъ, или почти нѣтъ!

Редакціи газетъ сдѣлали-бы доброе дѣло, если бы посылали по экземпляру газетъ въ корпусные штабы дѣйствующей арміи.

Какая это была-бы радость для офицеровъ и солдатъ.

У газетъ не было-бы болѣе внимательныхъ читателей.

Въ нихъ оторванные отъ родины воины нашли-бы кромѣ извѣстій съ войны и вѣсточки съ этой родины.

А какъ дороги эти вѣсточки.

Надо видѣть оживленныя лица офицеровъ и солдатъ въ отрядахъ, на передовыхъ позиціяхъ въ дни, когда туда достигаетъ „почта-летучка“ и приноситъ письма.

Всѣ ходятъ или стоятъ и сидятъ съ радостными лицами, уткнувшись въ драгоценныя листочки, вынутые изъ конвертовъ.

А рядомъ унылыя, угрюмыя лица тѣхъ, которымъ почта не принесла ничего.

Надо отдать справедливость полевой почтѣ— она несетъ огромный трудъ, работая день и ночь

и не ея вина, если письма затериваются и запаздывают—слишкомъ ихъ много.

По отрядамъ и въ полковые штабы письма развозить летучая почта, состоящая изъ казаковъ, получая адресованную въ тотъ или другой штабъ съ полевой почты, а въ городахъ разноски писемъ не существуетъ.

Адресаты должны сами справляться о письмахъ на почтѣ, гдѣ заказная и простая корреспонденція хранится по алфавиту адресата или, адресованная въ части войскъ, по этимъ частямъ.

Чтобы найти письмо, особенно на букву, съ которой начинается много фамилій, надо пересмотрѣть груды писемъ.

Исключенія дѣлаются лишь для писемъ, адресованныхъ въ главный или полевой штабъ, въ развѣдочное отдѣленіе, въ цензуру въ Мукденѣ.

Туда письма доставляются съ полевой почты.

Въ Ляоянѣ письма военныхъ корреспондентовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, доставлялись въ редакцію „Вѣстника Маньчжурской Арміи“.

Но повторяю, почта ходитъ неаккуратно, принося иногда сразу по два, по три письма, отправленные въ разные сроки.

Многія письма теряются.

Телеграммы изъ Ляояна въ Петербургъ и обратно иногда ходили по 7—8 сутокъ.

Виною скопленія телеграммъ—занятые экстренными сообщеніями провода.

Приходилось, въ безпокойствѣ, не получая из-

вѣстій, отправлять срочныя телеграммы, платя по 45 коп. за слово.

Но и эти не ходять особенно быстро.

Все это несомнѣнно имѣеть свое разумное объясненіе, но отъ этого ничуть не легче тѣмъ, кто ждетъ получить, какъ манну небесную, вѣсточку съ далекой родины, отъ близкихъ сердцу и... не получаетъ ее днями, а иногда и недѣлями.

Къ нервно приподнятому состоянію духа прибавляется угнетенное, и ничто не можетъ сравниться съ этой пыткой.

Надо испытать ее, чтобы знать, какое оживляющее, прямо воскрешающее значеніе имѣеть во время полученное письмо съ родины для оторваннаго отъ нея человѣка.

Письмо на театрѣ войны—лучшій подарокъ для воина...

* * *

— На войнѣ бываютъ моменты, когда деньги для людей ни имѣють никакого значенія!

Это сказалъ мнѣ одинъ изъ выдающихся русскихъ добровольцевъ г. Цѣхановичъ, бывшій секретарь одесской городской управы, совершившій съ отрядомъ полковника Мадритова рискованную развѣдку въ Кореѣ въ тылу японцевъ.

— Съ нами были тридцать тысячъ серебряныхъ рублей, тяжесть для обоза довольно значительная. Начальникъ рѣшилъ роздать ихъ на руки людямъ, но неожиданно натолкнулся на упорный отказъ. „Куда ихъ намъ, только одна тяжесть“,—

отвѣчали всѣ какъ одинъ.—„Ну ихъ!“ Насилу уговорили взять по нѣсколько рублей...

Да и вообще во время войны деньги цѣнятся дешево.

Неизвѣстность завтрашняго дня парализируетъ экономію и обезцѣниваетъ деньги.

Этимъ пользуются разнаго рода гешефтмахеры включительно съ китайцами, и назначаютъ за товаръ и услуги баснословныя цѣны.

И онѣ не кажутся баснословными.

Заплатить за бритве—1 рубль, за конецъ на рикшѣ—тотъ же рубль, за бутылку простого кваса со льдомъ—80 коп., за цыпленка—2 рубля и за бутылку шампанскаго—15 рублей—кажется совершенно естественно.

Такова цѣна!

Ее и платятъ!

Экономятъ развѣ семейные офицеры, отсылающіе деньги семьямъ.

Ихъ всегда можно было встрѣтить въ русско-китайскомъ банкѣ, отдѣленіе котораго въ Ляоянѣ находилось на самомъ концѣ китайскаго города у Восточныхъ воротъ.

Оно помѣщалось въ китайскомъ зданіи, состоящемъ изъ нѣсколькихъ соединенныхъ фанзъ.

Весь составъ служащихъ банка состоялъ изъ управляющаго, его помощника и кассира, двухъ артельщиковъ и нѣсколькихъ „боевъ“—китайцевъ.

Операціи банка по приему и выдачѣ переводовъ размѣну китайскихъ денегъ были крайне не сложны.

Не замѣчалось ни малѣйшей банковской волокиты.

Банкъ вообще былъ все время на бивакахъ и каждый день былъ готовъ къ выѣзду.

Передъ наступленіемъ японцевъ на Ляоянъ онъ быстро собралъ свои книги, деньги и выѣхалъ въ Тъелинъ.

Въ Мукденѣ отдѣленіе русско-китайскаго банка помѣщается въ болѣе обширномъ зданіи, и мебелировка болѣе шикарна.

Въ Ляоянѣ простые столы и табуреты, въ Мукденѣ—европейская мебель.

Въ Харбинѣ отдѣленіе бюро помѣщается же въ собственномъ двухэтажномъ роскошномъ отдѣльномъ домѣ на Соборной улицѣ.

Зеркальныя окна, электрическое освѣщеніе, балюстрады, пюпитры, конторки, надписи и даже швейцарь.

Здѣсь банковыя операціи производятся не съ мукденской, не говоря уже о ляоянской, простотой.

Да и размѣръ этихъ операцій гораздо больше.

Изъ Россіи черезъ эти банки идутъ только телеграфные переводы, да и то дней по десяти, почтовыхъ переводовъ вовсе не практикуются, такъ какъ почта ходитъ медленно и переводъ можетъ затеряться.

Почтовыхъ денежныхъ пакетовъ совсѣмъ на театрѣ войны не получается, да они, кстати, и не принимаются.

Въ общемъ денегъ тратится много и въ нихъ недостатка не ощущается.

Знаменитое „двадцатое число“ и на войнѣ

играетъ ту же роль, какъ и въ мирное время— жалованье служащими получается аккуратно.

Офицеры получаютъ жалованье въ своихъ частяхъ отъ полковыхъ и ротныхъ казначеевъ.

Вы часто, впрочемъ, можете услышать отъ офицера:

— Я жалованья не получалъ уже три мѣсяца...

Но это неполученіе жалованья происходитъ не отъ неаккуратности выдачи, а оттого, что или самъ говорящій не нашелъ нужнымъ получать жалованье, или-же, онъ былъ въ продолжительной развѣдкѣ и не соединялся со своею частью.

— Но вѣдь жалованье ваше въ сохранности?

— Знаю, что въ сохранности, надо только съѣздить получить. Никакъ не удосужусь...

Что касается до китайцевъ, то они, конечно, охотно принимаютъ русскія деньги, предпочитая серебру бумажки.

Золотыхъ монетъ въ обращеніи мало, и онѣ тоже очень цѣнятся китайцами.

Къ серебрянымъ рублямъ они относятся индифферентнѣе, берутъ но не выказываютъ алчной радости, какъ при полученіи бумажекъ и золотыхъ монетъ.

Въ китайской монетной системѣ господствуетъ хаосъ.

Размѣнную монету представляетъ тун-цянъ или чохъ,—плоскій металлическій кружокъ величиной въ новый двухкопѣчникъ, но тонкій, съ квадратнымъ прорѣзомъ по срединѣ.

Это очень тонкая монета и 100 чоховъ соста-

вляеть цину серебра, тоньше нашего гривенника. Ланъ или таэль заключаетъ въ себѣ десять цинь или 1,000 чоховъ.

Съ появленіемъ въ Манджуріи русской серебряной и мѣдной монеты, даже нищіе китайцы пренебрегаютъ чохами, не считая ихъ ни во что.

Хоасъ, царящій въ китайской монетной системѣ, въ началѣ войны повелъ къ тому, что русскіе интенданты переплачивали китайцамъ, считая на рубли, тогда какъ китайцы считали и назначали цѣну на таэли.

Разница 40 процентовъ.

Но вскорѣ это было усмотрѣно и прекращено.

Объ этомъ мнѣ сообщилъ главный комендантъ манджурской арміи генераль Губеръ.

ХЛІІ.

Наши солдатики.

Солдатушки, браво, ребятушки,
Гдѣ же ваши жены?
Наши жены, ружья заряжены,
Вотъ вамъ наши жены!

И эта старинная удалая солдатская пѣсня, говорящая о томъ, что у солдата не должно быть никакихъ родственныхъ привязанностей, что онъ весь всѣмъ своимъ существомъ принадлежитъ государству и долженъ стоять на стражѣ своего Царя и своего отечества, розносится теперь по всему великому сибирскому пути, по длинной лентѣ восточно-китайской желѣзной дороги и отдается гулкимъ эхомъ въ сопкахъ Манджуріи.

Во время войны она именно и приобретает глубокий смысл.

Оставлены осиротевшія семьи, молодые жены, малыя дѣти, и идутъ ихъ дѣти, мужья и отцы въ далекий непривѣтный край, чтобы стать лицомъ къ лицу съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ и грудью постоять за честь и славу своего отечества.

Тутъ не до семей, не до женъ, не до дѣтей, и дѣйствительно „жены“ этихъ незамѣтныхъ героевъ ихъ „ружья заряжены“, а сестры — „штыки остры“, какъ поется въ пѣснѣ.

Мы наглядѣлись на этихъ забывшихъ для воинскаго долга всѣ родственныя связи солдатиковъ и намѣрены изобразить ихъ и въ дорогѣ къ театру войны и на самомъ этомъ театрѣ на бивакахъ.

Эти наброски не будутъ беллетристическими картинами, а лишь эскизами съ натуры, безъ преувеличеній, безъ украшеній дѣйствительности.

Да этихъ украшеній и не требуется!

Скромный, двухпаровозный въ 40—50 товарныхъ вагоновъ воинскій поѣздъ движется съ возможной для него быстротой по Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской желѣзнодорожнымъ линіямъ, останавливаясь не только на станціяхъ, но и на разъѣздахъ, чтобы пропустить рѣдкіе пассажирскіе поѣзда, а главнымъ образомъ порожній подвижный составъ, уже сдавшій свои живые грузы и спѣшацій за новыми.

И такихъ поѣздовъ за послѣднее время по этимъ линіямъ идетъ до 11-ти паръ въ сутки.

Каждый поѣздъ везетъ эшелонъ въ 700—800 человекъ, не считая орудій и обозовъ.

Люди помѣщаются въ такъ называемыхъ „воинскихъ теплушкахъ“, т. е. товарныхъ вагонахъ, приспособленныхъ для перевозки.

Это приспособленіе заключается въ томъ, что въ вагонѣ устроены верхнія нары, на которыхъ можетъ спать двадцать человекъ, да двадцать помѣщается внизу.

Съ ними ихъ аммуниція и незатѣйливый скарбъ.

Части, гдѣ есть лошади, эти послѣднія помѣщаются въ вагонахъ по двѣ, по четыре; стойла ихъ завѣшены циновками, а въ свободномъ пространствѣ ѣдутъ люди, наблюдающіе за лошадьми.

Ѣдутъ не тѣсно, удобно и при хорошемъ питаніи чувствуютъ себя бодро и весело.

Солдатская пѣсня оглашаетъ и Волгу-матушку и рѣки далекой Сибири: Обь, Енисей, Иртышъ, Ангару и туннель въ Хинганѣ и равнины Монголіи и сѣверной Манджурии...

Далеко несется эта пѣсня.

На станціяхъ отдыхъ.

Солдатики разбредутся по сосѣднимъ полямъ, лугамъ и рощамъ, коли есть рѣчка, то купаются и запасаются водой...

Я былъ свидѣтелемъ такого купанья въ Ангарѣ.

Вода въ ней быстрая, студеная, даже въ жары. Солдатики были довольны.

— Что, хорошо?

— Лучше не надо, ваше благородіе... И въ чайники воды набрали, больно чиста.

И дѣйствительно вода въ Ангарѣ чиста какъ кристалль.

Веселыя бодрыя лица—ни тѣни грусти ни въ однихъ глазахъ.

Вотъ солдаты обступили китайцевъ, продающихъ всякую снѣдь, а также солдатскія сѣрыя рубахи, и Богъ вѣсть, на какомъ языкѣ ведутъ съ нимъ оживленные разговоры.

Имъ помогаютъ, впрочемъ, бывалые товарищи, сдѣлавшіе китайскій походъ.

На груди многихъ изъ нихъ блестятъ георгіевскіе кресты.

Тѣ разговариваютъ на какомъ-то изобрѣтенномъ имъ самимъ русско-китайскомъ языкѣ и китайцы понимаютъ ихъ и стараются говорить, по ихъ мнѣнію, по русски.

— До-шао-цянъ?.. спрашиваетъ такой солдатикъ, указывая на рубашку.

Это значить „сколько стоитъ“.

— А-цзинъ лубли...—отвѣчаетъ китаецъ и для ясности поднимаетъ одинъ палець.

— Одинъ рубль! Хынъ-до, хынъ-до... — возражаетъ солдатикъ опять же по китайски и тоже для ясности качаетъ укоризненно головой.

„Хынъ-до“—значить „слишкомъ дорого“.

— Что муного! Ни муного. Твоя покупай. Шибко шанго есть...—увѣряетъ китаецъ.

И въ концѣ концовъ торгъ заключается.

Эти сценки происходятъ уже на станціяхъ Манджуріи.

А ранѣе по Сибири на станціяхъ къ приходу воинскаго поѣзда высыпаютъ крестьяне изъ сосѣднихъ селъ и деревень изъ переселенцевъ.

Они спрашиваютъ, кто откуда, ищутъ земляковъ.

Иногда происходятъ умиленные встрѣчи между бывшими сосѣдями и даже родственниками.

На пассажирскихъ поѣздахъ, которые обгоняютъ воинскіе, ѣдутъ офицеры, спрашивающіе солдатъ о томъ, какого они полка, дивизіи, корпуса.

Нерѣдки случаи, когда запасные солдаты, призванные вновь на службу, узнаютъ въ офицерахъ своихъ бывшихъ начальниковъ.

Широкая улыбка расплывается по добродушному солдатскому лицу.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе.

— Узналь?

— Какъ не узнать... Узналь, ваше высокоблагородіе...

— Значить, опять послужимъ...

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе...

— Фельдфебелемъ въ моей ротѣ былъ, когда я былъ капитаномъ...—говоритъ тоже съ радостнымъ выраженіемъ лица солидный полковникъ.

Видимо оба довольны встрѣчей.

Пассажиры экспреса и почтовыхъ поѣздовъ, офицеры, да и служащіе на станціяхъ, а въ городахъ публика, пришедшая встрѣтить воинскій поѣздъ, даютъ солдатикамъ деньги, табакъ, папиросы, чай, сахаръ...

Солдатики принимаютъ не безъ оговорки:

— Помилуйте, зачѣмъ беспокоитесь, мы и такъ всѣмъ довольны...

И видимо, что это такъ въ дѣйствительности.

Ни слѣда утомленія и, само-собой разумѣется, ни слѣда робости.

Любо-дорого глядѣть на салдатиковъ въ дорогѣ.

Бдуть на войну съ пѣсней, смѣхомъ и веселой прибауткой.

Такъ и хочется крикнуть имъ первыя слова ихъ-же пѣсни:

„Солдатушки, браво, ребятушки!“

* * *

Яркое жгучее солнце съ безоблачнаго изсиняголубого неба немилосердно своими палящими лучами обливаетъ землю.

Трудно дышать въ раскаленномъ воздухѣ.

Кругомъ поля скошеннаго гаоляна, вдали, со-всѣмъ вдали горы, порой возвышающіяся прямо отвѣсными скалами.

Нельзя себѣ даже представить, что можно взобраться человѣку на такую гору, а между тѣмъ наши солдатики еще такъ недавно взбирались на нихъ.

Палатокъ нѣтъ, виднѣется только одна зеленого цвѣта подъ цвѣтъ травы.

Ружья сложены пирамидами, солдаты расположились на землѣ кучками.

Затишье.

Непріятель сравнительно далеко, изъ части посланы развѣзды для развѣдки о его позиціяхъ.

Пока эти развѣзды не возвращались.

Солдатики отдыхаютъ.

Шинели и амуниція сброшены, иные сняли и пояса, но жара даетъ себя знать: потъ льется градомъ съ загорѣлыхъ лицъ, смочилъ усы, бороды, рубахи прилипли къ тѣлу и, какъ говорится, „хоть выжми“.

Это не мѣшаетъ, однако, въ нѣкоторыхъ группахъ „чаевничать“, т. е. пить изъ жестяныхъ кружекъ чай, заваренный обыкновенно въ большомъ жестяномъ, а иногда и мѣдномъ походномъ чайникѣ, закусывая чернымъ, а порой и пшеничнымъ хлѣбомъ.

Иные лежатъ на землѣ и смотрятъ въ высь, въ небо, слѣдя за летающими птицами неизвѣстнаго въ Россіи оперенія и неизвѣстнаго названія.

— Глянь, большая, да красноглазая, не ворона, кажись, а смахиваетъ...

На поляхъ то и дѣло мелькаютъ человѣческія фигуры.

— Гляди, гляди, кажись, онъ...

Подъ „онъ“ подразумѣвается японецъ...

Дурья голова, „онъ“, откуда ему взяться, нашъ это, видишь, нашъ вытянулся.. Вѣдь отъ начальства былъ приказъ на сторожевыхъ постахъ лежать, а онъ, на поди, во весь ростъ... Достанется малому...

— Тоже и лежать сласть-то небольшая...—слышится молодой голосъ.

— Приказано, такъ и лежи, умри, да лежи...—
степенно говорить, видимо, бывалый солдатикъ
уже въ лѣтахъ. „Онъ“ вотъ все лежитъ, отъ зем-
ли-то и не видать его...

— Махонькій, потому и не видать...

— Поскорѣй бы на него... Нанизаль бы на штыкъ
штукъ пять, ровно черносливъ...

— И впрямь черносливъ, черномазый...—слы-
шится добродушный смѣхъ, совсѣмъ не гармони-
рующій съ выраженнымъ желаніемъ нанизать врага
на штыкъ...

— А это не „онъ“, братцы?—указываютъ даже
приподнявшіеся съ земли солдаты на нѣсколько
фигурокъ, появившихся на горизонтѣ.

— Китайцы, съ косами... Впервой я ихъ все
издали за дѣвокъ принималъ, прости Господи,—
замѣчаетъ все тотъ же бывалый солдатикъ.

— А есть и стриженные...

— Попы это ихніе, бонзы...

— Намедни есауль сказывалъ, есть и японцы...

— А кто ихъ разбереть...

— Разобрать бы надоть, а японца и приколоть...
—говоритъ молодой солдатикъ.

— Начальство разбираетъ, надо только предо-
ставить...

— Эхъ, кабы попался мнѣ... Душеньку бы я
отвелъ...

Вотъ въ одной группѣ солдатъ читаетъ пись-
мо съ родины, пришедшее по „летучкѣ“, т. е. по
летучей полевой почтѣ, состоящей изъ казаковъ.

Собрались все земляки.

Письмо пришло одному, но радость общая.

Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ мелочей крестьянскаго обихода, да поклоновъ отъ многочисленныхъ родственниковъ и сосѣдей,—этими поклонами заняты три четверти письма—но въ нихъ-то вся и суть.

Имя сосѣда или родственника вызываетъ воспоминанія не только того, кому адресовано письмо, но и всѣхъ земляковъ.

„А дядя Парфенъ шлетъ тебѣ нижайшій поклонъ“,—читаетъ солдатъ.

— Дядя Парфень!..—слышится радостное восклицаніе.

— Живъ старый!

— Ногу ему надесь телѣгой пришибло...

И встаютъ передъ солдатами картины ихъ родины.

За кучкой, окружившей чтеца и счастливца, получившаго вѣсточку съ родины, сидятъ и прислушиваются нѣсколько солдатиковъ съ грустными лицами.

Имъ ничего не говорятъ доносящіяся до ихъ слуха имена.

Они изъ другихъ мѣсть.

И никто изъ нихъ не получилъ письма.

Съ завистью смотрятъ они на переживающихъ родныхъ воспоминанія.

Но вотъ наступаетъ время обѣда.

Задымились походныя кухни.

Подается сигналъ къ обѣду,

Солдатики бѣгутъ за котелками, вынуты изъ за голенища или изъ за пазухи ложки.

Время обѣда.

Если долгое затишье, то производится ученье, а то, когда надо укрѣпиться, роютъ рвы, насыпаютъ окопы.

Работа идетъ весело, съ пѣсней, пѣсня слышится порой и на бивакѣ, коли разрѣшить начальство.

И несется русская удалая солдатская пѣсня на далекое пространство, гулкимъ эхомъ отдаваясь вдали и привлекая китайцевъ, которые прислушиваются къ ней со скошенныхъ полей.

По горамъ, доламъ идемъ,

Всѣхъ японцевъ разобьемъ...—

выводить запѣвало.

— Разобьемъ, разобьемъ, разобьемъ!..—вторить ему могучій хоръ.

Иные солдатки и до обѣда и послѣ обѣда заняты подѣлками—чинятъ себѣ рубахи, сапоги...

Жарко, томительно жарко!

Вечерѣтъ, но закатывающееся дневное свѣтило не уносить съ собой невыносимой жары.

Нагрѣтый имъ воздухъ какъ-бы и не охлаждается до его новаго восхода.

Душная, совсѣмъ черная ночь.

Огней нѣтъ.

Только изрѣдка на небѣ блеснетъ полоска свѣта.

Не то зарница, не то „онъ“ сигнализируетъ.

Слышится неровное дыханіе спящихъ людей, иногда вздохъ со стономъ.

И все тихо.

Что снится солдатикамъ?

Конечно, далекая родина, дорогія близкія лица.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Гл.	Стр.
„Рано“, стихотвореніе	1
Предисловіе автора	II
I Отъ Петербурга до Москвы	1
II Въ Сибирскомъ поѣздѣ	6
III Жизнь въ поѣздѣ	13
IV По Сибири	18
V Черезъ Байкаль	24
VI При свѣтѣ лѣсныхъ пожаровъ	32
VII Сквозь Хинганъ	38
VIII Въ Мукденѣ	48
IX Среди раненыхъ	55
X Японскія звѣрства	60
XI Въ госпиталѣ „Краснаго Креста“	65
XII Въ Ляоянѣ	68
XIII Въ Дашичао	74
XIV На передовыхъ позиціяхъ	81
XV Въ Хайченѣ	86
XVI Положеніе воюющихъ сторонъ	92
XVII Осторожность японцевъ	99
XVIII Японскіе планы	112
XIX Японская тактика	122
XX Въ отрядѣ графа Келлера	131
XXI Математическая стрѣльба	137
XXII Картинки боевой жизни	144
XXIII Въ „Кумирнѣ Бога Войны“	156

II

XXIV	Корреспондентскія мытарства	163
XXV	Генералы Келлеръ и Ренненкампфъ	171
XXVI	Роль китайцевъ на войнѣ	180
XXVII	Незамѣтные герои	184
XXVIII	На восточныхъ позиціяхъ	188
XXIX	Терпѣнье, терпѣнье!	197
XXX	Бой подъ Дашичао	202
XXXI	Занятіе Инкоу японцами	208
XXXII	Бой подъ Сихеяномъ	217
XXXIII	Въ тылу арміи	223
XXXIV	Въ складѣ Государыни Императрицы Ален- сандры Ѳеодоровны	231
XXXV	Душевныя заболѣванія на войнѣ	239
XXXVI	Смерть графа Келлера	245
XXXVII	Подарки артиллеристамъ	252
XXXVIII	Ляоянъ	256
XXXIX	Мукденъ и Тъелинъ	264
XL	Военныя впечатлѣнія и встрѣчи	269
XLI	Газеты, письма и деньги на войнѣ	275
XLII	Наши солдатики	283

Того-же автора:

Аракчеевъ. Истор. романъ XIX столѣтія, въ 2 т. и 6 част.
Изданіе второе. Ц. 2 р.

Малюта-Скуратовъ. Истор. романъ въ 2 ч. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Князь Тавриды. Истор. романъ въ 3 ч., съ портр. Г. А. Потемкина. Изд. второе. Ц. 1 р.

Коронованный рыцарь. Истор. романъ въ 3 ч., съ портр. Императора Павла I. Изд. второе. Ц. 1 р.

Генералиссимусъ Суворовъ. Истор. романъ въ 3 ч. Ц. 2 р.

Первый русскій Самодержецъ. Истор. романъ въ 2 ч.
Ц. 1 р.

Людоедка. Истор. романъ въ 3 ч. Ц. 2 р.

Дочь Петра Великаго. Истор. романъ въ 3 ч. Ц. 2 р.

Судные дни Великаго Новгорода. Историч. повѣсть.
Сцена и жизнь. Мелкіе рассказы. Ц. 1 р.

Тайны высокаго дома. Романъ изъ сибирской жизни
въ 3 ч. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Герой конца вѣка. Романъ-хроника въ 3 ч. Ц. 2 р.

Современный самозванецъ. Романъ-хроника въ 3 ч.
съ портретомъ героя романа Н. Г. Савина. Ц. 2 р.

Въ тинѣ адвокатуры. Романъ конца вѣка въ 2 т. и 4 ч.
Изданіе второе. Ц. 2 р.

Женскій ядъ. Романъ въ 2 ч. Изданіе третье. Ц. 75 коп.

Подъ гнетомъ страсти. Романъ въ 3 ч. Ц. 1 р.

Тайна любви. Романъ въ 3 ч. Ц. 1 р. 50 коп.

Въ царствѣ привидѣній. Романъ въ 3 ч. Ц. 2 р.

На пути въ министры. Романъ конца вѣка въ 3 ч., съ портретомъ автора. Ц. 2 р.

Въ чадѣ измѣны. Истор. романъ XVIII стол., въ 3 ч. Ц. 2 р.

Ополченскій крестъ. Истор. романъ въ 2 ч. Ц. 1 р. 50 к.

До лясѹ. Истор. романъ XIX стол., въ 3 ч. Ц. 2 р.

По пятакѹ. Романъ изъ жизни газетныхъ труженниковъ, въ 3 ч. Ц. 2 р.

Ермакъ Тимофѣевичъ. Истор. романъ въ 3 ч. Ц. 1 р.

Женщина-демонъ. Романъ. Ц. 1 р.

Въ каменныхъ объятіяхъ. Романъ въ 3 ч. Ц. 1 р.

Власть женщины. Повѣсть. Ц. 60 коп.

Петербургъ и Сибирь. Очерки и рассказы. Ц. 75 коп.

Изъ міра таинственнаго. „Записки спирита“. Ц. 50 коп.

Жертвы житейскаго моря. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Ц. 1 р.

Фельетонный романъ. Комедія въ 1 дѣйствіи. Ц. 50 коп.

Современная спартанка. Монологъ. Ц. 20 коп.

Риёмованныя мысли и шалости пера. Ц. 1 р.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

На театрѣ войны. Романъ послѣднихъ дней.

Цѣна 1 руб.

Складъ изданія:

при Типо-Литографіи «ЭНЕРГІЯ»,

Спб., Загородный пр. 17.

पु
म

2007082384